

ПРАВОСУДИЕ JUSTICE

2023

Том 5, № 1

2023

Vol. 5, no. 1

Научный журнал

Scientific Journal

Учредитель и издатель:

Российский государственный
университет правосудия

Founder and Publisher:

Russian State University of Justice

Издается с сентября 2019 года
Периодичность издания – 4 раза в год

Published since September 2019
Publication frequency: quarterly

E-mail: vestnik@rsuj.ru
<http://justice.study>

Научный журнал «Правосудие/Justice» публикует оригинальные, соответствующие установленным требованиям статьи, в которых исследуются наиболее значимые для отечественной и зарубежной юридической науки проблемы, относящиеся к следующим направлениям: теория и история права и государства, глобализация и правосудие, современные правовые доктрины, цифровизация и право, судопроизводство, судебные реформы и судебные системы отдельных стран. Издатель созданием журнала ставит цель представить научному сообществу результаты научных исследований российских и зарубежных ученых по специальному кругу вопросов, касающихся осуществления правосудия. Эти задачи решаются, в частности, посредством публикации статей на английском языке.

Наименование и содержание рубрик журнала соответствуют отраслям науки и Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени.

С целью экспертной оценки каждого поступающего в редакцию материала осуществляется научное рецензирование. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов. Редакция журнала направляет копии рецензий при поступлении соответствующего запроса в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации.

Журнал следует стандартам редакционной этики согласно международной практике редактирования, рецензирования, издательской деятельности и авторства научных публикаций и рекомендациям Комитета по этике научных публикаций (COPE). Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору за соблюдением законодательства в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-76078 от 24 июня 2019 г.

Подписной индекс 79646
(Агентство «Книга-сервис», каталог «Пресса России»)

Научный редактор Л. Б. Архипова (кандидат юридических наук)
Корректор К. В. Чегулова
Компьютерная верстка Г. С. Гордиенко

Адрес редакции:

Российская Федерация, 117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69
Тел.: +7(495) 332-51-49; +7(495) 332-51-19

При перепечатке и цитировании
ссылка на журнал «Правосудие/Justice» обязательна.
Полное или частичное воспроизведение в СМИ материалов,
опубликованных в журнале, допускается только с разрешения редакции

АО «Коломенская типография»
Подписано в печать 28.03.2023
Формат 70×100/16
Объем 15,6 усл. печ. л.
Тир. 300

The academic and scientific journal “Pravosudie/Justice” publishes original articles in accordance with the established requirements, which research the most significant for the domestic and foreign legal science problems in the following areas: theory and history of law and state, globalisation and justice, modern legal doctrines, digitalisation and law, legal procedure, judicial reforms and judicial systems of individual countries. The publisher of the journal’s aims to present to the scientific community the results of scientific research carried out by the Russian and international scientists and to introduce to the scientific community publications on a special range of issues relating to the administration of justice. These objectives are addressed, inter alia, through the publication of articles in English.

The titles and contents of the rubrics of the journal correspond to the branches of science and Nomenclature of scientific specialities in which degrees are awarded.

All materials submitted to the editorial board undergo a scientific peer review process. All reviewers are recognised experts in the subject matter of the reviewed material. The editorial board sends copies of reviews to the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation upon request.

The journal follows the standards of editorial ethics according to international practices for editing, reviewing, publishing and authorship of scientific publications and the recommendations of the Committee on the Ethics of Scientific Publications (COPE).

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences and for the degree of Doctor of Sciences are published.

The Journal is registered in the Federal Service
for Supervision in the Sphere of Communications,
Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)
Certificate: ПИ № ФС77-76078 24.06.2019

Subscription index 79646
(Agency “Kniga-Servis”, catalog “Pressa Rossii”)

Scientific editor L. B. Arkhipova (Cand. Sci. (Law))
Proof-reader K. V. Chegulova
Computer layout G. S. Gordienko

Postal address:

69 Novocheremushkinskaya ul., Moscow, 117418, Russian Federation
Tel.: +7(495) 332-51-49; +7(495) 332-51-19

When reprinting or quoting,
the reference to the journal “Pravosudie/Justice” is necessary.
No part of this publication may be reproduced
without the prior written permission of the publisher

JSC “Kolomenskaya Tipografiya”
Signed to print 28.03.2023
Sheet size 70×100/16
Conventional printed sheets 15,6
Number of copies 300

Главный редактор

Корнев Виктор Николаевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права имени Н. В. Витрука Российского государственного университета правосудия

Редакционная коллегия

Абдуллин Аделъ Ильсиярович (г. Казань, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета

Алекси Роберт (г. Киль, Германия), профессор, доктор, почетный доктор, доктор публичного права и философии права, ведущий профессор юридического факультета Кильского университета имени Христиана Альбрехта

Андреев Владимир Константинович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель направления гражданско-правовых и корпоративных исследований Центра исследования проблем правосудия Российского государственного университета правосудия

Арямов Андрей Анатольевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе Российского государственного университета правосудия

Балагер Кальехон Франциско (г. Гранада, Испания), профессор конституционного права Университета Гранады

Бриллиантов Александр Владимирович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного права Российского государственного университета правосудия

Бурдина Елена Владимировна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой организации судебной и правоохранительной деятельности Российского государственного университета правосудия

Вударски Аркадиуш (г. Франкфурт-на-Одере, Германия), профессор польского и европейского частного права и сравнительного права Европейского университета Виадрины; заведующий кафедрой гражданского права, гражданского процесса и сравнительного частного права Зеленогурского университета (Польша, г. Зелена Гура)

Годунов Валерий Николаевич (г. Минск, Республика Беларусь), доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник образования Республики Беларусь, директор Института переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета

Дорская Александра Андреевна (г. Санкт-Петербург, Россия), доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующий кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия

Ершов Валентин Валентинович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Российской академии естественных наук, президент Российского государственного университета правосудия

Качалов Виктор Иванович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной Российского государственного университета правосудия

Колюшин Евгений Иванович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации

Кононов Павел Иванович (г. Киров, Россия), доктор юридических наук, профессор, судья Второго арбитражного апелляционного суда

Кулаков Владимир Викторович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, ректор Российского государственного университета правосудия

Монжаль Пьер-Ив (г. Тур, Франция), доктор публичного права, профессор Университета Франсуа Рабле

Нешатаева Татьяна Николаевна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, судья Суда Евразийского экономического союза

Никитин Сергей Васильевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия

Прошунин Максим Михайлович (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры финансового права Российского государственного университета правосудия

Скляр Сергей Валерьевич (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия

Фаргиев Ибрагим Аюбович (г. Магас, Россия), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Председатель Верховного суда Республики Ингушетия

Фролова Елизавета Александровна (г. Москва, Россия), доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Editor-in-Chief

Viktor N. Kornev (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Vitruk Constitutional Law Department, Russian State University of Justice

Editorial board

Adel' I. Abdullin (Kazan, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the International and European Law Department, Kazan (Volga Region) Federal University

Robert Alexy (Kiel, German), Prof. Dr. Dr. h.c. mult., Senior Professor of the Law Department, Christian Albrecht University of Kiel

Vladimir K. Andreev (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Chief Researcher, Head of Civil Law and Corporate Studies of the Justice Research Center, Russian State University of Justice

Andrey A. Aryamov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Scientific Work of the Russian State University of Justice

Francisco Balager Callejón (Granada, Spain), Professor of Constitutional Law of the University of Granada

Alexander V. Brilliantov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Criminal Law Department, Russian State University of Justice

Elena V. Burdina (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Organization of the Judiciary and Law Enforcement Department, Russian State University of Justice

Arkadiusz Wudarski (Frankfurt am Oder, Germany), Professor of Polish and European Private Law and Comparative Law, European University Viadrina; Head of the Civil Law, Civil Procedure and Comparative Private Law Department, University of Zielona Góra (Zielona Góra, Poland)

Valery N. Godunov (Minsk, Republic of Belarus), Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Educator of the Republic of Belarus, Director of the Institute for Retraining and Advanced Training of Judges, Prosecutors, Courts and Justice Institutions, Belarusian State University

Alexandra A. Dorskaya (St. Petersburg, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Director, Head of the General Theoretical Legal Disciplines Department, North-West Branch, Russian State University of Justice

Valentin V. Ershov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Science, President of the Russian State University of Justice

Viktor I. Kachalov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Radutnaya Criminal Proceedings Law Department, Russian State University of Justice

Evgeniy I. Kolyushin (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Member of the Central Election Commission of the Russian Federation

Pavel I. Kononov (Kirov, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Second Arbitration Court of Appeal

Vladimir V. Kulakov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Rector of the Russian State University of Justice

Pierre-Yves Monjal (Tours, France), PhD in Public Law, Professor of the Francois Rabelais University

Tatyana N. Neshataeva (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Court of the Eurasian Economic Union

Sergey V. Nikitin (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Civil and Administrative Proceedings Department, Russian State University of Justice

Maxim M. Proshunin (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Financial Law Department, Russian State University of Justice

Sergey V. Sklyarov (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Criminal Law Department, Russian State University of Justice

Ibragim A. Fargiyev (Magas, Russia), Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Chairman of the Supreme Court of the Republic Ingushetia

Elizaveta A. Frolova (Moscow, Russia), Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Theory of State and Law and Political Science Department, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University

РЕДАКЦИОННАЯ СТАТЬЯ

- Корнев В. Н.* Традиционные конституционные ценности как духовно-нравственная основа единения российского общества и государства 8

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Ершов В. В., Поляков М. Б.* Эманация права (на англ. яз.)..... 16
- Провалинский Д. И.* Правовой статус личности в цифровом пространстве... 38

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Зимненко Б. Л.* О значении для судов Российской Федерации практики международных договорных органов ООН 54
- Максимов В. А., Сварчевский К. Г.* Роль обычая в практике Европейского Суда по правам человека 91
- Хохлова О. М., Рожкова А. К.* Правовой статус Экономического, социального и экологического совета Франции 105

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

- Алексеева Н. А.* Правовое регулирование возобновляемых источников энергии как способ борьбы с климатическими изменениями 117
- Широбоков А. С., Лю Хунянь.* Разрешение судами дел об административных правонарушениях, связанных с негативным воздействием на окружающую среду 134

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

- Бузова Н. В.* Совместные проекты по созданию результатов интеллектуальной деятельности: вопросы, требующие внимания 157

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Качалова О. В., Хроменков И. Р.* Обеспечение судом правовых интересов в досудебных стадиях уголовного судопроизводства..... 177

Content

EDITORIAL

- V. N. Kornev.* Traditional constitutional values as a spiritual and moral basis for the unity of Russian society and states 8

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

- V. V. Ershov, M. B. Polyakov.* Emanation of law (In Eng.)..... 16
- D. I. Provalinsky.* Legal status of the person in the digital space 38

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

- B. L. Zimnenko.* On the importance for the courts of the Russian Federation of the practice of international treaty bodies of the United Nations 54
- V. A. Maksimov, K. G. Svarchevskij.* The role of customs in the practice of the European Court of Human Rights 91
- O. M. Khokhlova, A. K. Rozhkova.* Legal status of the Economic, Social and Environmental Council of France 105

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

- N. A. Alekseeva.* Peculiarities of legal regulation of renewable energy sources.....117
- A. S. Shirobokov, Liu Hongyan.* Resolution by the courts of cases of administrative offenses related to the negative impact on the environment..... 134

PRIVATE LAW (CIVILISTIC) SCIENCES

- N. V. Buzova.* Joint projects to create results of intellectual activity: issues requiring attention 157

CRIMINAL LAW SCIENCES

- O. V. Kachalova, I. R. Khromenkov.* Ensuring the court's legal interests in the pre-trial stages of criminal proceedings..... 177

Традиционные конституционные ценности как духовно-нравственная основа единения российского общества и государства

Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»¹ – это знаковый документ, который представляет собой юридическую предпосылку для формирования идеологии новой России, выбравшей свой, независимый от коллективного Запада путь развития. Нетрудно заметить, что в этом аспекте положения Основ государственной политики прямо адресованы к статьям Конституции Российской Федерации, относящимся к определению основ конституционного строя. Прежде всего мы имеем в виду ст. 13 Конституции Российской Федерации, в ч. 1 и 2 которой закреплено: «В Российской Федерации признается идеологическое многообразие. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной и обязательной». Вполне очевидно, что по своей речевой и смысловой конструкции конституционная формула не способна выполнить задачу по единению российского общества, а, напротив, способствует его атомизации, появлению своего рода броуновского движения, разрушающего общественные связи, что мы отчасти наблюдаем сегодня.

По существу рассматриваемый документ представляет собой правовой акт, определяющий наряду с социальными, экономическими, политическими духовно-нравственные основы современного российского государства и государственной власти. Мы наконец-то полностью осознали, насколько важным для дальнейшего развития российского государства, обеспечения национальной безопасности, укрепления государственной власти, ее нравственного авторитета и сознательного повиновения со стороны общества является единение народов России на основе традиционных духовно-нравственных ценностей.

¹ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>.

Этот факт превосходно понимали наши предшественники – русские дореволюционные юристы. По вопросу нравственного оправдания государственной власти Б. А. Кистяковский утверждал: «Всякая власть должна быть носительницей какой-нибудь идеи, она должна иметь нравственное оправдание... Как только власть теряет одухотворяющую ее идею, она неминуемо гибнет. Одухотворяющая идея, или нравственное оправдание государственной власти, становится постепенно основным и наиболее важным признаком этой власти... Все, что не находит себе оправдания, изменяется и согласуется с тем, что должно быть. Таким образом, над властью все более приобретает господство правовая идея, идея должного» [Кистяковский, Б. А., 1916, с. 478–479].

Это касается, мы полагаем, не только государства и власти в целом, но и отдельной личности. Другой выдающийся русский юрист С. А. Котляревский писал по этому поводу, что личности, желающей жить полноценной жизнью в единении с обществом, с окружающим ее миром, «нужно понять этический смысл тех его элементов, которые возвышаются над их личной жизнью. Нужно найти его в таких началах, как национальность, государство, культура, хотя бы наш душевный уклад в данное время от них отталкивался, хотя бы для чувства они казались холодными, бездушными. Манящая к свободе от них душевная склонность рождает соблазнительные призраки. Ибо личность, теряя связь с этими объективно нравственными и в этом смысле общеобязательными началами, сама становится бессодержательной и бедной» [Котляревский, С. А., 1990, с. 184].

Во времена СССР предпринимались попытки идеологического оправдания власти и государства. На этот факт указывала ст. 6 Конституции СССР 1977 г., которая гласила: «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза. КПСС существует для народа и служит народу. Вооруженная марксистско-ленинским учением, Коммунистическая партия определяет генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР, руководит великой созидательной деятельностью советского народа, придает планомерный научно обоснованный характер его борьбе за победу коммунизма. Все партийные организации действуют в рамках Конституции СССР»².

После распада Советского Союза наступила эра так называемой деидеологизации в духе постмодернизма, провозгласившего кризис великих нарративов, к коим относилось не только учение марксизма-ленинизма, но и религия. Ведь постмодернисты в части критики традиционных религиозных воззрений предпочитают вести собственный отсчет от сумасшедшего персонажа Фридриха Ницше, заявившего: «Бог

² Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

мертв» [Харт, К., 2008, с. 7]. Нередки стали случаи оскорбления чувств верующих как в России, так и за рубежом, которые хорошо известны общественности: дикие выходки Пусси Райот в России, Шарли Эбдо во Франции, сжигание Корана в Швеции и др. В нашей стране это явилось основанием для принятия соответствующих правовых актов, предусматривающих ответственность за такого рода деяния.

Суть и последствия деидеологизации для нашей страны отразила уже упомянутая нами ст. 13 Конституции Российской Федерации, пагубные плоды которой мы не только воочию увидели, но и реально ощущаем на себе в настоящее время. Противодействовать этому призваны принятые Основы, одно из положений которых гласит: «Христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, являющиеся неотъемлемой частью российского исторического и духовного наследия, оказали значительное влияние на формирование традиционных ценностей, общих для верующих и неверующих граждан. Особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей принадлежит православию». Ведь угрозу «традиционным ценностям представляют деятельность экстремистских и террористических организаций, отдельных средств массовой информации и массовых коммуникаций, действия Соединенных Штатов Америки и других недружественных иностранных государств, ряда транснациональных корпораций и иностранных некоммерческих организаций, а также деятельность некоторых организаций и лиц на территории России».

Следует отметить тот факт, что принятие этого акта явилось подтверждением одного из явных признаков современного правового регулирования, который означает его этизацию (аксиологизацию), т. е. оно происходит под воздействием норм этики. Установление правовых дозволений и запретов осуществляется в тесном взаимодействии с моральными оценками дозволяемого и запрещаемого поведения человека, т. е. возникает повышенный спрос на аксиологию как философской теории ценности и оценки. Но что есть ценность? Согласно аксиологии ценность есть определенное значение предмета или явления, его свойств для действующего субъекта с точки зрения потребностей, интересов. Ценность есть определенное качество субъект-объектного ценностного отношения. Оценка – это мысль, суждение, высказывание о значении, ценности, следовательно, она имеет не объективно-социальное бытие, а бытие субъективное в сознании заинтересованного человека [Анисимов, С. Ф., 2001, с. 86–87]. Оценка – это тот мостик, по которому осуществляется переход от сущего к должному: ценность – оценка – норма. Таким образом, традиционные российские духовно-нравственные ценности, закрепленные в Конституции Российской Федерации, Указе Президента Российской Федерации и других национальных правовых актах, приобретают юридическое значение, т. е. имеют свойства общеобязательных правовых норм и принципов.

Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей уточняют само понятие «традиционные ценности»: «Традиционные ценности – нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые из поколения в поколение, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны»³. К традиционным ценностям отнесены жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

Стоит заметить, что ряд из перечисленных традиционных духовно-нравственных ценностей либо прямо и непосредственно закреплены в соответствующих статьях Конституции Российской Федерации, либо их конституционное содержание можно вывести путем толкования положений Конституции. Совокупность статей Конституции Российской Федерации, в которых закреплены традиционные духовно-нравственные ценности российского народа, послужили для отдельных ученых-юристов России основанием для разработки концепции «нравственного государства».

В качестве примера можно назвать профессора С. Н. Бабурина, который подготовил монографию «Нравственное государство: русский взгляд на ценности конституционализма». В ней он рассматривает широкий круг вопросов, которые имеют конституционный статус традиционных духовно-нравственных ценностей российского народа: свобода, справедливость, патриотизм, права человека, социальное партнерство, социальная солидарность, христианские ценности, нравственная миссия правосудия и т. д. Как отмечает в предисловии к монографии И. М. Рагимов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Азербайджана, президент Ассоциации юристов Черноморско-Каспийского региона, в понимании автора нравственное государство – это государство добродетели, воплощенное в конституционно закрепленной духовно-нравственной самоорганизации общества.

К такой мысли в свое время пришел известный философ В. С. Соловьев в работе «Оправдание добра. Нравственная философия». В частности, он подчеркивал, что в государстве реализуется возможность понимать добро как правду [Соловьев, В. С., 2012, с. 226].

С. Н. Бабуриным идет дальше и вводит в теоретико-правовую науку понятие «нравственное государство». Вводит рискованно, но плодотворно

³ Пункт 4 разд. 1 Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (утв. Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809).

но. Какое же государство можно считать нравственным? С. Н. Бабурин достаточно упорно ищет ответ на этот вопрос, ибо он понимает значимость ответа и для общественности, и для законодателя. Он твердо убежден в том, что не всякое демократическое, правовое и социальное государство является государством нравственным, но всякое нравственное должно обладать качественными характеристиками демократического правового и социального государства. Лишь нравственное государство может быть в современную эпоху идеальным государством [Бабурин, С. Н., 2020, с. 5–9].

Принято считать, что нравственность, будучи этико-философской категорией, понимается как система ценностей и добродетелей, определяющих социальное поведение группы людей или общества в целом. В этом качестве нравственность наряду с правом функционирует как важнейший регулятор поведения личности в обществе. Основами определено, что защита традиционных ценностей является составляющей частью государственной политики по обеспечению национальной безопасности России.

Вместе с тем этот процесс нельзя упрощать, поскольку право позволяет не только морально поощряемое поведение, но и морально порицаемое. И наоборот: юридически запрещенными могут быть как морально запрещаемые, так и дозволенные поступки [Мальцев, Г. В., 2008, с. 288]. В современную правовую эпоху морально порицаемое поведение, т. е. имеющее моральный статус *антиценности*, облекается в правовую форму дозволенного поведения. Это касается, например, легального признания однополых браков, с вытекающими отсюда юридическими последствиями, разрешения на употребление легких наркотиков, эвтаназии и т. д. Отмеченные философско-правовые процессы характерны для западной правовой реальности.

Вместе с тем такое положение вещей вызывает озабоченность научной общественности не только в государствах, которые все еще придерживаются традиционных ценностей, но и в странах, входящих в Европейский союз. Известный ученый-юрист из Университета г. Тур, который находится во Франции, П.-И. Монжаль пишет, что «вопрос об однополых браках больше не является спорным, сомнительным, как и вопрос о вспомогательных репродуктивных технологиях (оплодотворение с медицинской помощью) для пар нестерильных женщин. Более того, граждан, озабоченных подобными вопросами, представляют реакционерами или, в лучшем случае, гомофобами» [Монжаль, П.-И., 2021, с. 31–32]. Ровно такое же отношение – к суррогатному материнству, вследствие чего возникает фундаментальный вопрос не о «правах ребенка», а о «праве на ребенка». В связи с этим П.-И. Монжаль отмечает, что в этом случае налицо англосаксонский «товарный контракт», потому что ребенок является покупаемым продуктом, от которого в случае болезни, выявленной при рождении, будущие родители могут отказаться. Таким

образом, в рамках суррогатного материнства ребенок становится покупаемым и потребляемым продуктом, подлежащим оплате в денежном выражении за арендное использование матки третьего лица. В связи с такой постановкой вопроса ученый совершенно справедливо отмечает: «Подвергать сомнению посягательство на человеческое достоинство покупаемого ребенка, подвергать сомнению или обсуждать суррогатное материнство стало невозможным» [Монжаль, П.-И., 2021, с. 32].

Заметим, что достоинство человека Основы государственной политики относят к традиционным духовно-нравственным ценностям российского народа. С теоретической и практической точек зрения при всей существующей неясности и спорности дальнейшего развития человека и в целом человеческого общества одно остается бесспорным и неизблемым: охрана человеческого достоинства сегодня составляет определяющее направление и главный ориентир как для этики, так и для национального, наднационального и международного права [Mahlmann, M., 2012, p. 370]. Отсюда следует, что достоинство человека – это базовая этико-правовая ценность, которая занимает в иерархии ценностей ведущее, определяющее место, поскольку достоинство человека лежит в основе иных правовых ценностей, конституционных прав и свобод человека и гражданина [Корнев, В. Н., 2020, с. 8].

Таким образом, важно отметить действие разнонаправленных векторов правового развития, которые характеризуют современную западную и российскую правовую реальность. Если США и страны Европейского Союза, находясь в рамках философской парадигмы аморализма Фридриха Ницше, двигаются по пути дегуманизации человека и человеческих отношений, проявляющейся в утрате духовных и нравственных ценностей, отказе от мировоззрения, основанного на справедливости, внимании и уважении к личности, к индивидуальным качествам человека, отрицая ценности традиционных религий, то наша страна стратегической целью называет сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Можно с уверенностью сказать, что Россия встала на курс формирования национальной идеологии, базирующейся на духовно-нравственных традиционных ценностях нашего общества, передаваемых от поколения к поколению в своем историческом развитии. Система традиционных духовно-нравственных ценностей российского народа – это аксиологический ориентир для дальнейшего совершенствования системы права России.

Список источников

Анисимов С. Ф. Введение в аксиологию : учеб. пособие для изучающих философию. М. : Современные тетради, 2001. 125 с.

Бабурин С. Н. Нравственное государство: русский взгляд на ценности конституционализма. М. : Норма, 2020. 536 с.

Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916. 704 с.

Котляревский С. А. Оздоровление // Из глубины: сборник статей о русской революции. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1990. С. 174–186.

Корнев В. Н. Достоинство человека и право // Правосудие/Justice. 2020. Т. 2, № 4. С. 8–14.

Мальцев Г. В. Нравственные основания права. М. : Изд-во СГУ, 2008. 552 с.

Монжаль П.-И. Индивидуальные свободы в условиях кризиса в области климата и здравоохранения: размышления о тотализирующей идеологии прав человека // Правосудие/Justice. 2021. Т. 3, № 2. С. 17–61.

Рагимов И. М. Предисловие // Бабурин С. Н. Нравственное государство: русский взгляд на ценности конституционализма. М. : Норма, 2020. С. 5–9.

Соловьев В. С. Оправдание добра. М. : Ин-т рус. цивилизации : Алгоритм, 2012. 656 с.

Харт К. Постмодернизм / пер. с англ. К. Ткаченко. М. : ФАИР ПРЕСС, 2006. 272 с.

Mahlmann M. Human dignity and autonomy in modern constitutional orders // M. Rosenfeld, A. Sajo. The Oxford handbook of comparative constitutional law. Oxford, UK : Oxford University Press. P. 370–396.

References

Anisimov, S. F., 2001. *Vvedeniye v aksiologiyu* = [Introduction to axiology]. Textbook for students of philosophy. Moscow: Sovremennyye tetrady. 125 p. (In Russ.)

Baburin, S. N., 2020. *Nravstvennoye gosudarstvo: russkiy vzglyad na tsennosti konstitutsionalizma* = [Moral state: Russian view on the values of constitutionalism]. Moscow: Norma. 536 p. (In Russ.)

Kistyakovsky, B. A., 1916. *Sotsial'nyye nauki i pravo. Ocherki po metodologii sotsial'nykh nauk i obshchey teorii prava* = [Social sciences and law. Essays on the methodology of the social sciences and the general theory of law]. Moscow. 704 p. (In Russ.)

Kotlyarevsky, S. A., 1990. [Recovery]. *Iz glubiny: Sbornik statej o russkoj revolutsii* = [From the depths: Collection of articles about the Russian revolution]. Moscow: Publishing House of Moscow University. Pp. 174–186. (In Russ.)

- Kornev, V. N., 2020. Human dignity and law. *Pravosudie/Justice*, 2(4), pp. 8–14. (In Russ.)
- Mal'tsev, G. V., 2008. *Nravstvennyye osnovaniya prava* = [Moral foundations of law]. Moscow: Publishing House of Saratov State University. 552 p. (In Russ.)
- Monjal, P.-Y., 2021. Individual freedoms (civil liberties) in a health and climate crisis: Reflections on the totalizing ideology of human rights. *Pravosudie/Justice*, 3(2), pp. 17–61. (In Russ.)
- Ragimov, I. M., 2020. Preface. In: S. N. Baburin. *Nravstvennoye gosudarstvo: russkiy vzglyad na tsennosti konstitutsionalizma* = [Moral state: Russian view on the values of constitutionalism]. Moscow: Norma. Pp. 5–9. (In Russ.)
- Solovyov, V. S., 2012. *Opravdaniye dobra* = [Justification of the good]. Moscow: Institute of Russian Civilization, Algoritm. 656 p. (In Russ.)
- Hart, K., 2006. *Postmodernizm* = [Postmodernism]. Transl. from Eng. by K. Tkachenko. Moscow: FAIR PRESS. 272 p. (In Russ.)
- Mahlmann, M. Human dignity and autonomy in modern constitutional orders. In: M. Rosenfeld, A. Sajo. *The Oxford handbook of comparative constitutional law*. Oxford, UK: Oxford University Press. Pp. 370–396.

В. Н. Корнев,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой конституционного права
имени Н. В. Витрука Российского государственного
университета правосудия,
главный редактор журнала «Правосудие/Justice»

Научная статья

УДК 340

DOI: 10.37399/2686-9241.2023.1.16-37

Emanation of Law*

Valentin V. Ershov¹, Maksim B. Polyakov²

¹ Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation

For correspondence: ¹ evv@rsuj.ru, ² polyakovmb@yandex.ru

Abstract

Introduction. The article analyzes the problem of the emanation of law, which is relatively new for the domestic legal science. The study presented in the article is based on the separation of the concepts of “emanation of law” and “evolution of law”, which allowed to give a thorough theoretical characterization and identify the specifics of emanation of law.

Theoretical Basis. Methods. The article states that under the general scientific approach the driving force of the development of social relations are contradictions arising in them, which need to be regulated. In preparing the article both general scientific and particular scientific methods were used: dialectical, formal-legal, hermeneutic. The systematic approach to the phenomena which constitute the subject of scientific analysis is predominant.

Results. First: the emanation of law is defined as the process of development of law from customary law to legal contracts, as a result of which it is possible to achieve a higher degree of certainty of law and law enforcement practice and the most effective protection of the rights and freedoms of subjects of legal relations, and its “initial link” is the objectively existing general (fundamental) and special principles of law.

Second: the “center”, the “stage” of the emanation of law, the “center of the circle”, are the objectively existing general (fundamental) and special principles of law that unite it with the “periphery of the circle”, the rules of law that allow the system of legal forms to exist in internal and external unity.

Third: the “stages” of forms of emanation of law were identified: customary law → legal acts → legal contracts which have different sources and contain legal regulators of legal relations – general (fundamental) and special principles of law and law norms. Fourth: the legal categories of “evolution of law” and “emanation of law” are differentiated.

Fifth: the development of law in the world takes place in the “forms” of the emanation of law and the evolution of law.

Discussion and Conclusion. In accordance with the arguments outlined in the article general social regulators of actual public relations, as well as legal and individual regu-

* Статья была опубликована на русском языке в журнале «Российское правосудие» № 1/2023 = First publication: Rossijskoe pravosudie = [Russian Justice], 2023, 1.

lators of actual legal relations should be differentiated. According to the concept of the emanation of law, it is possible to allocate its stages as follows: customs of law, legal acts and legal contracts; among legal regulators – general (fundamental) and special principles of law, as well as law norms.

Keywords: emanation of law, evolution of law, “stages” of the emanation of law, customary law, legal acts, legal contracts, integrative understanding of law, legal positivism, principles of law, rules of law, certainty of law, legal regulators of legal relations, form of law, subjects of legal relations

For citation: Ershov, V. V., Polyakov, M. B., 2023. Emanation of law. *Pravosudie/Justice*, 5(1), pp. 16–37. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2023.1.16-37.

Научная статья

Эманация права

Валентин Валентинович Ершов¹,
Максим Борисович Поляков²

¹ *Российский государственный университет правосудия, Москва, Российская Федерация*

¹ *evv@rsuj.ru, ² polyakovmb@yandex.ru*

Аннотация

Введение. В статье анализируется проблема эманации права, которая является относительно новой для отечественной юридической науки. Представленное в статье исследование основано на разделении понятий «эманация права» и «эволюция права», что позволило дать основательную теоретическую характеристику и выявить специфику эманации права.

Теоретические основы. Методы. В статье констатируется, что при общенаучном подходе движущей силой развития общественных отношений являются возникающие в них противоречия, нуждающиеся в регулировании. При подготовке статьи использованы как общенаучные, так и частнонаучные методы: диалектический, формально-юридический, герменевтический. Преобладающим является системный подход к исследуемым явлениям, составляющим предмет научного анализа.

Результаты исследования. Первый: эманация права определена как процесс развития права от обычаев права к правовым договорам, в результате которого возможны достижение более высокой степени определенности права и правоприменительной практики и максимально эффективная защита прав и свобод субъектов правоотношений, а ее «начальным звеном» признаны объективно существующие общие (основополагающие) и специальные принципы права.

Второй: «центром», «ступенью» эманации права, «центром окружности» являются объективно существующие общие (основополагающие) и специальные принципы права, объединяющие его с «периферией окружности» – нормами права, позволяющими существовать системе форм права во внутреннем и внешнем единстве.

Третий: выделены «ступени» форм эманации права: обычаи права → правовые акты → правовые договоры, имеющие различные источники и содержащие правовые регуляторы правоотношений – общие (основополагающие) и специальные принципы права и нормы права.

Четвертый: дифференцированы правовые категории «эволюция права» и «эманация права».

Пятый: развитие права в мире происходит в «формах» эманации права и эволюции права.

Обсуждение и заключение. В соответствии с изложенными в статье аргументами следует дифференцировать общесоциальные регуляторы фактических общественных отношений, а также правовые и индивидуальные регуляторы фактических правоотношений. Согласно концепции эманации права возможно выделять следующие ее ступени: обычаи права, правовые акты и правовые договоры; в числе правовых регуляторов – общие (основополагающие) и специальные принципы права, а также нормы права.

Ключевые слова: эманация права, эволюция права, «ступени» развития права, обычаи права, правовые акты, правовые договоры, интегративное понимание, юридический позитивизм, принципы права, нормы права, определенность права, правовые регуляторы правоотношений, система форм права, субъекты правоотношений

Для цитирования: Ершов В. В., Поляков М. Б. Эманация права // Правосудие/Justice. 2023. Т. 5, № 1. С. 16–37. DOI: 10.37399/2686-9241.2023.1.16-37.

Introduction

Norbert Wiener drew an outstanding conclusion: “The world around us is a world of process, not a final dead balance” [Wiener, N., 1967, p. 314]. In this regard, both social and legal phenomena must be studied not so much in statics as in development. Unfortunately, many modern researchers analyze law in statics, without the necessary prior study of the relevant general scientific conclusions, beyond the system of ontologically homogeneous legal phenomena. With such insufficiently convincing scientific approach one may consider characteristic the point of view of N. A. Gredeskul, which he expressed in the article “Sociological study of law” published in the Journal of the Ministry of Justice in 1900: “No one will deny that jurisprudence is now experiencing a critical period, already quite prolonged, but still not promising an end soon...” [Gredeskul, N. A., 1900, p. 3]. The general preliminary conclusions stated above can also be applied to the subject of this article, “Emanation of Law”. Moreover, this subject is practically unexplored in the modern special literature. In rare scientific works which study legal phenomena, the category “emanation of law” is barely mentioned only in the most general terms. So, A. V. Konovalov in his PhD dissertation “Principles of civil law: methodological and practical aspects of research” formulated a very vague conclusion: **“At the heart of everything lies the emanation of the idea of good, i. e. ‘the One’”** [Konovalov, A. V., 2019, p. 157] (emphasis added. – V. E., M. P.). The author went on to say: **“...a legal principle may be embodied in a number of ‘emanations’ – general provisions that lose their abstractness and become increasingly concrete as they approach the practical needs of legal regulation”** [Konovalov, A. V., 2019, p. 279] (emphasis added. – V. E., M. P.).

General Scientific Arguments

The characteristic feature of the “real individual,” according to K. Marx and F. Engels, is what really distinguishes man from any other “living” individual, which is the production of the means of life, in the process of which human communication is necessary. As a result, individuals enter into social relations which provide the need for their regulation [Rosental', M. M., ed., 1971, p. 95]. It should be emphasized that K. Marx in the process of transition from idealistic dialectics to materialistic understanding of the development of society and materialistic dialectics developed a new formula of dialectical development: **“...development is not the self-development of an idea, but self-development, self-motion of reality itself”** [Rosental', M. M., ed., 1971, p. 23] (emphasis added. – *V. E., M. P.*). In “The poverty of philosophy”, K. Marx called **“the contradictions of reality”** the driving force of development (emphasis added. – *V. E., M. P.*). With this general scientific approach, the driving force for the development of social relations is the contradictions arising in them which need to be regulated. It seems that general social regulators of social relations are abstract and largely undefined “rules” of “common life” of individuals, such as justice, fairness and reasonableness.

The data known to science allow us to draw the following preliminary conclusions. First: at the initial stage of formation of the general social regulators of social relations there was no necessary degree of differentiation of their general and individual regulators. Second: the sources of general and individual common social regulators of social relations were primarily contradictions between them, agreement (consensus) of individuals, threats of some possible unfavorable consequences, force or authority of some individuals. Third: the general social regulators of social relations – general (fundamental) and special principles of resolution of arising contradictions were characterized by insufficient certainty, obligation and enforceability.

Considering the literal interpretation of the concept (term, category) “principle” derived from the Latin “principium”, specialists traditionally replace it with the Russian word “beginning”. For example, this happened during the translation of I. Newton’s book “Mathematical principles of natural philosophy”. According to this work, “principle” is a statement that meets two criteria: it must be based on experiments and used as a starting point for further conclusions [Newton, I., 1989, p. 7]. It is very characteristic that for Newton, “principle” is the first statement acquired from experience on which further statements are built [Walsh, K., 2017, p. 17]. This point of view is also based on the conclusions of outstanding philosophers. Thus, in the objective sense Aristotle understood principle to be of great importance; that on the basis of which something exists or will exist¹. F. Bacon asserted, **“Principles are the primary and simplest elements**

¹ Kondakov N. I. Logic reference-book. M. : Nauka, 1975. P. 22.

from which all other things are formed” [Bacon, F., 1937, p. 22] (emphasis added. – *V. E., M. P.*). According to I. Kant, “a principle is what contains in itself the basis of the universal connection of all that is a phenomenon” [Kant, I., 1963, p. 340]. G. Hegel believed that **“The principle is the one”** [Hegel, G., 1970, p. 123] (emphasis added. – *V. E., M. P.*).

Considering the analyzed general scientific conclusions of the great thinkers, we suppose it is possible to state: general (fundamental) and special principles are the primary and most abstract, to a lesser extent certain regulators of social relations providing the general connection of everything, in accordance with which other rules of “common life” of individuals should be formed in the future, such as norms contained in other forms.

The contradictions arising between individuals in social relations required their “elimination”. In his “Philosophy of nature”, G. Hegel distinguished two kinds of resolution. He wrote: **“There are two forms in which the transition from one stage of nature to the other is apprehended – evolution and emanation. Evolutionary understanding, according to which the starting point is the imperfect...”** [Hegel, G., 1975, p. 35] (emphasis added. – *V. E., M. P.*). The thinker recognized **absolute totality** as the initial link of emanation [Hegel, G., 1975, p. 35] (emphasis added. – *V. E., M. P.*).

Hence, in our opinion, it is possible to state: the general scientific category of “emanation” characterizes the “transition” of “nature” from “absolute totality” to diverse, multiple and manifold forms of its existence. Thus, G. Hegel distinguished two kinds of development of “nature” as a whole and its separate social phenomena in particular – depending on the level of development of the “initial link”: evolutionary – in the case of an imperfect “initial link” and emanational – occurring on the basis of the “absolute”, common (fundamental), hence abstract and indefinite to the maximum extent. We assume that this understanding of the general scientific categories of “evolution” and “emanation” developed by G. Hegel is supported by the linguistic categories of “evolution” and “emanation”. Indeed, evolution comes from Latin *evolution*, “unrolling”, the transition from a lower stage to higher stages of development; while emanation comes from the preposition “ex” (“from”) and the verb “manare” (“pour”, “flow”) as the “basis”, the first stage of a consequent outflow from the essence.

N. Wiener, the founder of cybernetics, while exploring control processes in a social system, defined it as a science of control processes. The basis of cybernetics is the transfer of information between the system and the environment – direct connections and feedback. In philosophy the concepts of “feedback” and “feedback principle” are traditionally differentiated. N. I. Zhukov reasonably believed: “In the first case we usually mean only a communication channel in the direction from the controlled object to the regulator, the principle of feedback itself means correction in the course of control” [Zhukov, N. I., 1970, p. 48]. N. Wiener, who reasonably called the

feedback principle “the secret of life”, stated: “Feedback is a method of controlling a system by including in it the results of its previous performance of its tasks” [Wiener, N., 1958, p. 71]. In his monograph “The principle of feedback”, A. A. Petrushenko concretized the conclusions of the classics: “This principle characterizes one of the most general and essential properties of life – its ability **to independently maintain (within certain limits) a normal process of life and a line of behavior in changing conditions... The dependence of control on the transmission of information... reveals... the moment of self-motion inherent in all matter**” [Petrushenko, L. A., 1967, p. 6–7] (emphasis added. – *V. E., M. P.*).

Another conclusion of N. Wiener is of fundamental importance in the analysis of processes of regulation of social relations: “Understanding of society is possible only in the way of researching signals and the means of communication related to it, while **the theory of management is only a part of the theory of information, which is a designation of content received from the external world in the process of our adaptation to it, and a measure of organization of a complex system**” [Wiener, N., 1958, p. 30] (emphasis added. – *V. E., M. P.*). W. R. Ashby made this outstanding conclusion more specific: according to the law of necessary diversity “...the measure of organization of a complex system” should be no less than the degree of diversity of regulated social relations, because “**...only diversity can destroy diversity**” [Ashby, W. R., 1959, p. 293–302] (emphasis added. – *V. E., M. P.*).

In view of the fact that general regulation of emanating actual social relations obviously cannot provide the proper degree of “organization of a complex system,” it must inevitably be supplemented by individual regulation, such as individual contractual regulation, occurring by agreement of the subjects of social relations. As a result, the regulation and order of actual social relations is achieved, which is “**...a form of social consolidation of a given mode of production and therefore its relative emancipation from mere chance and mere arbitrariness**” [Marx, K., 1953, p. 806] (emphasis added. – *V. E., M. P.*). It seems that since the seventeenth and eighteenth centuries up to the present the fundamental criterion for the general scientific study of any social phenomenon has been its analysis in the system of elements and their components. In our opinion, L. Bertalanffi’s ingenious idea about the necessity to study social phenomena from the position of the general systems theory, which is based on the principle of systems integrity [Bertalanffi, L., 1969, p. 23, 24], can be recognized as a general scientific concept, applicable to the processes of actual social relations regulation as well.

I. V. Blauberg, V. N. Sadovsky, and E. G. Yudin distinguished three classes of existing array of objects: disorganized array (“summative whole”), extrinsic (simply organized) systems, and intrinsic systems [Blauberg, I. V., Sadovsky, V. N., Yudin, E. G., 1970, p. 11]. Analyzing these types of systems, I. V. Blauberg and E. G. Yudin convincingly emphasized: they are equally characterized by “...the presence of connections between the el-

ements and the appearance of new properties in an integral system, not inherent in the elements separately. Connection, integrity, and the stable structure caused by them... are the hallmarks of any system” [Blauberg, I. V., Yudin, E. G., 1973, p. 177]. However, they convincingly continued, “...if the former is a consolidation into a known integrity of relatively isolated elements, the latter is a ‘physically’ indivisible, self-developing whole” [Blauberg, I. V., Yudin, E. G., 1973, p. 177–178]. We believe that with this general scientific approach, it is more reasonable to refer to the system of social relations as a disorganized array, a “summative whole”. The authors are convinced: it is more scientifically reasonable to study social relations first of all from the position of the general theory of systems, because **“any content receives its justification only as a moment of the whole, outside of which it is an ungrounded assumption or subjective certainty”** [Hegel, G., 1974, p. 100] (emphasis added. – V. E., M. P.).

The study of social relations and their regulators is impossible without reference to logic. First of all, the following must be emphasized: in logic, volumes that coincide fully or partially are called compatible; three kinds of compatibility of concepts are distinguished: equipoise, intersection, and subordination. In this regard, social relations and their separate types, such as legal relations, have both general and special substantive attributes, which will be explored further.

Legal Arguments

The popular pre-revolutionary Russian legal scholar G. F. Shershenevich believed: man cannot exist without society, which he defined as “the combination of individuals”. G. F. Shershenevich continued: “...where there is society, there must also be rules of social life or social norms. Social norms determine a person’s behavior in society, and consequently a person’s attitude toward other people. Norms always come from authority, which is acquired in the eyes of the submissive individual through power, force, respect... A social norm is always a command...” [Shershenevich, G. F., 2016, p. 91]. Unfortunately, G. F. Shershenevich left a number of important theoretical and practical questions unanswered. For example, how do the general scientific category “social relations” and the legal category “legal relations” correlate? What is the ratio of the categories of “legal relations” and “legal regulators”? Are there any other legal regulators of legal relations besides the norms of law, and if yes, what are they and how do they relate to each other?

Numerous scientists have tried to answer these and other relevant questions in accordance with different types of legal understanding. In our opinion, in the modern world, including Russia, it is possible to distinguish two main types of legal understanding: legal positivism and integrative legal understanding.

Legal positivism in general comes down to the limitation of the right to “law”, to “legislation”, or, more precisely, to national legal acts (part 1, arti-

cle 15 of the Russian Constitution) adopted by authorized state bodies. Thus, N. G. Aleksandrov, one of the recognized Soviet classics in the field of general theory of law in the twentieth century, believed: **“In order for a particular social relation to take the form of a legal relation, two conditions are necessary: firstly, this social relation should be or could be expressed in acts of volitional behavior of people; secondly, it is necessary that it should be regulated by the will of the ruling class, i. e. the norms of law”** [Aleksandrov, N. G., 2008, p. 73] (emphasis added. – *V. E., M. P.*). At the same time, the scientifically grounded concept of integrative legal understanding is not limited to a single source of law but is characterized by the synthesis of ontologically homogeneous legal regulators, primarily principles and norms of law, contained in a single, evolving and multilevel system of forms of national and (or) international law, implemented in the state, having different sources. Unfortunately, however, there is also a scientifically debatable type of integrative legal understanding, the concept of which was developed in accordance with the paradigm of syncretism (from Greek *synkretismus*) and combines ontologically diverse social phenomena and views, resulting in the synthesis of legal and non-legal regulators of legal relations in a single system of various social regulators, “dilution” of the right (*recht*) by the wrong (*unrecht*). For example, principles of law, norms of law, fairness, good faith, and reasonableness are “combined” in a single system.

Next, in the aspect of different types of legal understanding we would like to analyze the question of the relationship between social relations and legal relations. S. S. Alekseev, recognized in our country in the XX century as a classic in the field of general theory of law, trying to prove the “creative role of law”, wrote: “...the difference between the legal form and the actual (material) content allows us to understand the mechanism... of the creative role of law. **The legal form has an active character. In a way it attracts to itself the actual (material) content... The legal norm, having emerged without a definite factual content, creates it: positive actions are taken... the purpose of legal regulation is achieved – factual relations never existing before are formed**” [Alekseev, S. S., 1972a, p. 261–263] (emphasis added. – *V. E., M. P.*). At the same time A. P. Dudin from general scientific positions developed a more reasonable point of view: “Social relations are self-developed into legal relations by their essence due to natural-historical (economic and political) necessity, but do not become such as a result of the influence of law norms on some non-legal factual relations” [Dudin, A. P., 1983, p. 5]. The mentioned point of view of A. P. Dudin is based on the fundamental general scientific conclusion of K. Marx: **“...development is not self-development of an idea, but self-development, self-motion of the reality itself”** [Marx, K., Engels, F., 1955a, p. 539] (emphasis added. – *V. E., M. P.*). In the work “The Poverty of Philosophy” K. Marx elaborated this general scientific conclusion as applied to the general theory of law: “It is truly necessary not to have any histori-

cal knowledge in order not to know the fact that **at all times sovereigns have had to submit to economic conditions and have never been able to prescribe laws to them. Both political and civil legislation always only express, record the requirements of economic relations**” [Marx, K., Engels, F., 1955b, p. 112] (emphasis added. – *V. E., M. P.*).

In this part of the article, in the light of the three types of compatibility of concepts (equidistance, intersection, and subordination) developed in logic, a scientifically substantiated and theoretically convincing conclusion should be recalled. According to this conclusion, **“actual legal relations are a type of subordinate actual public relations that have both general and special essential signs. For example, actual legal relations differ from actual public relations in their nature, exist only in a certain area of public relations, are characterized by a greater degree of certainty, are regulated by legal and individual regulators”** [Ershov, V. V., 2022a, p. 16] (emphasis added. – *V. E., M. P.*). This theoretical approach allows us to admit the following: de facto legal relations are a type of subordinate actual social relations, which have both general and special essential attributes.

Next, we would like to dwell on the issue of correlation of actual legal relations and their legal regulators. In theory and in practice, the question arose: what is primary – legal relations or legal regulators? In many respects, we think, in our article the answer has already been given. If the actual legal relations are already established legal reality and objectively existing legal relations that need legal regulation, then the legal regulators of actual legal relations which arise as a result of their development are “measures of their organization”. In this general scientific approach, the emanation of legal regulators of legal relations can occur only as a result of “self-development, self-movement of reality itself” (K. Marx). Consequently, in answer to the second question, it is possible to state: it is the actual legal relations already established in one of the spheres of social relations and in need of “organization” but not the actual social relations that legal regulators affect. Thus, objectively already arisen actual legal relations are primary, and legal regulators are secondary. In this connection, R. A. Posner’s assumption about the “autonomy of law” seems to be scientifically and theoretically debatable [Posner, R. A., 2020, p. 210–211].

Further, inevitably there is another important theoretical as well as practical question – about the types of legal regulators. Many scientists from the position of legal positivism are convinced that there is only one legal regulator: the rule of law. So, A. F. Cherdantsev in 2012 asserted: “The norm of law is the primary element of law” [Cherdantsev, A. F., 2012, p. 38]. The title of the monograph of the esteemed M. I. Bajtin is also characteristic: “The essence of law (Modern normative understanding of law on the border of two centuries)”².

² *Bajtin M. I.* The essence of law (Modern normative understanding of law on the border of two centuries). 2nd ed., rev. M. : Pravo i gosudarstvo, 2005. 544 p.

The recognized pre-revolutionary scholar G. F. Shershenevich from the position of legal positivism understood as the principle of law the general idea, the direction embedded by the legislator consciously or unconsciously in a number of legal norms [Shershenevich, G. F., 1995, p. 15]. Moreover, some pre-revolutionary scholars were skeptical regarding the principles of law. For example, E. V. Vas'kovsky asserted, without the necessary and convincing theoretical arguments, but very categorically: "The principles of law in general and natural law in particular are debatable... The matter is reduced to a complete and uncontrolled judicial discretion, which is not far from being arbitrary" [Vas'kovsky, E. V., 1997, p. 102].

Many Soviet scholars often developed very vague notions of the principles of law from the position of legal positivism. For example, N. G. Aleksandrov thought: "Basic principles of socialist law are provisions expressing the general orientation and the most essential features of socialist legal regulation of social relations" [Aleksandrov, N. G., 1957, p. 17]. The "principles of law" highlighted by N. G. Aleksandrov, such as "planning discipline" and "democratic centralism", are also very characteristic [Aleksandrov, N. G., 1957, p. 19–21]. In 1970 E. A. Lukashova defined principles of law as "...objectively determined principles, in accordance with which the system of law is built" [Lukashova, E. A., 1970, p. 21]. In the same article E. A. Lukashova wrote: "...the beginnings, the ideas are the principles of law" [Lukashova, E. A., 1970, p. 22]. Later this point of view of E. A. Lukashova was often reproduced by researchers and practitioners.

In 1972, S. S. Alekseev made an even more vague and theoretically controversial conclusion, subsequently replicated by most specialists in Russia. The principle of law, he wrote, is "...the basic normative-guiding beginnings expressed in law that characterize its content, its foundations, the regularities of social life enshrined in it. Principles are what permeates the law, reveals its content in the form of initial, prevailing 'ideas', the main beginnings, normative and guiding provisions" [Alekseev, S. S., 1972b, p. 102]. Thus, S. S. Alekseev recognized principles of law as 'beginnings', 'ideas' and 'provisions' at the same time in a very vague and contradictory way. In 1981, S. S. Alekseev essentially repeated his definition of the concept of legal principles: "These are the basic normative and guiding beginnings expressed in law, characterizing its content, its foundations... They are the main regulatory elements of the structure..." [Alekseev, S. S., 1981, p. 98, 262].

In our opinion, the definition of the principles of law as "general beginnings," "provisions," "ideas," etc. does not correspond to the general scientific conclusions presented in the article, for example, about "regulators" of "social relations"³, and is based primarily on legal positivism. In this con-

³ For more detail on the analysis of the nature of the principles of law see V. V. Ershov's monograph: [Ershov, V. V., 2020, p. 196–246].

nection one cannot but agree with the point of view of A. L. Kononov: **“The concept of legal principles in the Soviet legal doctrine exists mainly as a theoretical, extremely ideologized one. In fact, the principles of law were understood as political ideas rather than legal ideas... The purely positivist understanding of law did not give the principles the status of independent sources of law, it derived them from legislative norms, and because of this understanding they could not serve as a criterion of these norms, moreover this assessment itself was not allowed either”** [Kononov, A. L., 2001, p. 82] (emphasis added. – *V. E., M. P.*).

It is necessary to emphasize that in the XVIII century J. P. Kozelsky, a philosopher, writer, politician and one of the co-authors of the “New Statute of laws of the Russian Empire”, distinguished the properties of “immediacy”, “non-exhaustiveness”, “universality” and “benchmark” in the principles of law. For example, in his “Philosophical proposals” addressed to Prince A. A. Vyazemsky, the chairman of the Decree Commission created by Catherine II in 1767, one of whose first tasks was to improve Russian legal acts, he considered possible and necessary **“...to formulate principles of law as something invariable and universal, so that the “useful laws” issued in the state would always be in accordance with them”** [Zolotukhina, N. M., 2018, p. 241–242] (emphasis added. – *V. E., M. P.*). The conclusion of L. A. Tikhomirov made in his monograph published in 1923 with the characteristic title “Monarchical statehood” is also striking: **“... the legislator should himself be guided by something in giving or not giving rights to the individual or defining any action as their duty”** [Tikhomirov, L. A., 1998, p. 569] (emphasis added. – *V. E., M. P.*). Notably, O. V. Smirnov made a step forward in 1977 and came to the convincing conclusion that the principles of law reflect the qualities of the general, the abstract, the essential and the systemic; principles are deeper than the norm, the norm is richer than the principle [Smirnov, O. V., 1977, p. 11]. Thus, O. V. Smirnov essentially distinguished between principles of law and norms of law as different legal regulators of legal relations.

On March 15, 2005, the Constitutional Court of the Russian Federation adopted Decision No. 3-P on the case of verification of the constitutionality of the provisions of paragraph 2 of Article 278 and Article 279 of the Labor Code of the Russian Federation and paragraph 4 of Article 69 of the Federal Law “On joint-stock companies”⁴. On the one hand, in this Decision the Court recognized the provisions of paragraph 2 of Article 278 of the Labor Code and paragraph 4 of Article 69 of the Federal Law “On joint stock companies”, according to which the employment contract with the head of an organization can be terminated in connection with the adoption by the authorized body of a legal entity, including the Board of Directors (Supervisory Board) of a joint stock company, or the owner of the property of the

⁴ Can be accessed through the reference information system “ConsultantPlus”.

organization, or a person (body) authorized by the owner to early terminate the employment contract, not contrary to the Constitution of the Russian Federation, because the said provisions "...suggest that **the termination of an employment contract... is not a measure of legal responsibility...**" (emphasis added. – V. E., M. P.).

On the other hand, in paragraph 4.3 of this Decision the Constitutional Court of the Russian Federation formulated an important position: "**Legislative establishment of the right to early termination of an employment contract with the head of an organization without specifying reasons for dismissal does not mean that the owner has unlimited discretion in making such decisions, has the right to act arbitrarily... and the head of the organization is deprived of guarantees of judicial protection from possible arbitrary action and discrimination. The general legal principle of the inadmissibility of the abuse of rights, as well as the prohibition on discrimination in the exercise of rights and freedoms... (Article 17, part 3; Article 19 of the Constitution of the Russian Federation), is fully applicable to the sphere of labor relations, determining the limits of the owner's discretionary powers... do not prevent the head of the organization, if he believes that the owner's decision on early termination of the employment contract with him is actually due to such circumstances that indicate discrimination, abuse of right, to challenge the dismissal in court. If the court establishes, on the basis of a study of all the circumstances of a particular case, the relevant facts, his violated rights shall be restored**" (emphasis added. – V. E., M. P.).

In accordance with this Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation, on June 2, 2015, The Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation adopted Decision No.21 "On Certain Issues Arising for the Courts in Applying Legislation Regulating the Employment of the Head of an Organization and Members of its Collegial Executive Body"⁵ according to Paragraph 9 of which "**If the court finds that the decision to terminate the employment contract with the head of the organization under paragraph 2 of Article 278 of the Labor Code of the Russian Federation was made by the employer in violation of the principles of inadmissibility, abuse of right and (or) prohibition of discrimination in the workplace (Articles 1, 2 and 3 of the Labor Code of the Russian Federation), such decision may be declared illegal**" (emphasis added. – V. E., M. P.). Thus, in our view, it is possible to state: the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation have developed a unified position, the essence of which is that, firstly, the principle of law is a legal regulator of legal relations; secondly, has greater legal force than a law norm. Consequently, thirdly, in the presence of the principles of law there is no gap in labor law!

⁵ Can be accessed through the reference information system "ConsultantPlus".

The general scientific and theoretical arguments analyzed in this article allow us to formulate answers to the third and fourth questions posed above and to draw four preliminary conclusions. First: it is possible to distinguish between principles of law and norms of law as different legal regulators of legal relations. Second: the sources of general (fundamental) and special principles of law are primarily contradictions arising in legal relations, as well as agreement (consensus) of the subjects of legal relations. Third: general (fundamental) and special principles of law are primary, more abstract and less defined (compared with the norms of law) legal regulators of legal relations. Fourth: general (fundamental) and special principles of law can be considered as one of the sources of further emanation of law, the emergence to a greater extent of certain and objective legal regulators of legal relations contained in other forms of law.

In the Western professional literature, principles of law were studied, for example, in the works of F. C. von Savigny, who shared the position of natural origin of law (“the youth of law”) from “people’s spirit” [Savigny, F. C. von., 1867, p. 3]. A proponent of the natural law direction in law, Savigny relied on the regularities of its emergence and development through deduction from general to more specific legal regulation. He recognized “pure law,” the foundations of “ancient law” as its sources, the common, inalienable values peculiar to a nation (people), the beginnings of true law [Savigny, F. C. von., 1867]. It is characteristic that according to R. A. Posner, Savigny understood “pure law”, “the law of antiquity” as **“the original Roman principles in their pure form”** [Posner, R. A., 2020, p. 119] (emphasis added. – *V. E., M. P.*).

At the same time, O. W. Holmes, who did not recognize “general principles of law,” viewed the contemporary legal system as based on the priority of “practice,” “utilitarian convenience,” irrespective of principles of law, which are so non-binding that they can be ignored [Holmes, O. W., 1881, p. 207–211, 218–219]. At present, unfortunately, such “utilitarian” approaches and “targeted programs” prevail in lawmaking not only in the United States but also in other states. In our opinion, the above conclusions of O. W. Holmes and his followers are essentially based on legal positivism, according to which the source of law is the state, including the court, which produces law in the form of legal acts and judicial precedents.

In Russia, the question about the general beginnings of the sources of law stimulated the general theoretical prerequisites for the development of science, the introduction of a new subject – the “general theory of law” – into the scientific turnover. The change of the subject of the “encyclopedia of law”, known in the 17th century, took place in Russia at the initiative of N. M. Korkunov, who found a historical example in N. N. Falck⁶. In this work N. N. Falck argued that a general doctrine of law is necessary –

⁶ See: *Falck N. N. Juristische Encyclopadie. 1. Aufl. 1821.*

“allgemeine Rechtslehre” [Korkunov, N. M., 2010]. At the same time, from the point of view of F. V. Taranovsky, N. N. Falck did not mean a theoretical subject – “general theory of law”, as it was accepted; he proposed a new “method” – “generalization of law” consisting of **“extraction from the current legislation such legal provisions, which even though not expressed in it, nevertheless follow with logical necessity from legal provisions expressed in positive laws directly. The general doctrine of law understood in this way must serve as a guide for the judge in cases of apparent incompleteness of the law”** [Taranovsky, F. V., 1917, p. 9] (emphasis added. – *V. E., M. P.*).

Surprisingly, in the same work Taranovsky expressed another opinion: the emergence and development of legal regulators, he wrote, takes place in “social unions” and “territorial communities”, which historically preceded state organization. Law “determines the custom” developed in public formations with their principles and norms. State power, according to F. V. Taranovsky, while applying principles and norms of customary law, fixes them in “judicial verdicts” and “statutory acts”, informs “legal customs of the highest degree of positivity” through fixation in “acts of legislation” of ancient princes, “acts of judicial authorization” and “official records of legal customs” [Taranovsky, F. V., 1917, p. 60].

We assume that the modern special literature has developed a typical point of view: “...in the twentieth and twenty-first centuries in the world the development of ‘hybrid’ law has continued, which in general emerged from:

- 1) legal positivism;
- 2) scientifically debatable concept of integrative legal understanding, combining both legal and individual, as well as ontologically heterogeneous general social regulators of legal relations, for example, law norms, judicial acts and individual (private) contracts, good faith, reasonableness, fairness;
- 3) scientifically grounded concept of integrative legal understanding, characterized by the synthesis of ontologically homogeneous legal regulators of legal relations – primarily principles and norms of law contained in a single, evolving and multilevel system of forms of national and (or) international law, implemented in the state” [Ershov, V. V., 2022b, p. 14].

It seems that scientifically more convincing, based on the theoretically sound concept of integrative legal understanding, is the following approach: in law it is possible to synthesize homogeneous legal regulators of legal relations from different sources – primarily general (fundamental) and special principles and rules of law, contained in a single, evolving and multi-level system of various forms of law, currently known to science – national and international law customs, legal acts and legal contracts. The result of this scientific approach can be a higher degree of certainty of law and law enforcement practice, and most importantly – more effective protection of the rights and freedoms of subjects of legal relations. In our opinion, this conclusion is also based on Aristotle’s rather characteristic point of view: cer-

tainty is **“the most reliable of all beginnings – the one about which one cannot err, for such a beginning must be the most obvious... and free from all presumption... A beginning which... is not presumption; but that which it is necessary... to know... in proceeding to study... Thus, it is clear that this beginning is the most certain of all... for by nature it is the beginning even for all other axioms”** [Aristotle, 1976, p. 125] (emphasis added. – *V. E., M. P.*).

Scientifically grounded concept of integrative legal understanding is based on the synthesis of various homogeneous legal regulators, forms of law and sources of law [Ershov, V. V., 2020, pp. 52–67]. **“Synthesis,”** as René Guénon wrote in a general scientific and theoretical way, **“is always based on certain principles... on what constitutes the inner unity of existence and what is symbolized by the center of the circle... syncretism always deals with the periphery, with the area formed by separate single elements...”** [Guénon, R., 2010, p. 42, 43] (emphasis added. – *V. E., M. P.*).

In our opinion, H. Maine, who studied the development of forms of law since the formation of states, did not consider the general scientific arguments presented in the article and therefore came to a theoretical conclusion that is not sufficiently complete and convincing: it is a movement from statutes to contracts [cited from: Mozolin, V. P., Farnsworth, E. A., 1988, p. 32]. It seems scientifically and theoretically more accurate to state: this is a movement from customary law to legal contracts. Indeed, firstly, in accordance with the arguments outlined in the article, it is necessary to differentiate the general social regulators of actual social relations, as well as legal and individual regulators of actual legal relations. Secondly, according to the concept of emanation of law, it is possible to distinguish the following levels: customs of law, legal acts and legal contracts; among the legal regulators – general (fundamental) and special principles of law, as well as rules of law.

Conclusion

After having considered the general scientific and theoretical arguments analyzed in the article, we came the following conclusions.

First: emanation of law is a process of development of law from customary law to legal contracts; its “initial link” is recognized as the objectively existing general (fundamental) and special principles of law, the implementation of which can achieve a higher degree of certainty of law and law enforcement practice, and most importantly – the most effective protection of the rights and freedoms of subjects of legal relations.

Second: the “center”, the “stage” of the emanation of law, the “center of the circle” are the general (fundamental) and special principles of law that combine it with the “periphery of the circle” – the rules of law that allow the system of legal forms to exist in internal and external unity.

Third: the “stages” of forms of emanation of law were identified: customary law → legal acts → legal contracts which have different sources and

contain legal regulators of legal relations – general (fundamental) and special principles of law and law norms.

Fourth: the legal categories of “evolution of law” and “emanation of law” are differentiated, defined as the process of development of law from customary law to legal contracts; as its “initial link” are recognized the emerging relevant general (fundamental) and special principles of law, the implementation of which can achieve a higher degree of certainty of law and law enforcement practice, which allows to ensure the most effective protection of rights and freedoms of subjects of legal relations.

Fifth: The development of law in the world takes place in the “forms” of the emanation of law and the evolution of law.

References

Aleksandrov, N. G., 1957. Socialist principles of Soviet law. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* = [The Soviet State and Law], 11, pp. 16–29. (In Russ.)

Aleksandrov, N. G., 2008. *Trudovoye pravootnosheniye* = [Labor relations]. Monograph. Moscow: Prospekt. 336 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-392-00337-2.

Alekseev, S. S., 1972a. *Problemy teorii prava* = [Problems of the theory of law]. Course of lectures. In 2 vols. Vol. 1. Sverdlovsk: Ministry of Higher and Secondary Special Education of the RSFSR. Sverdlovsk Law Institute. 936 p. (In Russ.)

Alekseev, S. S., 1972b. *Problemy teorii prava: Osnovnyye voprosy obshchey teorii sotsialisticheskogo prava* = [Problems of the theory of law: The main issues of the general theory of socialist law]. Course of lectures. In 2 vols. Vol. 1 Sverdlovsk: Publishing House of the Sverdlovsk Law Institute. 396 p. (In Russ.)

Alekseev, S. S., 1981. *Obshchaya teoriya prava* = [General theory of law]. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Yuridicheskaya literatura. 359 p. (In Russ.)

Aristotle, 1976. *Sochineniya* = [Essays]. In 4 vols. Vol. 1 Moscow: Mysl'. 550 p. (In Russ.)

Ashby, W. R., 1959. *Vvedeniye v kibernetiku* = [Introduction to cybernetics]. Transl. from Eng. by D. G. Lakhuti; ed. V. A. Uspensky. Moscow: Publishing House of Foreign Literature. 432 p. (In Russ.)

Bacon, F., 1937. *O printsipakh i nachalakh* = [On principles and beginnings]. Moscow: State Social and Economic Publishing House. 82 p. (In Russ.)

Bertalanffi, L., 1969. [The general theory of the system: a critical review]. In: V. N. Sadovsky, E. G. Yudin, eds. *Issledovaniya po obshchey*

teorii sistem = [Research on the general theory of systems]. Moscow: Progress. Pp. 23–82. (In Russ.)

Blauberg, I. V., Sadovsky, V. N., Yudin, E. G., 1970. System approach in modern science. In: I. V. Blauberg, V. N. Sadovsky, E. G. Yudin, eds. *Problemy metodologii sistemnogo issledovaniya* = [Problems of methodology of system research]. Moscow: Mysl'. Pp. 7–48. (In Russ.)

Blauberg, I. V., Yudin, E. G., 1973. *Stanovleniye i sushchnost' sistemnogo podkhoda* = [Formation and essence of the system approach]. Moscow: Nauka. 270 p. (In Russ.)

Cherdantsev, A. F., 2012. *Logiko-yazykovyye fenomeny v yurisprudentsii* = [Logical-linguistic phenomena in jurisprudence]. Monograph. Moscow: Infra-M. 319 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-91768-257-0.

Dudin, A. P., 1983. *Dialektika pravootnosheniy* = [Dialectics of legal relations]. Saratov: Saratov University Publishing House. 121 p. (In Russ.)

Ershov, V. V., 2020. *Regulirovaniye pravootnosheniy* = [Regulation of legal relations]. Monograph. Moscow: Russian State University of Justice. 562 p. (In Russ.)

Ershov, V. V., 2022a. Legal relations: emergence and regulation. *Pravosudie/Justice*, 4(1), pp. 8–27. (In Russ.)

Ershov, V. V., 2022b. The emergence and development of regulators of actual public relations and legal relations. *Rossiyskoe pravosudie* = [Russian Justice], 1, pp. 5–15. (In Russ.) DOI:10.37399/issn2072-909X.2022.1.5-15.

Gredeskul, N. A., 1900. *Sotsiologicheskoye izucheniye prava (Rech' pered disputom pri zashchite dissertatsii)* = [Sociological study of law (Speech before a dispute during the defense of the dissertation)]. St. Petersburg: Senate Printing House. 13 p. (In Russ.)

Guénon, R., 2010. *Ocherki o traditsii i metafizike* = [Essays on tradition and metaphysics]. Transl. from French by V. Yu. Bystrov. St. Petersburg: Azbuka. 317 p. (In Russ.)

Hegel, G., 1970. *Nauka logiki. Sochineniya* = [The Science of logic. Essays]. In 3 vols. Vol. 1. Moscow: Mysl'. 501 p. (In Russ.)

Hegel, G., 1974. *Entsiklopediya filosofskikh nauk* = [Encyclopedia of philosophical sciences]. In 3 vols. Vol. 1. Eds. V. M. Kedrov, et al. Moscow: Mysl'. 451 p. (In Russ.)

Hegel, G., 1975. *Entsiklopediya filosofskikh nauk* = [Encyclopedia of philosophical sciences]. In 3 vols. Vol. 2. Eds. V. M. Kedrov, et al. Moscow: Mysl'. 695 p. (In Russ.)

Holmes, O. W., 1881. *The common law*. London: Little, Brown, and Company. 422 p.

- Kant, I., 1963. *Sochineniya* = [Works]. In 6 vols. Vol. 1. Moscow: Mysl'. 542 p. (In Russ.)
- Kononov, A. L., 2001. On the general principles of law in French and Belgian judicial practice in administrative cases. *Gosudarstvo i pravo* = [State and Law], 3, pp. 82–86. (In Russ.)
- Konovalov, A. V., 2019. *Printsiipy grazhdanskogo prava: metodologicheskiye i prakticheskiye aspekty issledovaniya* = [Principles of civil law: methodological and practical aspects of research]. Dr. Sci. (Law) Dissertation. Moscow. 1161 p. (In Russ.)
- Korkunov, N. M., 2010. *Lektsii po obshchey teorii prava* = [Lectures on the general theory of law]. Comp., author of the introd. art., comment. A. N. Medushevsky. Moscow: ROSSPEN. 520 p. (In Russ.)
- Lukashova, E. A., 1970. Principles of socialist law. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* = [The Soviet State and Law], 6, pp. 21–26. (In Russ.)
- Marx, K., 1953. *Kapital* = [Capital]. Vol. 3. Moscow: State Publishing House of Political Literature. 932 p. (In Russ.)
- Marx, K., Engels, F., 1955a. *Sochineniya* = [Essays]. Vol. 1. 2nd ed. Moscow: State Publishing House of Political Literature. 723 p. (In Russ.)
- Marx, K., Engels, F., 1955b. *Sochineniya* = [Essays]. Vol. 4. 2nd ed. Moscow: State Publishing House of Political Literature. 630 p. (In Russ.)
- Mozolin, V. P., Farnsworth, E. A., 1988. *Dogovornoye pravo SSHA i SSSR* = [Contract law of the USA and the USSR]. Moscow: Nauka. 308 p. (In Russ.)
- Newton, I., 1989. *Matematicheskiye nachala natural'noy filosofii* = [Mathematical principles of natural philosophy]. Ed. L. S. Polak. Moscow: Nauka. 682 p. (In Russ.)
- Petrushenko, L. A., 1967. *Printsip obratnoy svyazi* = [Feedback principle]. Moscow: Mysl'. 276 p. (In Russ.)
- Posner, R. A., 2020. *Rubezhi teorii prava* = [Frontiers of the theory of law]. Transl. from the Eng. by I. V. Kushnareva. Moscow: Publishing House of Higher School Economics. 479 p. (In Russ.)
- Rosental', M. M., ed., 1971. *Istoriya marksistskoy dialektiki. Ot vozniknoveniya marksizma do leninskogo etapa* = [The history of Marxist dialectics. From the emergence of Marxism to the Leninist stage]. Moscow: Mysl'. 536 p. (In Russ.)
- Savigny, F. C. von., 1867. *System of the modern roman law*. Madras: J. Higginbotham. 350 p.
- Shershenevich, G. F., 1995. *Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava* = [Textbook of Russian civil law]. (As published in 1907). Moscow: Spark. 556 p. (In Russ.)

- Shershenevich, G. F., 2016. *Izbrannoye* = [Selected works]. In 6 vols. Vol. 4 including the general theory of law. Comp., introd. art. by P. V. Krasheninnikov. Moscow: Statut. 752 p. (In Russ.)
- Smirnov, O. V., 1977. Correlation of norms and principles in Soviet law. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* = [Soviet State and Law], 2, pp. 11–18. (In Russ.)
- Taranovsky, F. V., 1917. *Uchebnik entsiklopedii prava* = [Textbook of the encyclopedia of law]. Yur'ev: Printing House of K. Mattisen. 534 p. (In Russ.)
- Tikhomirov, L. A., 1998. *Monarkhicheskaya gosudarstvennost'* = [Monarchical statehood]. Moscow: Oblizdat, Alir. 671 p. (In Russ.)
- Vas'kovsky, E. V., 1997. *Rukovodstvo k tolkovaniyu grazhdanskogo prava* = [Guide to the interpretation of Civil Law]. (As published in 1913). Moscow: Gorodets Law Bureau. 126 p. (In Russ.) ISBN: 5-89391-017-6.
- Walsh, K., 2017. *The idea of principles in early modern thought: Interdisciplinary perspectives* = [The Idea of Principles in Early Modern Thought: Interdisciplinary Perspectives]. Ed. P. R. Anstey. New York: Routledge. 304 p.
- Wiener, N., 1958. *Kibernetika i obshchestvo* = [Cybernetics and society]. Moscow: Publishing House of Foreign literature. 200 p. (In Russ.)
- Wiener, N., 1967. *Ya – matematik* = [I'm a mathematician]. Moscow: Nauka. 355 p. (In Russ.)
- Zhukov, N. I., 1970. *Filosofskiye osnovy kibernetiki* = [Philosophical foundations of cybernetics]. Minsk: Publishing House of the Belarusian State University. 116 p. (In Russ.)
- Zolotukhina, N. M., 2018. *Politiko-pravovaya mysl' v XVI v.: Maksim Grek o pravde, sovremennosti, zakonnosti i pravosudii* = [Political and legal thought in the XVI century: Maxim the Grek on truth, modernity, legality and justice]. Monograph. Moscow: Yurlitinform. 679 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-4396-1586-5.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Александров Н. Г. Социалистические принципы советского права // Советское государство и право. 1957. № 11. С. 16–29.
- Александров Н. Г. Трудовое правоотношение : моногр. М. : Проспект, 2008. 336 с. ISBN: 978-5-392-00337-2.
- Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. Т. 1. М. : Юрид. лит., 1981. 359 с.

- Алексеев С. С. Проблемы теории права : курс лекций : в 2 т. Т. 1. Свердловск : М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР. Свердл. юрид. ин-т, 1972а. 936 с.
- Алексеев С. С. Проблемы теории права: Основные вопросы общей теории социалистического права : курс лекций : в 2 т. Т. 1. Свердловск : Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1972b. 396 с.
- Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 1. М. : Мысль, 1976. 550 с.
- Бергаланфи Л. Общая теория системы: критический обзор // Исследования по общей теории систем / под общ. ред и вступ. ст. В. Н. Садовского, Э. Г. Юдина. М. : Прогресс, 1969. С. 23–82.
- Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Э. Г. Системный подход в современной науке // Проблемы методологии системного исследования / ред. кол.: И. В. Блауберг, В. Н. Садовский, Э. Г. Юдин. М. : Мысль, 1970. С. 7–48.
- Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. М. : Наука, 1973. 270 с.
- Бэкон Ф. О принципах и началах. М. : Соцэкгиз, 1937. 82 с.
- Васьковский Е. В. Руководство к толкованию гражданского права. (По изданию 1913 г.). М. : Юрид. бюро «Городец», 1997. 126 с. ISBN: 5-89391-017-6.
- Винер Н. Кибернетика и общество. М. : Изд-во иностр. лит., 1958. 200 с.
- Винер Н. Я – математик. М. : Наука, 1967. 355 с.
- Гегель Г. Наука логики. Сочинения : в 3 т. Т. 1 / под ред. В. М. Кедрова и др. М. : Мысль, 1970. 501 с.
- Гегель Г. Энциклопедия философских наук : в 3 т. Т. 1. М. : Мысль, 1974. 451 с.
- Гегель Г. Энциклопедия философских наук : в 3 т. Т. 2 / под ред. В. М. Кедрова и др. М. : Мысль, 1975. 695 с.
- Генон Р. Очерки о традиции и метафизике / пер. с фр. В. Ю. Быстрова. СПб. : Азбука, 2010. 317 с.
- Гредескул Н. А. Социологическое изучение права (Речь перед диспутом при защите диссертации). СПб. : Сенатская тип., 1900. 13 с.
- Дудин А. П. Диалектика правоотношений. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1983. 121 с.
- Ершов В. В. Возникновение и развитие регуляторов фактических общественных отношений и правоотношений // Российское правосудие. 2022b. № 1. С. 5–15. DOI: 10.37399/issn2072-909X.2022.1.5-15.
- Ершов В. В. Правоотношения: возникновение и регулирование // Правосудие/Justice. 2022a. Т. 4, № 1. С. 8–27.

- Ершов В. В. Регулирование правоотношений : моногр. М. : РГУП, 2020. 562 с.
- Жуков Н. И. Философские основы кибернетики. Минск : Изд-во БГУ, 1970. 116 с.
- Золотухина Н. М. Политико-правовая мысль в XVI в.: Максим Грек о правде, современности, законности и правосудии : моногр. М. : Юрлитинформ, 2018. 679 с. ISBN: 978-5-4396-1586-5.
- История марксистской диалектики. От возникновения марксизма до ленинского этапа / отв. ред. М. М. Розенталь. М. : Мысль, 1971. 536 с.
- Кант И. Сочинения : в 6 т. Т. 1. М. : Мысль, 1963. 542 с.
- Коновалов А. В. Принципы гражданского права: методологические и практические аспекты исследования : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 1161 с.
- Кононов А. А. Об общих принципах права по французской и бельгийской судебной практике по административным делам // Государство и право. 2001. № 3. С. 82–86.
- Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права / сост., авт. вступ. ст., коммент. А. Н. Медушевский. М. : РОССПЭН, 2010. 520 с.
- Лукашова Е. А. Принципы социалистического права // Советское государство и право. 1970. № 6. С. 21–26.
- Маркс К. Капитал. Т. 3. М. : Госполитиздат, 1953. 932 с.
- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1. 2-е изд. М. : Госполитиздат, 1955a. 723 с.
- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 4. 2-е изд. М. : Госполитиздат, 1955b. 630 с.
- Мозолин В. П., Фарнсворт Е. А. Договорное право США и СССР. М. : Наука, 1988. 308 с.
- Ньютон И. Математические начала натуральной философии / под ред. Л. С. Полака. М. : Наука, 1989. 682 с.
- Петрушенко Л. А. Принцип обратной связи. М. : Мысль, 1967. 276 с.
- Познер Р. А. Рубежи теории права / пер. с англ. И. В. Кушнаревой. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2017. 479 с.
- Смирнов О. В. Соотношение норм и принципов в советском праве // Советское государство и право. 1977. № 2. С. 11–18.
- Тарановский Ф. В. Учебник энциклопедии права. Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1917. 534 с.
- Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М. : Облиздат : Аликс, 1998. 671 с.

Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции : моногр. М. : Инфра-М, 2012. 319 с. ISBN: 978-5-91768-257-0.

Шершеневич Г. Ф. Избранное : в 6 т. Т. 4 включая общую теорию права / вступ. сл., сост.: П. В. Крашениников. М. : Статут, 2016. 752 с.

Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. (По изданию 1907 г.). М. : Спарк, 1995. 556 с.

Эшби У. Р. Введение в кибернетику / пер. с англ. Д. Г. Лахути ; под ред. В. А. Успенского. М. : Изд-во иностр. лит., 1959. 432 с.

Holmes O. W. The common law. London : Little, Brown, and Company, 1881. 422 p.

Savigny F. C von. System of the modern Roman law. Madras : J. Higginbotham, 1867. 350 p.

Walsh K. The idea of principles in early modern thought: Interdisciplinary perspectives / ed. P. R. Anstey. New York : Routledge, 2017. 304 p.

Information about the authors / Информация об авторах

Valentin V. Ershov, Dr. Sci. (Law), Professor, President of the Russian State University of Justice (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation), Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences.

Ершов Валентин Валентинович, доктор юридических наук, профессор, президент Российского государственного университета правосудия (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69), заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик Российской академии естественных наук.

Поляков Максим Борисович
Maksim B. Polyakov

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflict of interest.

Дата поступления рукописи в редакцию издания: 21.10.2022; дата одобрения после рецензирования: 25.11.2022; дата принятия статьи к опубликованию: 24.01.2023.

Submitted: 21.10.2022; reviewed: 25.11.2022; revised: 24.01.2023.

Научная статья

УДК 34

DOI: 10.37399/2686-9241.2023.1.38-53

Правовой статус личности в цифровом пространстве

Дмитрий Игоревич Провалинский

*Российский государственный университет правосудия, Москва,
Российская Федерация
dmi38288850@yandex.ru*

Аннотация

Введение. Цифровизация вносит серьезные изменения в сложившийся порядок взаимодействия между субъектами правоотношений. В силу объективных, а также некоторых субъективных причин в современной действительности происходит разрыв между развитием фактических правоотношений в цифровом пространстве и их правовым регулированием.

Теоретические основы. Методы. Предметом настоящего исследования являются права, обязанности, юридические гарантии, юридическая ответственность, правосубъектность пользователей интернет-ресурсов, в совокупности составляющие правовой статус личности в цифровом пространстве. Исследование проведено на основе методов логического и юридического анализа. С их помощью были выявлены проблемные вопросы определения правового статуса личности в цифровом пространстве.

Результаты исследования. Особенности правового статуса личности обусловлены анонимностью пользования, присутствием в данных «сложных» правоотношениях посредника в лице оператора, провайдера или владельца цифрового ресурса, который, как показывает практика, способен не только активно воздействовать на сами правоотношения, но и игнорировать принципы и нормы права, выработанные в национальных правовых актах, направленные на пресечение подобных нарушений.

Обсуждение и заключение. По результатам исследования элементов правового статуса личности в цифровом пространстве сделаны следующие выводы: 1) провозглашая права и свободы, в том числе в цифровом пространстве, необходимо вырабатывать правовые регуляторы, направленные на предотвращение потенциальных нарушений; 2) ввиду отсутствия в международной практике единства в выработке способов и методов правового регулирования правоотношений в цифровом пространстве следует сдержанно воспринимать любой, в том числе кажущийся на первый взгляд удачным, зарубежный опыт, он может быть непригоден в условиях российских правовых реалий и традиций; 3) необходима разработка концепции правового регулирования правоотношений в цифровом пространстве и как теоретического обоснования определения правового статуса личности в цифровом пространстве, и как собственно основы регулирования таких правоотношений.

Ключевые слова: цифровизация, цифровое пространство, правоотношения, правоотношения в цифровом пространстве, правовой статус личности, правовой статус личности в цифровом пространстве

Для цитирования: Провалинский Д. И. Правовой статус личности в цифровом пространстве // Правосудие/Justice. 2023. Т. 5, № 1. С. 38–53. DOI: 10.37399/2686-9241.2023.1.38-53.

Original article

Legal Status of the Person in the Digital Space

Dmitry I. Provalinsky

Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation

For correspondence: dmi38288850@yandex.ru

Abstract

Introduction. Digitalisation introduces serious changes to the existing order of interaction between the subjects of legal relations. Due to objective, as well as some subjective reasons, in modern reality there is a gap between the development of actual legal relations in the digital space and their legal regulation.

Theoretical Basis. Methods. The subject of this study is the rights, obligations, legal guarantees, legal liability, legal personality of users of Internet resources, which together make up the legal status of an individual in the digital space. The study was carried out on the basis of the methods of logical and legal analysis. With their help, problematic issues of determining the legal status of a person in the digital space were identified.

Results. The features of the legal status of an individual are determined by the anonymity of use. The presence in these “complex” legal relations of an intermediary in the person of an operator, provider or owner of a digital resource - which, as practice shows - is able to actively influence not only the legal relations themselves, but also ignore the principles and norms of law developed by in national legal acts aimed at suppressing such violations.

Discussion and Conclusion. Based on the results of this study of the elements of the legal status of an individual in the digital space, the following conclusions were made: 1) when proclaiming rights and freedoms, including in the digital space, it is necessary to develop legal regulations aimed at preventing potential violations; 2) due to the lack of unity in international practice on the development of ways and methods of legal regulation of legal relations in the digital space, any foreign experiences, including those seemingly successful at first glance, should be treated with restraint, as they may not be suitable in the conditions of Russian legal realities and traditions; 3) it is necessary to develop a concept of legal regulation of legal relations in the digital space, which would be not only a theoretical basis for determining the legal status of an individual in the digital space, but also the basis for regulating such legal relations.

Keywords: digitalisation, digital space, legal relations, legal relations in the digital space, legal status of the individual, legal status of the individual in the digital space

For citation: Provalinsky, D. I., 2023. Legal status of the person in the digital space. *Pravosudie/Justice*, 5(1), pp. 38–53. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2023.1.38-53.

Введение

Видоизменение фактических правоотношений и появление новых форм взаимодействия между субъектами правоотношений побуждают юридическую науку, как и другие общественные дисциплины, предлагать собственное научное видение и теоретическое обоснование происходящего. Вместе с тем приходится признавать, что темп и скорость развития фактических правоотношений настолько велики и устремлены к постоянному изменению, что научная мысль и правотворческий процесс далеко не всегда способны своевременно отреагировать на происходящие изменения.

В первую очередь это обусловлено необходимостью использования более глубоких методов научного познания, а также привлечения профессиональных ресурсов в сферу юриспруденции и смежных областей (экономика, социология, психология, социальное управление и др.), опирающихся на теоретический фундамент и практическую апробацию, что по масштабу «погружения» в заданную тему (или новый вызов современной действительности) многократно превосходит используемые обществом примитивные или даже рефлекторные способы восприятия (принятия) новых явлений, изменяющих окружающую действительность и способных внести коррективы в уже сложившиеся в социуме отношения. К сожалению (и от этого никуда не уйти), оперативность правового регулирования происходящих процессов недостаточна.

Результаты исследования

Одним из серьезных вызовов как для науки, так и для практики и, соответственно, для правотворческой деятельности являются цифровизация и то влияние, которое она оказывает на все сферы жизнедеятельности как отдельного гражданина, так и общества, а также государства в целом. Основной вопрос, который здесь возникает и который пока не находит единого понимания, – это пределы допустимости правового регулирования правоотношений в цифровом пространстве.

Как следует из теории правоотношений, для того чтобы складывающиеся между субъектами права отношения получили правовое регулирование, они должны соответствовать основным (базовым) критериям: в их структуре должны присутствовать субъекты правоотношения, объект (объекты) правоотношения и собственно его содержание.

Что касается фактических правоотношений, возникающих в цифровом пространстве, то следует отметить, что их характерной особенностью является то, что они всегда будут относиться к «сложным», поскольку без посредника в лице оператора, провайдера или владельца цифрового ресурса возникнуть в цифровом пространстве они не могут. Объектом цифровых правоотношений выступают глобальная сеть «Интернет», интернет-ресурсы (сайты), социальные сети и мессенджеры, а

также цифровые услуги и цифровая деятельность в целом. Содержанием таких правоотношений должны выступать взаимные права и обязанности участников цифровых правоотношений.

Определение и установление субъекта цифровых правоотношений, его правовой статус вызывают вполне конкретные вопросы. Обладает ли субъект права цифровыми правами и обязанностями? Каков его правовой статус в глобальной сети «Интернет»? Должен ли субъект права в цифровом пространстве соблюдать принципы и нормы права, прежде всего содержащиеся в формах национального права (в нашем случае – Российской Федерации)? Должен ли субъект права нести юридическую ответственность за свои действия (деяния), совершаемые в цифровом пространстве?

При обсуждении поставленных вопросов нельзя не учитывать, что цифровизация уже внесла и продолжает вносить серьезные изменения в сложившийся в социуме порядок взаимодействия между субъектами правоотношений. Это касается и форм, и способов взаимодействия.

Следует отметить, что за исключением отдельных форм международного права, таких как Резолюция ООН по правам человека A/HRC/RES/20/8 «Поощрение, защита и осуществление прав человека в интернете»¹, Резолюция ООН A/RES/68/167 «Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век»², Хартия прав человека в интернете, предложенная Ассоциацией прогрессивных коммуникаций (The Association for Progressive Communications (APC))³, а также некоторых национальных законов, таких как национальный Закон Бразилии от 23 апреля 2014 г. «Установление принципов, гарантий, прав и обязанностей использования интернета в Бразилии»⁴, Закон Новой Зеландии от 13 июля 2015 г. «О вредных цифровых коммуникациях»⁵, Закон Франции от 7 октября 2016 г. «О цифровой республике»⁶, в мировой

¹ Report of the Special Rapporteur on the promotion and protection of the right to freedom of opinion and expression. URL: https://www2.ohchr.org/english/bodies/hrcouncil/docs/17session/A.HRC.17.27_en.pdf (дата обращения: 08.01.2023).

² Резолюция ООН A/RES/68/167 «Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век». URL: https://www.lawtrend.org/wp-content/uploads/2014/06/2013_UN_68_167.pdf (дата обращения: 08.01.2023).

³ APC Internet Rights Charter. URL: <https://www.apc.org/en/node/5677/> (дата обращения: 08.01.2023).

⁴ Lei № 12.965 de 23 de Abril de 2014 (Estabelecimento de princípios, garantias, direitos e deveres para o uso da internet no Brasil). URL: <https://wipo.lex.wipo.int/ru/text/361097> (дата обращения: 08.01.2023).

⁵ Harmful Digital Communications Bill. URL: <https://www.legislation.govt.nz/bill/government/2013/0168/latest/DLM5711810.htm> (дата обращения: 08.01.2023).

⁶ Loi № 2016-1321 du 7 Octobre 2016 Pour une république numérique. URL: <https://wipo.lex.wipo.int/ru/text/420578> (дата обращения: 08.01.2023).

практике в целом отсутствует опыт разработки и принятия правовых актов и иных видов форм права, регулирующих правоотношения в цифровом пространстве.

Сложившаяся ситуация позволяет нам на основании анализа некоторых базовых вопросов правового регулирования правоотношений в цифровом пространстве предложить собственное видение решения отдельных, проблемных, на наш взгляд, вопросов в рамках отечественной юридической науки.

Начать следует с определения правового статуса личности в цифровом пространстве, поскольку общеизвестно, что любой пользователь глобальной сети «Интернет» может выходить в цифровое пространство, скрывая свою личность (право на анонимность) под цифровым аватаром и используя псевдоним (nickname). Согласно же теории правоотношений для возможности урегулирования любого правоотношения как его участникам, так и государственному органу, осуществляющему правовое регулирование, должен быть известен субъектный состав такого правоотношения, в цифровом же пространстве это условие порой становится недостижимым.

В теории права под *правовым статусом личности* понимается юридически установленное в Конституции и иных правовых актах положение (состояние) человека в обществе, образующее совокупность его прав, свобод, обязанностей и правовых интересов [Провалинский, Д. И., 2020, с. 181]. В структуру правового статуса личности входят: права, обязанности, юридические гарантии, юридическая ответственность, правовые интересы, правосубъектность, гражданство.

Рассматривая права как базовый элемент правового статуса личности, необходимо отметить, что общепризнанные три поколения прав и свобод человека и гражданина не имеют правового закрепления «цифровых прав» или права на доступ в интернет. Это закреплено и в Резолюции ООН A/HRC/RES/20/8 «Поощрение, защита и осуществление прав человека в интернете»⁷.

Как указывается в юридической литературе, до настоящего времени в доктрине международного права не сложилось и единого взгляда относительно того, следует ли относить цифровые права к правам первого поколения (личные и политические права человека, естественные неотчуждаемые права), второго поколения (социально-экономические и культурные права), или это новое поколение прав, принципиально отличающихся от традиционных [Рожкова, М. А., 2020].

Как отмечается в Рекомендации Комитета министров Совета Европы «О соблюдении, защите и осуществлении прав детей в цифровой среде», на сегодняшний день сложно однозначно утверждать, являются

⁷ URL: https://www.lawtrend.org/wp-content/uploads/2014/06/2010_UN_20_8.pdf (дата обращения: 08.01.2023).

цифровые права новым поколением или подвидом прав человека, осуществляемых в цифровой среде, которая «включает в себя информационные и коммуникационные технологии, в том числе интернет, мобильные и связанные с ними технологии и устройства, а также цифровые сети, банки данных, контент и услуги»⁸.

Тем не менее с начала глобального увеличения активных пользователей сети «Интернет» (примерно с начала 90-х гг. XX в.) в первую очередь в зарубежной научной литературе в терминологический обиход стали входить такие понятия, как «интернет-права», «права человека в интернете/в киберпространстве», «киберправа и киберсвободы» (англ. cyber-rights & cyber-liberties). Обсуждая возможность использования той или иной юридической терминологии, ученые отмечают, что «...в англоязычной литературе пишут о цифровых правах (digital rights), интернет-правах (Internet rights), праве на коммуникацию (right to communicate)... Иногда эти термины используют как синонимы, иногда акцентируется определенная специфика обозначаемых ими прав» [Варламова, Н. В., 2019, с. 12].

На этом фоне отдельные зарубежные исследователи высказывают и вовсе революционные идеи. Например, итальянский ученый Якопо Кокколи полагает, что развитие права на доступ в интернет продемонстрировало возможность «технологии стать самим правом» [Coccoli, J., 2017, p. 243].

Что касается собственно прав, то следует заметить, что как простыми пользователями глобальной сети «Интернет», так и некоторыми исследователями сферы цифровых технологий высказывались идеи о том, что свободное выражение мнений в сети не подлежат прямому или косвенному ограничению через цензуру, запрещающему контролю со стороны правительств или частных лиц путем проверок программного или аппаратного обеспечения, телекоммуникационных инфраструктур или других составных частей электронных сетей. Право на частную неприкосновенность, анонимность и безопасность включает право на защиту от произвольного наблюдения материалов или общения в сети, так же как и право использования таких технологий неприкосновенности, применяемых с целью обезопасить коммуникацию, как криптография⁹.

В понимании исследователей *цифровые права человека* – это расширение и применение универсальных прав человека к потребностям

⁸ Рекомендация Комитета министров Совета Европы государствам-членам № CM/Rec(2018)7 «О соблюдении, защите и осуществлении прав детей в цифровой среде» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2018. № 12. С. 117.

⁹ Беккер К. Словарь тактической реальности. Культурная интеллигенция и социальный контроль / пер. с англ. О. Киреева. Екатеринбург : Ультра. Культура, 2004. 224 с. ISBN: 5-98042-066-5.

общества, основанного на информации. Базисные цифровые права человека включают право доступа к электронной сети, право свободно общаться и выражать мнения в сети и право на неприкосновенность частной сферы¹⁰.

В отечественной литературе, несмотря на бурное развитие научной концепции информационного права, в последнее время все чаще используется термин «цифровые права», нежели «интернет -права» или «информационные права».

Упомянутая выше Хартия прав человека в интернете, предложенная Ассоциацией прогрессивных коммуникаций (The Association for Progressive Communications (APC) (далее – Хартия), в ее действующей редакции закрепляет следующие принципы управления интернетом: 1) универсальность и равенство; 2) права и социальная справедливость; 3) равный доступ к интернету; 4) свобода слова и ассоциаций; 5) конфиденциальность и защита данных; 6) жизнь, свобода и безопасность; 7) разнообразие; 8) сетевое равенство; 9) стандарты и регулирование; 10) система управления¹¹.

На наш взгляд, данные принципы по ряду причин не могут выступать в качестве универсальных правовых регуляторов правоотношений в цифровом пространстве, поскольку, во-первых, указанный перечень по причине постоянной доработки Хартии не является окончательно сформированным. Во-вторых, в процессе «перевода» основных прав человека, сформулированных во Всеобщей декларации прав человека (далее – Декларация), в цифровое пространство происходят отрыв от базовых принципов права и отчасти игнорирование ряда традиционных прав, заложенных в данной Декларации (право на труд, получение образования или неприкосновенность частной жизни и др.), при этом активно лоббируются идеи о праве на анонимность и отсутствие цензуры в реализации свободы слова. В-третьих, сам статус разработчика – Ассоциации прогрессивных коммуникаций (особенно в свете последних «информационных войн») не внушает абсолютного доверия в вопросе о том, в чьих интересах действует данная Ассоциация и какие цели преследует. Наконец, в-четвертых, и это самое главное, данный акт не является правовым, а следовательно, в нем не могут устанавливаться правовые регуляторы, тем более универсальные.

Результаты исследования

Таким образом, в настоящее время разрозненно существующие принципы и нормы международного права не могут быть использованы в качестве универсальных правовых регуляторов правоотношений в

¹⁰ Беккер К. Указ. соч.

¹¹ APC Internet Rights Charter. URL: <https://www.apc.org/en/node/5677/> (дата обращения: 08.01.2023).

цифровом пространстве. В такой ситуации на первое место должно выступать национальное правовое регулирование.

Следует отметить, что определенная работа в этом направлении уже проводится. Так, Советом по правам человека при Президенте Российской Федерации разрабатывается проект Цифрового кодекса прав человека¹², содержание которого пока не обнародовано. Между тем указанное обстоятельство не препятствует нам высказать собственную точку зрения по данному вопросу.

Представляется, что в числе прав и свобод, которыми должны обладать граждане Российской Федерации в цифровом пространстве, должны быть указаны следующие:

- 1) право на получение равного доступа к пользованию телекоммуникационной сетью «Интернет»;
- 2) право на свободу слова в цифровом пространстве;
- 3) право на свободный поиск, создание, получение, передачу, использование и распространение информации в цифровом пространстве;
- 4) право на обращение в органы государственной или муниципальной власти как посредством использования телекоммуникационной сети «Интернет» или использования справочно-информационных интернет-порталов (Госуслуги), так и в традиционном формате устно при личном приеме граждан или в письменной форме без обязывания граждан использовать телекоммуникационную сеть «Интернет» при обращении в органы государственной или муниципальной власти;
- 5) право на труд в цифровом пространстве в форме дистанционной работы, самозанятости (фрилансер) или в целях реализации ст. 34 Конституции Российской Федерации;
- 6) право на образование в цифровом пространстве (доступ к цифровым библиотекам, архивам и фондам, самообразование в сети, возможность обучать или проводить мастер-классы);
- 7) право на свободу творчества в цифровом пространстве;
- 8) право на неприкосновенность частной жизни в цифровом пространстве;
- 9) право собственности на имущество в цифровом пространстве (защита авторского права, интеллектуальной собственности, патентов, право на цифровые вещи);
- 10) право на забвение;
- 11) право на защиту персональных данных.

Следует отметить, что в 2020 г. в России в качестве эксперимента в целях информационной поддержки граждан в условиях распространения новой коронавирусной инфекции на территории Российской Феде-

¹² СПЧ готовит «Цифровой кодекс прав человека». URL: <https://rg.ru/2021/09/05/spch-gotovit-cifrovoy-kodeks-prav-cheloveka.html> (дата обращения: 08.01.2023).

рации приказом Минкомсвязи России от 31 марта 2020 г.¹³ был сформирован список социально значимых интернет-ресурсов, доступ к которым операторы связи и поставщики услуг интернет-связи не должны ограничивать даже при отрицательном балансе клиента.

На наш взгляд, такое решение должно быть трансформировано в право на доступ к социально значимым ресурсам в телекоммуникационной сети «Интернет».

Другим, не менее важным элементом правового статуса личности как в традиционных, так и в цифровых правоотношениях, выступают обязанности субъекта правоотношений – т. е. осуществление совокупности действий необходимого правомерного поведения и бездействия (воздержание от действий, нарушающих права и правовые интересы иных лиц).

В данном случае возникает еще одна проблема, которая заключается в том, что пользователь сети «Интернет» для активного взаимодействия на различных цифровых площадках с другими пользователями вынужден проходить процедуру регистрации и выражать согласие с правилами данного ресурса (цифрового сообщества – если речь идет о «пабликах» в социальных сетях) и для постоянного использования данного ресурса в своих личных интересах вынужден соблюдать указанные правила, иначе администрация ресурса может применить к нему временную или постоянную блокировку страницы пользователя или ограничить возможности совершать определенные действия (оставлять комментарии, публиковать посты или размещать какие-либо материалы и т. п.) на данном ресурсе, в том числе без права на обжалование такого решения.

Даже при поверхностном анализе подобных пользовательских соглашений выясняется ряд нюансов: во-первых, подобные соглашения, как правило, составляются лицами либо далекими от юридической профессии, либо имеющими общие (поверхностные) познания в области юриспруденции; во-вторых, в отдельных пунктах подобных соглашений могут содержаться положения, противоречащие прежде всего правовым актам Российской Федерации; в-третьих, они не содержат принципов и норм права, не являются формой национального права.

Соответственно, ситуация такова, что на сегодняшний день государство не способно принудить пользователя сети «Интернет» соблюдать

¹³ Приказ Минкомсвязи России от 31 марта 2020 г. № 148 (ред. от 1 июля 2021 г.) «О проведении эксперимента об оказании гражданам на безвозмездной основе услуг связи по передаче данных и по предоставлению доступа к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации для использования социально значимых информационных ресурсов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» // Официальный интернет-портал Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL: <https://digital.gov.ru/ru/documents/7146> (дата обращения: 08.01.2023).

обязанности человека и гражданина в цифровом пространстве (за исключением социально значимых интернет-ресурсов), поскольку пользователи сети «Интернет» зависимы от владельца ресурса, который (а не государство) предоставляет им данную услугу. Это в определенной степени способствует появлению «участков», «направлений» или «сфер жизнедеятельности», неподвластных государству и его контролирующим органам на его собственной территории, и, хоть и на первый взгляд это не столь ощутимо и заметно, «отодвигает», отстраняет государство от влияния, в том числе правового, на некую часть фактических правоотношений, складывающихся внутри этого государства. Иными словами, происходит постепенное вытеснение государства из традиционно устоявшейся парадигмы: государство, общество, личность.

В этой связи остро встает вопрос о правовом оформлении обязанностей, исполнения которых государство не только вправе, но и обязано требовать от пользователей сети «Интернет» вне зависимости от того, входят ли ресурсы, которыми пользуются наши сограждане, в зону «Рунета», зону англоязычного интернета или иную групповую зону или сектор глобальной сети «Интернет». К таким обязанностям следует отнести следующие:

- соблюдать принципы и нормы права, содержащиеся прежде всего в Конституции Российской Федерации и иных национальных правовых актах;
- воздерживаться от совершения действий, нарушающих права и правовые интересы иных лиц в телекоммуникационной сети «Интернет»;
- воздерживаться от создания, распространения, передачи заведомо ложной информации, способной нанести ущерб государству, обществу, деловой репутации, чести и достоинству личности.

Отдельно следует сказать о важности предоставления гражданам в цифровом пространстве юридических гарантий защиты их прав, свобод и правовых интересов, так как помимо определенных благ, которые дает цифровое пространство, в нем процветает киберпреступность (кибербуллинг, мошенничество в сети, кибертерроризм и др.), от которой пользователь порой не в состоянии получить защиту ни у администрации ресурса, ни у компетентных государственных органов Российской Федерации. Это происходит вследствие отсутствия правовых регуляторов, с помощью которых возможно оказывать воздействие на владельцев цифровых ресурсов, либо возникают технические нюансы, не позволяющие пресечь то или иное правонарушение (преступление) в цифровом пространстве.

В качестве примера можно привести достаточно распространенную в социальных сетях деятельность групп по интересам (пабликам), создаваемых в различных социальных сетях и мессенджерах не с целью общения, созидания или нахождения единомышленников по увлечению или хобби, а исключительно с противоправной целью.

Среди общеизвестных можно назвать сообщества, создаваемые с целью пропаганды идей, провокации и склонения несовершеннолетних к совершению самоубийства (группы «Синий кит»); группы, коллективно оскорбляющие или осуждающие поведение или поступки отдельной личности путем организации массовой травли посредством направления в огромном количестве сообщений, как минимум оскорбительного характера, пользователю, который был выбран (назначен) «козлом отпущения». Последние, как правило, возникают в двух случаях: а) на почве не сложившихся межличностных отношений; б) вокруг публичной личности, выражающей собственную точку зрения относительно того или иного вопроса, не совпадающую с позицией лиц, использующих подобные методы воздействия вместо выстраивания диалога, основанного на аргументах.

Отдельно следует сказать и о распространении в цифровом пространстве такого вида преступления, как создание интернет-сайтов – двойников/клонов популярных и массовых ресурсов, известных большинству активных пользователей сети «Интернет». В данном случае мошенники без каких-либо трудностей могут полностью копировать указанные страницы, затем невнимательный пользователь, совершив ошибку в процессе ввода адреса ресурса в адресной строке или пройдя по непроверенной ссылке, попадает на ресурс-клон и совершает привычные ему действия (вводит свои логин и пароль от учетной записи, совершает сделки купли-продажи, указывает свои персональные данные и т. д.) и тем самым «добровольно» предоставляет злоумышленникам возможность пользоваться указанной информацией в своих корыстных целях.

Указанные примеры – лишь малая доля того, какие опасности таят в себе отдельные сегменты цифрового пространства, при этом предоставить какие-либо юридические гарантии защиты прав и свобод личности в цифровом пространстве на сегодняшний день не способно ни одно государство в мире.

Причиной этому, на наш взгляд, является то, что, не осознавая до конца всю степень глобальности надвигающейся на общество цифровизации, государства на начальном этапе ушли от регулирования данного процесса, а теперь последовательно отстраняются от участия в управлении им уже заинтересованными лицами (IT-корпорациями). Ведь все больше и больше становится очевидным, что «правильно» организованное виртуальное (цифровое) пространство способно оказывать влияние на умы, поведение и реакцию не только отдельных личностей, но и различных социальных групп, а также общества в целом. Такие вызовы безусловно должны быть приняты любым государством, которое заинтересовано в сохранении всей многогранности своего суверенитета.

Осуществление мер, направленных на блокировку интернет-ресурсов, нарушающих принципы и нормы права, содержащиеся в нацио-

нальных правовых актах, безусловно необходимо, хотя, как показывает практика, малоэффективно.

Это показали, например, попытки блокировки мессенджера Telegram в 2018 г. или блокировки ряда западных социальных сетей в 2022 г., доступ к которым любой пользователь может получить, прибегнув к использованию специального программного обеспечения прокси-сервер/VPN-сервер. Однако и данная деятельность приносит свои определенные положительные результаты и должна вестись системно.

Что же касается юридической науки, то в ее задачи входят исследование уже действующих способов и методов правового регулирования и предложение на основе научного анализа своего видения решения тех или иных проблемных вопросов.

На наш взгляд, вопрос обеспечения юридических гарантий в цифровом пространстве не может быть решен одними только юристами (учеными и практиками) или государственными управлениями без тесного взаимодействия со специалистами в области IT-технологий. Причем этот процесс безусловно должен происходить под эгидой государства.

В противном случае достаточно яркий пример беспомощности перед IT-корпорацией, как это имело место при блокировке в январе 2021 г. социальной сетью Twitter аккаунта действующего на тот момент 45-го президента США Дональда Трампа, станет не исключением из правил, а нормой поведения, игнорирующей даже правовой статус отдельно взятой личности.

Таким образом, в настоящее время нельзя признать, что юридические гарантии прав личности в цифровом пространстве в современных реалиях обеспечены.

Однако уже сейчас, как представляется, можно сделать некоторые шаги в данном направлении. Поскольку в offline-пространстве юридические гарантии предполагают неотвратимое наступление юридической ответственности для правонарушителя за совершенное противоправное деяние, такой же вид ответственности должен безусловно существовать и для online-пространства.

Исходным достаточно действенным шагом, на наш взгляд, является отказ от полной анонимности в интернет-пространстве. Это означает, что на первых порах, хотя бы на некоторых ресурсах (социальных сетях, видеохостингах и мессенджерах) за каждым nickname (псевдонимом) должна раскрываться личность пользователя, например, посредством регистрации или обязательного предоставления информации на портале Госуслуг или ином специально созданном государством информационном ресурсе. В целях сокращения анонимности в сети уже сейчас с технической точки зрения возможно закрепление за каждым физическим лицом – пользователем его личного IP-адреса, что способствовало бы осознанию пользователями сети неотвратимости наступления юридической ответственности за противоправные деяния в случае их совершения.

Представляется, что в такой ситуации в разы снизились бы случаи кибербуллинга, высказывания угроз, призывов к совершению противоправных действий, поскольку общеизвестно, что именно анонимность создает благоприятную почву для их «процветания».

То есть достижение цели неотвратимости наказания в случае нарушения прав и охраняемых правовых интересов других лиц уже является определенной гарантией защиты прав всех пользователей цифрового пространства.

Рассуждая о правовом статусе личности в цифровом пространстве, отдельное внимание следует уделить ее правосубъектности, т. е. правовым основаниям, дающим возможность отдельной личности быть субъектом цифровых правоотношений и находиться в цифровом пространстве.

Как и в цифровых правоотношениях, здесь имеется ряд нюансов. Так, для получения доступа в цифровое пространство необходимо использовать персональный компьютер/планшет или сотовый телефон с доступом в глобальную сеть «Интернет». Далее с точки зрения цифровых взаимоотношений все субъекты, получившие открытый доступ в цифровое пространство, вольны перемещаться в нем как им вздумается.

С точки зрения права, чтобы быть субъектом правоотношений, необходимо обладать правоспособностью, т. е. иметь субъективные права и нести юридические обязанности. По общему правилу правосубъектность возникает с момента рождения человека. В дальнейшем процессе взросления (в силу наступления определенного возраста) или совершения активных юридически значимых действий человек приобретает более широкий круг прав и обязанностей (дееспособность), вместе с чем принимает на себя обязательство нести юридическую ответственность перед иными участниками правоотношений путем совершения активных юридически значимых действий/бездействия (деликтоспособность).

В связи с этим возникает вопрос: каким образом и в какой момент у лица может возникать (появляться) правосубъектность относительно цифровых прав?

В отношении совершеннолетних пользователей сети «Интернет» этот вопрос не возникает. Однако когда речь заходит о несовершеннолетних пользователях, вполне закономерно встает вопрос об установлении возрастного ценза для самостоятельного доступа («входа») в цифровое пространство с целью обеспечить психологическую, психическую и физическую безопасность еще не сформировавшейся личности от вредоносного контента, содержащегося в открытом доступе в сети.

В данном вопросе не возникает сомнения в необходимости установления возрастного ограничения для несовершеннолетних по их свободному и бесконтрольному нахождению в цифровом пространстве.

Такой опыт уже имеется в ряде государств. Так, Закон КНР «О защите несовершеннолетних»¹⁴ устанавливает, что при распространении контента, в том числе с использованием сети «Интернет», который может повлиять на физическое или психологическое здоровье несовершеннолетних, должны содержаться заметные категориальные предупреждения перед демонстрацией соответствующих материалов. Также данный Закон устанавливает уголовную ответственность за продажу, аренду и/или распространение среди несовершеннолетних материалов, которые являются для них «вредоносными» (ст. 34).

В Индии приняты и действуют «Правила информационных технологий»¹⁵, включающие в себя «Руководство для посредников» (Intermediary Guidelines) и «Кодекс этики цифровых медиа» (Digital Media Ethics Code). В частности, в Правилах указывается, что посредники, предоставляющие доступ к цифровому ресурсу, обязаны проинформировать пользователей посредством правил использования сервиса и иных документов, принимаемых пользователями, что они не должны размещать информацию, которая является вредоносной для детей.

На наш взгляд, подобный опыт заслуживает внимания и проработки специалистами в области юриспруденции во взаимодействии с педагогами и детскими психологами с целью его использования в Российской Федерации применительно в том числе к готовности родителей нести персональную ответственность за неблагоприятные последствия бесконтрольного «пребывания» несовершеннолетнего в сети. Критерии оценки допустимости здесь будут, вероятно, примерно такими же, как и в реальной жизни. Если спросить любого родителя о том, с какого возраста он разрешает гулять своему ребенку одному на детской площадке во дворе, самостоятельно ходить в магазин или школу, пользоваться общественным транспортом и т. д., в подавляющем большинстве случаев можно получить ответ, что совершение этих действий прямо связано не только с внешней средой (в том числе криминогенной обстановкой), но и с процессом взросления ребенка, развитием его коммуникативных способностей, возможностью ориентироваться в окружающем пространстве, осознанием потенциальных опасностей и угроз, которые таит в себе социум.

В цифровом пространстве потенциальные угрозы для ребенка могут оказаться куда более опасными, чем конфликт со сверстниками на детской площадке.

Указанное ни в коей мере не направлено на ограничение развивающих возможностей сети «Интернет», однако эта сфера должна нахо-

¹⁴ 中华人民共和国未成年人保护法. URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202010/82a8f1b84350432cac03b1e382ee1744.shtml> (дата обращения: 08.01.2023).

¹⁵ The Information Technology (Intermediary Guidelines and Digital Media Ethics Code) Rules, 2021. URL: <https://www.meity.gov.in/content/notifications> (дата обращения: 08.01.2023).

даться в рамках «родительского контроля», как и игровая сфера. Однако цифровую безопасность для несовершеннолетних должно обеспечить в первую очередь государство. И в этом направлении также необходима системная работа, однако расширенное представление о ее объеме и масштабах находится за рамками настоящего исследования.

Обсуждение и заключение

Подводя итоги изложенному, следует отметить, что, во-первых, понятие «правовой статус личности в цифровом пространстве» не является чем-то новым для юридической науки в свете изучения правового статуса личности как такового, тем не менее оно имеет некоторые нюансы, которые привносят изменения в традиционно устоявшиеся понятия «правоотношения» и «правовой статус личности». Во-вторых, по причине несовпадения темпов развития права и фактических правоотношений в цифровом пространстве процесс их правового регулирования отстает и пока не в состоянии поспевать за новыми формами взаимодействия субъектов права. В-третьих, провозглашая права и свободы, в том числе в цифровом пространстве, необходимо вырабатывать такие правовые регуляторы, которые будут эффективно защищать субъектов цифровых правоотношений от потенциально возможных нарушений их прав и свобод. В-четвертых, по причине отсутствия в международной практике единства в выработке правовых регуляторов правоотношений в цифровом пространстве следует сдержанно воспринимать любой, в том числе кажущийся на первый взгляд удачным, зарубежный опыт. Важно помнить о том, что опыт иного государства может быть непригоден в условиях российских правовых реалий и традиций. В-пятых, необходима разработка концепции правового регулирования правоотношений в цифровом пространстве и как теоретического обоснования правового статуса личности в цифровом пространстве, и как собственно основы регулирования таких правоотношений.

Список источников

Варламова Н. В. Цифровые права – новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14, № 4. С. 9–46.

Провалинский Д. И. Теория государства и права в таблицах и схемах (конспект лекций в схемах) : учеб. пособие для студентов, магистрантов и аспирантов. Казань : Бук, 2020. 510 с. ISBN: 978-5-00118-562-8.

Рожкова М. А. Цифровые права: публично-правовая концепция и понятие в российском гражданском праве // Хозяйство и право. 2020. № 10. С. 3–12.

Coccoli J. The Challenges of New Technologies in the Implementation of Human Rights: An Analysis of Some Critical Issues in the Digital Era // *Peace Human Rights Governance*. 2017. Vol. 1, issue. 2. P. 223–250.

References

Coccoli, J., 2017. The Challenges of New Technologies in the Implementation of Human Rights: An Analysis of Some Critical Issues in the Digital Era. *Peace Human Rights Governance*, 1(2), pp. 223–250.

Provalinsky, D. I., 2020. *Teoriya gosudarstva i prava v tablicakh i skhemakh (konspekt lekcij v skhemakh)* = [Theory of State and law in tables and diagrams (lecture notes in diagrams)]. Textbook for students, undergraduates and postgraduates. Kazan: Buk. 510 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-00118-562-8.

Rozhkova, M. A., 2020. Digital rights: public law concept and concept in Russian civil law. *Khozyajstvo i pravo* = [Economy and Law], 10, pp. 3–12. (In Russ.)

Varlamova, N. V., 2019. Digital rights – a new generation of human rights? *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* = [Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences], 14(4), pp. 9–46. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Провалинский Дмитрий Игоревич, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушkinsкая, д. 69).

Dmitry I. Provalinsky, Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Theory of Law, State and Judicial Power Department, Russian State University of Justice (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflict of interest.

Дата поступления рукописи в редакцию издания: 30.01.2023; дата одобрения после рецензирования: 10.02.2023; дата принятия статьи к опубликованию: 22.02.2023.

Submitted: 30.01.2023; reviewed: 10.02.2023; revised: 22.02.2023.

Научная статья

УДК 341

DOI: 10.37399/2686-9241.2023.1.54-90

О значении для судов Российской Федерации практики международных договорных органов ООН

Богдан Леонидович Зимненко

zimnenko_bl@vsrf.ru

Аннотация

Введение. Рассматриваются отдельные вопросы о последствиях для правовой системы Российской Федерации принимаемых международными договорными органами ООН, действующими в сфере защиты прав и свобод человека, решений (соображений, мнений) по результатам рассмотрения индивидуальных сообщений (жалоб) против Российской Федерации.

Результаты исследования. Приводится практика судов Российской Федерации, связанная с реализацией позиций Комитетов ООН и пересмотром вступивших в законную силу судебных актов ввиду установления Комитетом ООН по правам человека и Комитетом ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин нарушений Российской Федерацией международных договоров. В статье раскрываются отдельные источники закрепления позиций рассматриваемых договорных органов ООН, дается их классификация.

Обсуждение и заключение. По результатам анализа действующих для Российской Федерации норм международного права, законодательства Российской Федерации и практики судов Российской Федерации автор пришел к следующим основным выводам.

С целью эффективной защиты прав и свобод человека ничто не должно препятствовать суду Российской Федерации учитывать правовые позиции Комитетов ООН в ходе толкования и применения не только положений международных договоров Российской Федерации с целью контроля за соблюдением обязательств, для чего комитеты были созданы, но и положений законодательства Российской Федерации, иных норм международного права. Причем речь идет как о Комитетах ООН, юрисдикцию которых на принятие индивидуальных сообщений Российская Федерация признает, так и о Комитетах ООН, юрисдикцию которых на принятие индивидуальных сообщений Российская Федерация в настоящее время не признает. Могут учитываться позиции Комитетов по делам, рассмотренным в отношении как Российской Федерации, так и третьих государств.

Но всегда важно иметь в виду, что учитываемая позиция должна касаться интерпретации договорными органами ООН положений международных договоров, участником которых является Российская Федерация, и обстоятельства дела, ставшего предметом внимания суда. Безусловно, такая позиция не должна противоречить положениям Конституции Российской Федерации в интерпретации Конституционного Суда Российской Федерации.

В настоящее время процессуальное законодательство Российской Федерации не предусматривает в качестве нового обстоятельства для пересмотра вступивших в законную силу судебных актов установление Комитетами ООН, компетенцию которых на принятие индивидуальных сообщений Российская Федерация признает, нарушения международного договора Российской Федерацией. Однако такое нарушение, как представляется, могло бы стать основанием для пересмотра вступивших в законную силу судебных актов по уголовным, гражданским, административным делам, делам по экономическим спорам и делам об административных правонарушениях, если установленное Комитетом ООН нарушение международного договора Российской Федерации свидетельствует о незаконности, необоснованности и несправедливости ранее вынесенного по делу судебного акта.

Ключевые слова: Конституция России, право на судебную защиту, Комитет ООН по правам человека, Комитет ООН против пыток, Комитет ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин, Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации, позиции Комитетов ООН, пересмотр вступивших в законную силу судебных актов

Для цитирования: Зимненко Б. Л. О значении для судов Российской Федерации практики международных договорных органов ООН // Правосудие/Justice. 2023. Т. 5, № 1. С. 54–90. DOI: 10.37399/2686-9241.2023.1.54-90.

Original article

On the Importance for the Courts of the Russian Federation of the Practice of International Treaty Bodies of the United Nations

Bogdan L. Zimnenko

For correspondence: zimnenko_bl@vsrf.ru

Abstract

Introduction. Certain issues are considered about the consequences for the legal system of the Russian Federation of decisions (including considerations, opinions) adopted by the UN international treaty bodies operating in the field of protecting human rights and freedoms based on the results of consideration of individual communications (complaints) against the Russian Federation.

Results. The practice of the courts of the Russian Federation related to the implementation of the positions of the UN Committees and the revision of judicial acts that have entered into force due to the establishment by the UN Human Rights Committee and the UN Committee on the Elimination of Discrimination against Women of violations of international treaties by the Russian Federation is given. The article reveals certain sources of strengthening the positions of the considered UN treaty bodies, and their classification is given.

Discussion and Conclusions. Based on the results of the analysis of the norms of international law in force for the Russian Federation, the legislation of the Russian Federation and the practice of the courts of the Russian Federation, the author came to the following main conclusions.

In order to effectively protect human rights and freedoms, nothing should prevent a court of the Russian Federation from taking into account the legal positions of the UN Committees in the course of interpreting and applying not only the provisions of international treaties of the Russian Federation in order to monitor compliance with obligations, (for which the committees were created), but also the provisions of the legislation of the Russian Federation. Moreover, the discussion includes topics regarding both the UN Committees, (whose jurisdiction to accept individual communications the Russian Federation recognises), and the UN Committees, (whose jurisdiction to accept individual communications which the Russian Federation does not currently recognise). The positions of the Committees on cases considered both in relation to the Russian Federation and third states may be taken into account. It is always important to keep in mind that the position taken into account should concern the interpretation by the UN treaty bodies of the provisions of international treaties to which the Russian Federation is a party. Also the circumstances of the case that has come under the attention of the court must be regarded. Such a position should not contradict the provisions of the Constitution of the Russian Federation as interpreted by the Constitutional Court of the Russian Federation.

Currently, the procedural legislation of the Russian Federation does not provide as a new circumstance for the revision of judicial acts that have entered into legal force following the establishment by the UN Committees, whose competence to accept individual communications which the Russian Federation recognises, which concern violations of an international treaty by the Russian Federation. However, such a violation, it seems, could become the basis for the revision of judicial acts that have entered into legal force in criminal, civil, administrative cases, cases of economic disputes and cases of administrative offenses, if the violation of the international treaty of the Russian Federation established by the UN Committee indicates illegality, groundlessness and unfairness of the judicial act previously issued in the case.

Keywords: The Russian Constitution, the right to judicial protection, the UN Human Rights Committee, the UN Committee against Torture, the UN Committee on the Elimination of Discrimination against Women, the UN Committee on the Elimination of Racial Discrimination, the positions of the UN Committees, the revision of judicial acts that have entered into force

For citation: Zimnenko, B. L., 2023. On the importance for the courts of the Russian Federation of the practice of international treaty bodies of the United Nations. *Pravosudie/Justice*, 5(1), pp. 54–90. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2023.1.54-90.

Введение

Конституция Российской Федерации, обеспечивая каждому судебную защиту его прав и свобод, одновременно предусмотрела в ч. 3 ст. 46 возможность лица обращаться в межгосударственные органы с целью защиты его прав и свобод. В сфере международных отношений сложилась система договорных органов¹, наделенных согласно положениям

¹ Договорные органы ООН – Комитеты ООН, действующие в сфере защиты прав и свобод человека.

международных договоров компетенцией рассматривать индивидуальные жалобы² лиц, которые полагают, что их права и свободы, предусмотренные этими договорами, были нарушены, а также принимать решения о наличии (отсутствии) нарушения прав и свобод.

Указанные договорные органы действуют как на универсальном³, так и на региональном уровнях. Органами, действующими на универсальном уровне, являются Комитет ООН по правам человека, Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам, Комитет ООН против пыток, Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации, Комитет ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин, Комитет ООН по правам инвалидов. Органы, действующие на региональном уровне, – Европейский Суд по правам человека⁴, Межамериканский Суд по правам человека, Африканский Суд по правам человека и народов. Основной целью деятельности таких органов является контроль за соблюдением государствами-участниками их обязательств по обеспечению прав и свобод человека, гарантируемых международными договорами.

В настоящее время можно выделить следующие договорные органы по защите прав и свобод человека, *компетенцию которых на рассмотрение индивидуальных жалоб признает Российская Федерация*: Комитет ООН по правам человека, созданный для контроля за соблюдением государствами положений Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г., Комитет ООН против пыток, созданный для контроля за соблюдением государствами положений Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г., Комитет ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин, созданный для контроля за соблюдением государствами положений Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 декабря 1989 г., Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации, созданный для контроля за соблюдением государствами положений Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 21 декабря 1965 г.

В ходе рассмотрения индивидуальных жалоб договорные органы по защите прав и свобод человека формулируют позиции⁵ (прецеден-

² Далее также – индивидуальные сообщения.

³ Под «универсальным» понимается уровень, охватывающий большинство государств мирового сообщества, например, в рамках Организации Объединенных Наций (ООН).

⁴ Далее также – Европейский Суд.

⁵ Позицией международного договорного органа в рамках настоящей статьи признается мнение этого органа о том, каким образом с учетом обстоятельств рассматриваемого им дела (ситуации) необходимо истолковывать положения меж-

ты толкования), способствующие надлежащей реализации положений международных договоров Российской Федерации и, как следствие, достижению целей этих договоров – эффективной защите прав и свобод человека.

В этих условиях необходимо учитывать ряд обстоятельств. Во-первых, при рассмотрении индивидуальных жалоб договорные органы ООН в пределах своей компетенции осуществляют толкование и применение норм *международного права*, источником закрепления которых является международный договор. Во-вторых, как будет показано ниже, позиции, выработанные этими договорными органами, учитываются различными институтами (учреждениями, судами), действующими в сфере межгосударственных отношений, при толковании и применении ими соответствующих норм международного *права*. В-третьих, практика указанных органов, включая выработанные ими позиции, оказывает *юридическое воздействие* на правовую систему Российской Федерации. Речь прежде всего идет о толковании и применении судами Российской Федерации, включая Конституционный Суд Российской Федерации, норм международного права, законодательства Российской Федерации с учетом прецедентов толкования, сформированных договорными органами. Решения договорных органов, принятые по результатам рассмотрения индивидуальных жалоб в отношении Российской Федерации и устанавливающие нарушение Российской Федерацией ее международно-правовых обязательств, могут стать одним из оснований (поводов) для пересмотра вступивших в законную силу судебных актов. В-четвертых, возможность, а в некоторых случаях – и необходимость учитывать в сфере межгосударственных и внутригосударственных отношений позиции договорных органов следует из положений раздела 3 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г., являющейся источником международного *права* и в силу ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации – неотъемлемой частью ее правовой системы. В-пятых, позиции договорных органов ООН носят *прецедентный* характер и при рассмотрении в последующем аналогичных вопросов, поднимаемых в индивидуальных жалобах, эти органы ссылаются на ранее выработанные ими позиции⁶.

дународного договора для эффективной защиты прав и свобод, в том числе обратившегося с жалобой лица. Такая позиция, сформулированная международным договорным органом, не является источником ни международного, ни внутригосударственного права – это прецедент толкования.

⁶ См., например: Дело «Ю. Р. против Российской Федерации», Решение Комитета ООН против пыток от 12 ноября 2021 г. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CAT%2fC%2f72%2fD%2f869%2f2018&Lang=en.

Результаты исследования

Можно предположить, что вопрос о значении позиций договорных органов ООН в правовой системе Российской Федерации актуализировался ввиду прекращения членства Российской Федерации в Совете Европы и денонсации Российской Федерацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.⁷ и Протоколов к ней⁸. Нельзя не отметить, что в последнее время количество обращений в эти органы по делам в отношении Российской Федерации увеличилось.

Так, если в начале двухтысячных годов Верховный Суд Российской Федерации ежегодно подготавливал 2–3 заключения по сообщениям, находившимся на рассмотрении Комитетов ООН, то в настоящее время количество таких заключений достигает 50–60.

Согласно официальным данным⁹ по состоянию на 15 ноября 2022 г. Комитетом по правам человека рассмотрено 102 сообщения, поданных в отношении Российской Федерации. Из них 62 сообщения рассмотрено по существу с констатацией Комитетом факта нарушения положений Международного пакта о гражданских и политических правах и/или отсутствия нарушения положений указанного договора, 36 сообщений признано неприемлемыми и по 4 сообщениям производство прекращено.

По состоянию на указанную выше дату Комитетом против пыток рассмотрено 9 сообщений, поданных в отношении Российской Федерации. Из них 3 сообщения рассмотрено по существу с констатацией Комитетом факта нарушения положений Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, 5 сообщений признано неприемлемыми и по 1 сообщению производство прекращено.

Комитетом по ликвидации дискриминации в отношении женщин на указанную выше дату рассмотрено 8 сообщений, поданных в отношении Российской Федерации. Из них 5 сообщений рассмотрено по существу с констатацией Комитетом факта нарушения положений Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, 3 сообщения признаны неприемлемыми.

⁷ Далее – Конвенция о защите прав человека.

⁸ В связи с принятием федеральных законов от 11 июня 2022 г. № 180-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» и № 183-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации», допускающих исполнение в Российской Федерации лишь тех постановлений Европейского Суда по правам человека, которые вступили в силу на 15 марта 2022 г., можно предположить, что определенная часть жалоб, ранее поступавших в Европейский Суд, будет направляться в договорные органы ООН, компетенцию которых на принятие таких жалоб Российская Федерация признает.

⁹ URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/TBSearch.aspx?Lang=en.

Комитетом по ликвидации расовой дискриминации в отношении Российской Федерации рассмотрено 2 сообщения, которые признаны неприемлемыми¹⁰.

Значение позиций Комитетов ООН при толковании и применении законодательства Российской Федерации, общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации

1. В ходе рассмотрения индивидуальных сообщений Комитеты ООН осуществляют толкование и применение положений международных договоров, участником которых является Российская Федерация.

В силу п. 1 ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придавать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора. Подпунктом «b» п. 3 ст. 31 указанной Конвенции предусматривается, что наряду с контекстом *учитывается последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования*. Указанные договорные положения были отражены в п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»¹¹, содержащего разъяснения о том, что толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 г.¹² (раздел 3, ст. 31–33). Согласно подп. «b» п. 3 ст. 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования.

Представляется, что позиции Комитетов ООН можно было бы рассматривать в качестве *одного из средств толкования* международного договора.

Нельзя не отметить, что Комиссия ООН по международному праву в комментариях к Выводу 13 Текста проектов выводов о последующих соглашениях и последующей практике в связи с толкованием догово-

¹⁰ В отношении Российской Федерации в Европейский Суд по правам человека ежегодно направлялось 9–9,5 тыс. жалоб, и по состоянию на 1 января 2022 г., начиная с 2002 г., вынесено 3116 постановлений. URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Annual_report_2021_ENG.pdf.

¹¹ URL: <http://www.vsr.ru/documents/own/8334/>.

¹² URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml.

ров придерживается позиции, в соответствии с которой суждение экспертного договорного органа *как таковое* не может составлять последующее соглашение или последующую практику по подп. «а» и «б» п. 3 ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров, поскольку это положение требует наличия соглашения сторон или последующей практики сторон, которая устанавливает их соглашение относительно толкования договора (п. 9 комментария)¹³. Вместе с тем, далее подчеркнула Комиссия ООН по международному праву, суждения экспертных договорных органов могут порождать последующее соглашение или последующую практику самих участников, которая устанавливает их соглашение относительно толкования договора по смыслу подп. «а» и «б» п. 3 ст. 31, или отсылать к ним. Эта возможность была признана государствами, Комиссией, а также Ассоциацией международного права и многими авторами, отметила Комиссия. Действительно, нет никаких причин, по которым последующее соглашение участников или последующая практика, которая устанавливает их соглашение относительно толкования договора, не могут вытекать из суждения экспертного договорного органа или содержать отсылку к ним, отметила Комиссия¹⁴ (п. 11 комментария). Комиссия ООН по международному праву резюмировала, что, даже если суждение экспертного договорного органа не порождает последующее соглашение или последующую практику, которая устанавливает соглашение всех участников договора, и не отсылает к ним, оно может быть релевантно для установления другой последующей практики по смыслу ст. 32 Венской конвенции о праве международных договоров¹⁵, которая не устанавливает такого соглашения¹⁶ (п. 16 комментария).

Принимая во внимание приведенные соображения, представляется, что во исполнение раздела 3 Части III Венской конвенции о праве международных договоров позиции Комитетов ООН в первую очередь могли бы учитываться судами Российской Федерации *при толковании и применении международных договоров*, для соблюдения обязательств по которым и были созданы эти Комитеты.

¹³ URL: <https://legal.un.org/ilc/reports/2018/russian/chp4.pdf>.

¹⁴ Там же.

¹⁵ В силу указанного договорного положения «[в]озможно обращение к дополнительным средствам толкования, в том числе к подготовительным материалам и к обстоятельствам заключения договора, чтобы подтвердить значение, вытекающее из применения статьи 31, или определить значение, когда толкование в соответствии со статьей 31:

а) оставляет значение двусмысленным или неясным; или

б) приводит к результатам, которые являются явно абсурдными или неразумными».

¹⁶ URL: <https://legal.un.org/ilc/reports/2018/russian/chp4.pdf>.

Суды Российской Федерации при рассмотрении дел в ходе толкования и применения международных договоров Российской Федерации учитывают практику Комитетов ООН по толкованию соответствующих договорных положений.

Так, постановлением судьи Ч. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 3.1 ст. 18.8 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию в виде административного штрафа в размере 5000 руб. с принудительным административным выдворением за пределы Российской Федерации.

В протесте прокурора поставлен вопрос об изменении постановления судьи: исключении дополнительного административного наказания в виде принудительного выдворения иностранного гражданина за пределы Российской Федерации со ссылкой на наличие угрозы его жизни, здоровью, безопасности.

Удовлетворяя протест прокурора и изменяя постановление судьи, исключив из него указание на назначение Ч. административного наказания в виде принудительного административного выдворения за пределы Российской Федерации, судья кассационного суда общей юрисдикции обратил внимание на следующее. Назначение дополнительного наказания в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации должно основываться на данных, подтверждающих действительную необходимость применения к лицу, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, такой меры ответственности, а также ее соразмерность в качестве единственно возможного способа достижения баланса публичных и частных интересов в рамках административного судопроизводства.

Согласно ч. 2 ст. 1.1 КоАП РФ данный Кодекс основывается на Конституции Российской Федерации, общепризнанных принципах и нормах международного права и международных договорах Российской Федерации.

Статьей 7 Международного пакта о гражданских и политических правах установлено, что никто не должен подвергаться пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему его достоинство обращению или наказанию. Истолковывая указанное договорное положение, Комитет по правам человека следует позиции, согласно которой лицо не подлежит выдаче, выдворению в случае, если имеются серьезные основания полагать, что в государстве, на территорию которого планируется осуществить выдачу (выдворение), это лицо может быть подвергнуто не только пыткам, но и бесчеловечному либо унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию, отметила судья кассационного суда общей юрисдикции. При этом необходимо принимать во внимание как общую ситуацию, касающуюся соблюдения прав и свобод человека в запрашивающем государстве, так и конкретные обстоятельства дела, которые в своей совокупности могут свидетельствовать о наличии или об отсутствии серьезных оснований полагать, что лицо может быть подвергнуто вышеупомянутому обращению или наказанию.

В связи с этим согласно позиции судьи кассационного суда общей юрисдикции могут учитываться, например, показания лица, в отношении которого принято решение о выдаче, свидетелей, заключение Министерства иностранных дел Российской Федерации о ситуации с соблюдением прав и свобод человека в за-

прашивающем государстве, гарантии запрашивающего государства, а также доклады и иные документы, принятые в отношении такого государства международными внедоговорными (Совет ООН по правам человека) и договорными органами (Комитет ООН по правам человека; Комитет ООН против пыток).

В протесте в обоснование необходимости исключения административного выдворения Ч. прокурор сослался на то, что в связи с ведением боевых действий в государстве, на территорию которого планируется осуществить выдворение, для выдворяемого лица существует угроза его жизни, здоровью, безопасности. Судья кассационного суда общей юрисдикции признал этот довод обоснованным ввиду сложившейся нестабильной политической обстановки в рассматриваемом государстве.

Судьей кассационного суда общей юрисдикции было также установлено, что в своих объяснениях Ч. указывал на то, что с 2015 г. проживает на территории Российской Федерации, где проживает и его брат, оформляющий гражданство Российской Федерации; возвращаться на территорию государства, гражданином которого он является, не желает, опасается за свою жизнь и здоровье, не исключает преследования со стороны органов власти в связи с длительным проживанием в Российской Федерации.

Сославшись в том числе на соответствующую практику Конституционного Суда Российской Федерации, судья кассационного суда общей юрисдикции пришел к выводу, что с учетом вышеуказанных обстоятельств дела назначение Ч. административного наказания в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации не будет соразмерным способом достижения баланса публичных и частных интересов в рамках административного производства, данных, подтверждающих действительную необходимость применения к лицу, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, такой меры ответственности, не имелось¹⁷.

Другой пример.

М. обратился в суд с иском о взыскании компенсации морального вреда в размере 500 000 руб., ссылаясь на то, что при наличии противопоказаний для одиночного содержания под стражей он незаконно содержался в одиночных камерах.

Решением районного суда исковые требования удовлетворены частично. С Российской Федерации в лице главного распорядителя бюджетных средств – ФСИН России – в пользу М. за счет средств казны Российской Федерации взыскана компенсация морального вреда в размере 300 руб. Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам областного суда одного из субъектов Российской Федерации и определением судебной коллегии по гражданским делам кассационного суда общей юрисдикции указанное решение оставлено без изменения.

В кассационной жалобе, адресованной в Верховный Суд Российской Федерации, заявитель просил отменить названные судебные постановления как при-

¹⁷ Постановление судьи Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 15 июля 2022 г. № 16-3524/2022. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

нятые с нарушением закона. Проверив материалы дела, обсудив доводы, изложенные в кассационной жалобе, и возражения на нее, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации¹⁸ (далее – Судебная коллегия по гражданским делам) нашла жалобу подлежащей удовлетворению. Судебной коллегией по гражданским делам установлено, что М. содержался в общих камерах на одиночном содержании в связи с отсутствием возможности обеспечить соблюдение требований ст. 33 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» о раздельном содержании отдельных категорий лиц.

Суд первой инстанции, установив факт незаконного содержания М. в одиночной камере, пришел к выводу о нарушении его прав и о наличии правовых оснований для взыскания компенсации морального вреда, определив ее размер в 300 руб.

Судебная коллегия по гражданским делам, рассматривая вопрос о сумме компенсации морального вреда, причиненного М. вследствие помещения его в одиночную камеру, обратила внимание на практику Комитета по правам человека, который отмечал, что продолжительное одиночное заключение содержащегося под стражей или лишеного свободы лица может приравняться к актам, запрещенным ст. 7 Международного пакта о гражданских и политических правах (п. 6 Замечания общего порядка № 20 «Запрещение пыток, жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания», принято Комитетом по правам человека).

По мнению Судебной коллегии по гражданским делам, если суд пришел к выводу о необходимости присуждения денежной компенсации, то ее сумма должна быть адекватной и реальной. В противном случае, по мнению Судебной коллегии по гражданским делам, присуждение чрезвычайно малой, незначительной денежной суммы означало бы игнорирование требований закона и приводило бы к отрицательному результату, создавая у потерпевшего впечатление пренебрежительного отношения к его правам.

По данному делу суды признали установленным факт нарушения прав заявителя со стороны администрации следственного изолятора, которое выразилось в длительном, более 114 дней, содержании истца в одиночной камере в отсутствие какого-либо обоснования.

Определяя размер компенсации в 300 руб., суд первой инстанции указал на недопустимость неосновательного обогащения, что, с точки зрения Судебной коллегии по гражданским делам, противоречило смыслу соответствующих правовых норм и актов их толкования, согласно которым денежная компенсация морального вреда не является возмещением материальных потерь, а следовательно, не может рассматриваться как обогащение. Таким образом, суд не обосновал определенный им размер компенсации морального вреда, что в контексте дела являлось существенным нарушением норм права.

¹⁸ В соответствии с Федеральным законом от 27 декабря 2019 г. № 494-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» упомянутые в приведенном примере вопросы в настоящее время разрешаются в рамках Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации.

Апелляционное определение и определение судебной коллегии по гражданским делам кассационного суда общей юрисдикции были отменены, а дело направлено на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции¹⁹.

Еще один пример.

Верховный Суд Российской Федерации рассмотрел административное дело по административному исковому заявлению А. о признании частично недействующей ст. 17 приложения № 3 к Федеральным авиационным правилам «Врачебно-летная экспертиза авиационного персонала экспериментальной авиации». Оспариваемое положение Правил предусматривало, что болезнь, вызываемая вирусом иммунодефицита человека, и вирусоносительство являются основаниями для признания авиационного персонала экспериментальной авиации негодным к профессиональной деятельности.

Верховный Суд, признав недействующим приведенное положение, обратил внимание на следующее.

В силу ч. 2 ст. 19 Конституции Российской Федерации государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации).

В соответствии с Федеральным законом «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)» ВИЧ-инфицированные граждане Российской Федерации обладают на ее территории всеми правами и свободами и несут обязанности согласно положениям Конституции Российской Федерации, законодательства Российской Федерации и законодательства субъектов Российской Федерации. Права и свободы граждан Российской Федерации могут быть ограничены в связи с наличием у них ВИЧ-инфекции только федеральным законом (ст. 5); федеральные законы и иные нормативные правовые акты, а также законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации не могут снижать гарантии, предусмотренные этим Федеральным законом (п. 2 ст. 2), подчеркнул Верховный Суд.

Верховный Суд отметил, что ст. 17 указанного Федерального закона установлен запрет на ограничение прав ВИЧ-инфицированных, согласно которому, в частности, не допускаются увольнение с работы, отказ в приеме на работу, отказ в приеме в организации, осуществляющие образовательную деятельность, и медицинские организации, а также ограничение иных прав и законных интересов ВИЧ-инфицированных на основании наличия у них ВИЧ-инфекции.

¹⁹ Кассационное определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 20 октября 2020 г. по делу № 9-КГ20-15-К1. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Верховный Суд пришел к выводу, что по смыслу приведенных взаимосвязанных положений закона обнаружение у гражданина Российской Федерации ВИЧ-инфекции может являться основанием для увольнения его с работы (отказа в приеме на работу), ограничения его иных прав и законных интересов лишь в случаях, когда это предусмотрено федеральным законом. В настоящее время в Российской Федерации отсутствует какой-либо федеральный закон, запрещающий гражданам осуществлять профессиональную деятельность в качестве авиационного персонала экспериментальной авиации в связи с выявлением у них ВИЧ-инфекции, обратил внимание Верховный Суд.

Верховный Суд учел также положения п. 2 ст. 2 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, обязывающие государства гарантировать, что права, признаваемые в нем, осуществляются без какой-либо дискриминации по признаку расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения или иных обстоятельств, к числу которых Комитет по экономическим, социальным и культурным правам относит состояние здоровья, в частности ВИЧ-статус. Для аргументации своей позиции Верховный Суд сослался на принятое Комитетом Замечание общего порядка № 20 (2009).

С точки зрения Верховного Суда, вопрос о непригодности авиационного персонала экспериментальной авиации к осуществлению профессиональной деятельности при выявлении у него ВИЧ-инфекции/СПИДа должен решаться исходя из объективной оценки состояния его здоровья по результатам соответствующего медицинского и психологического обследования, при наличии медицинского заключения о невозможности осуществлять по состоянию здоровья эту профессиональную деятельность. Наличие ВИЧ-инфекции само по себе не может являться безусловным основанием для признания авиационного персонала экспериментальной авиации негодным к профессиональной деятельности при отсутствии иных объективных противопоказаний, связанных с состоянием здоровья. Вместе с тем оспариваемое нормативное положение не предусматривает никакой индивидуальной оценки (обследования) авиационного персонала экспериментальной авиации, ограничиваясь лишь констатацией самого факта выявления ВИЧ/СПИДа и вирусоносительства, который по содержанию оспариваемой нормы является безусловным и бессрочным основанием непригодности к работе авиационного персонала.

Таким образом, заключил Верховный Суд, осуществленное правовое регулирование не согласуется с приведенными выше требованиями Федерального закона «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)», не допускающими ограничения прав граждан на основании одного лишь факта выявления у них ВИЧ-инфекции и без учета необходимого баланса публичного и частного интересов. Оспариваемое предписание нарушает права ВИЧ-инфицированных граждан, гарантированные Конституцией Российской Федерации и Федеральным законом «О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)»²⁰.

²⁰ Решение Верховного Суда Российской Федерации от 18 апреля 2022 г. по делу № АКПИ22-107. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Позиции Комитетов ООН могут учитываться при толковании и применении судами Российской Федерации не только положений международных договоров Российской Федерации, с целью соблюдения обязательств из которых были созданы Комитеты, но и *иных международных договоров Российской Федерации*, содержащих положения, аналогичные тем положениям, которые в свое время были интерпретированы Комитетом.

Например, с целью эффективной защиты прав и свобод человека судами Российской Федерации могли бы учитываться связанные с толкованием права лица не подвергаться пыткам позиции Комитета по правам человека при применении положений Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

Можно также предположить, что указанные соображения, связанные с возможностью учитывать позиции Комитетов ООН при толковании *иных* международных договоров Российской Федерации, могли быть актуальными *mutatis mutandis* при толковании и применении судами являющихся частью правовой системы Российской Федерации общепризнанных принципов и норм международного права, содержание которых касается вопросов, ставших предметом выработанных Комитетами ООН правовых позиций.

3. Важно отметить, что позиции Комитетов ООН могут учитываться судами Российской Федерации не только при применении международных договоров Российской Федерации, но и *при толковании и применении законодательства Российской Федерации*, регулирующего вопросы, ставшие предметом соответствующей позиции.

Как известно, в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» судам было разъяснено, что позиции Европейского Суда учитываются *при применении законодательства Российской Федерации* (п. 3).

Позиции Комитетов ООН нередко использует Конституционный Суд Российской Федерации *при толковании конституционных положений*.

Так, в Постановлении от 19 января 2017 г. № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 г. по делу “ОАО “Нефтяная компания “ЮКОС” против России” в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации обратил внимание на следующее: «Международный пакт о гражданских и политических правах обязывает обеспечить право на правовую защиту для любого лица именно компетентными судебными властями (подпункт “б” пункта 3 статьи 2); в силу пункта 1 статьи 14 Пакта каждый имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела компе-

тентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. В Замечании общего порядка № 32 (CCPR/C/GC/32, 23 августа 2007 г. Девяностая сессия) Комитет по правам человека применительно к пункту 1 статьи 14 Пакта определил, что понятие “суд”, независимо от наименования, означает орган, который создан на основании закона и является независимым от исполнительной и законодательной властей или пользуется в конкретных случаях судебной независимостью в принятии решений по правовым вопросам в разбирательствах, являющихся судебными по своему характеру (пункт 18)²¹.

Другой пример.

В Постановлении от 19 апреля 2016 г. № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу “Анчугов и Гладков против России” в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации отметил: «Не исключают возможность правомерного ограничения избирательных прав и международные договоры Российской Федерации, являющиеся согласно статье 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации составной частью правовой системы России. Так, в соответствии с пунктом “b” статьи 25 Международного пакта о гражданских и политических правах каждый гражданин должен иметь без какой-либо дискриминации и без необоснованных ограничений право и возможность голосовать и быть избранным на подлинных периодических выборах, проводимых на основе всеобщего и равного избирательного права при тайном голосовании и обеспечивающих свободное волеизъявление избирателей. Оценивая значение приведенной международно-правовой нормы, Комитет по правам человека отметил, что основания для лишения граждан права избирать должны быть объективными и разумными; если основанием для приостановления права голоса является осуждение за совершение преступления, срок такого приостановления должен быть соразмерен преступлению и приговору; лицам, которые лишены свободы, но не осуждены, не может быть отказано в осуществлении права избирать (пункт 14 Замечания общего порядка № 25 (1996) относительно статьи 25 Международного пакта о гражданских и политических правах)²².

Необходимость толкования национального законодательства с учетом международно-правовых обязательств государства, в том числе интерпретированных договорными органами ООН, подтверждается практикой Комитетов ООН.

Так, Комитет ООН по экономическим, социальным и культурным правам подчеркивает, что нормы внутреннего права государствам – участникам Пакта следует в максимально возможной степени толко-

²¹ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 20 января 2017 г.

²² Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 22 апреля 2016 г.

вать таким образом, чтобы это соответствовало международно-правовым обязательствам государства (см., например, п. 15 Замечания общего порядка № 9 «Применение Пакта во внутреннем праве», принятого Комитетом по экономическим, социальным и культурным правам).

Специальный докладчик ООН по вопросу о независимости судей и адвокатов отметил: «Судьи, прокуроры и адвокаты находятся в привилегированном положении и несут особую ответственность за обеспечение защиты и поощрения как прав человека, так и верховенства права. В частности, *на судей априори возложена обязанность обеспечивать соблюдение норм и стандартов международного права прав человека на всех стадиях судебного разбирательства*» (п. 53 Доклада)²³. Специальный докладчик ООН по вопросу о праве человека на безопасную питьевую воду и санитарные услуги подчеркнул: «Правительствам *следует развивать применение международного права при толковании внутреннего законодательства*» (п. 76 Доклада)²⁴.

4. Комитеты ООН, компетенцию которых на принятие индивидуальных сообщений Российская Федерация признает, рассматривают дела, основанные на индивидуальных сообщениях, не только в отношении Российской Федерации, но и в отношении *третьих государств*. В упомянутом Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» содержится разъяснение, согласно которому с целью эффективной защиты прав и свобод человека судами учитываются позиции Европейского Суда, изложенные в ставших окончательными постановлениях, которые приняты *в отношении других государств – участников Конвенции*. При этом позиция учитывается судом, если обстоятельства рассматриваемого им дела являются аналогичными обстоятельствам, ставшим предметом анализа и выводов Европейского Суда (п. 2 Постановления).

Представляется, что суды Российской Федерации могли бы *mutatis mutandis* учитывать в своей деятельности позиции международных договорных органов ООН, компетенцию которых на принятие индивидуальных сообщений Российская Федерация признает, сформулированные этими органами в ходе рассмотрения ими дел в отношении третьих государств, если обстоятельства дела, ставшего предметом внимания внутригосударственного органа, являются аналогичными обстоятельствам, ставшим предметом внимания со стороны договорных органов.

²³ Доклад специального докладчика по вопросу о независимости судей и адвокатов. Размещен 1 апреля 2015 г. A/HRC/29/26.

²⁴ Доклад Специального докладчика по вопросу о праве человека на безопасную питьевую воду и санитарные услуги. Общие нарушения права человека на воду и санитарные услуги. Размещен 30 июня 2014 г. A/HRC/27/55.

Конституционный Суд Российской Федерации при формулировании своей позиции по делу учитывает практику международных договорных органов в отношении третьих государств.

Так, в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2014 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 2 и пункта 7 статьи 32 Федерального закона «О некоммерческих организациях», части шестой статьи 29 Федерального закона «Об общественных объединениях» и части 1 статьи 19.34 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, фонда «Костромской центр поддержки общественных инициатив», граждан Л. Г. Кузьминой, С. М. Смиренского и В. П. Юкечева» было указано: «Принципиальное значение имеют положения статьи 13 (части 1, 3 и 4) Конституции Российской Федерации, согласно которым в Российской Федерации признаются идеологическое и политическое многообразие и равенство общественных объединений перед законом, а также статьи 30 (часть 1) Конституции Российской Федерации, гарантирующей свободу деятельности общественных объединений. Во взаимосвязи со статьями 19 (часть 1), 28, 29 (части 1, 3 и 4), 31, 32 (часть 1) и 33 Конституции Российской Федерации они позволяют сделать вывод, что некоммерческие организации (включая общественные объединения), получающие денежные средства от иностранных источников, вправе участвовать в политической деятельности на одних и тех же юридических условиях вне зависимости от их отношения к принимаемым органами государственной власти решениям и проводимой ими политике. Из этого исходит и Всеобщая декларация прав человека, согласно которой каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их (статья 19); при этом он должен обладать данным правом, без какого бы то ни было различия. В том числе в отношении характера политических и иных убеждений (статья 2). Схожим образом и Международный пакт о гражданских и политических правах признает, что каждый человек имеет право беспрепятственно придерживаться своих мнений и свободно выражать их (пункты 1 и 2 статьи 19). Комитет по правам человека, опираясь на положения статьи 22 Международного пакта о гражданских и политических правах, отмечает, что право на свободу ассоциации не только связано с правом создания ассоциаций, но и гарантирует право беспрепятственного осуществления ассоциацией своей деятельности, особо подчеркивая, что существование и деятельность ассоциаций, в том числе тех, которые мирным путем пропагандируют идеи, не обязательно положительно воспринимаемые правительством или большинством населения, есть краеугольный камень демократического общества (Соображения от 31 октября 2006 года относительно Сообщения № 1274/2004 «Виктор Корнеенко и др. против Беларуси»)»²⁵.

5. Среди договорных органов ООН, действующих в сфере защиты прав и свобод человека, имеются Комитеты ООН, компетенцию которых на принятие индивидуальных сообщений Российская Федерация в

²⁵ URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision158063.pdf>.

настоящее время не признает, однако третьи государства такую компетенцию признают, и в ходе рассмотрения таких сообщений эти органы осуществляют толкование и применение положений международных договоров, участником которых является Российская Федерация. Примерами таких органов являются Комитет ООН по экономическим и социальным правам, созданный для контроля за соблюдением государствами положений Международного акта об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г., Комитет ООН по правам ребенка, созданный для контроля за соблюдением государствами положений Конвенции по правам ребенка от 20 ноября 1989 г., Комитет ООН по правам инвалидов, созданный для контроля за соблюдением государствами положений Конвенции о правах инвалидов от 13 декабря 2006 г.

Согласно данным с официального сайта ООН по состоянию на 15 ноября 2022 г. Комитет по экономическим, социальным и культурным правам рассмотрел 93 индивидуальных сообщения, Комитет по правам ребенка – 108 индивидуальных сообщений, а Комитет по правам инвалидов – 58 индивидуальных сообщений²⁶.

Представляется, что внутригосударственные органы, включая суды Российской Федерации, в своей деятельности могли бы учитывать сформулированные по делам в отношении третьих государств правовые позиции Комитетов ООН, компетенцию которых на принятие индивидуальных сообщений Российская Федерация не признает. Однако эти позиции касаются толкования и применения указанными Комитетами положений международных договоров, участником которых является Российская Федерация, а обстоятельства дела, ставшие предметом внимания внутригосударственного органа, являются аналогичными обстоятельствам, ставшим в свое время предметом внимания договорных органов.

Верховный Суд Российской Федерации на постоянной основе доводит до сведения нижестоящих судов с целью учета в практической деятельности информацию о практике и о правовых позициях Комитетов ООН, сформулированных по делам в отношении третьих государств. Так, в Обзоре практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 4 (2022)²⁷ размещена информация о следующих делах: «*М. Кек против Австрии*» (Соображения Комитета по правам инвалидов от 24 марта 2022 г. Сообщение № 50/2018); «*Люсия Чернакова против Словацкой Республики*» (Решение Комитета против пыток от 19 ноября 2021 г. Сообщение № 890/2018); «*Дамиано Гальярдо Мартинес и другие против Мексики*» (Решение Комитета против пы-

²⁶ URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/TBSearch.aspx?Lang=en.

²⁷ URL: http://www.vsrf.ru/documents/international_practice/31559/.

ток от 18 ноября 2021 г. Сообщение № 992/2020); «*Е. Б. против Бельгии*» (Соображения Комитета по правам ребенка от 3 февраля 2022 г. Сообщение № 55/2018).

Нельзя не обратить внимания на то, что практика Комитетов ООН, включая их позиции по делам в отношении как Российской Федерации, так и третьих государств, размещается в подготавливаемых Верховным Судом Российской Федерации на постоянной основе обзорах практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека и в тематических обобщениях практики и позиций международных договорных и внедоговорных органов, действующих в сфере защиты прав и свобод человека. Тексты обзоров и обобщений размещаются на официальном сайте Верховного Суда Российской Федерации в подразделе «Международная практика» раздела «Документы».

По состоянию на 1 января 2023 г. подготовлено 32 обзора (начиная с сентября 2018 г.) и 45 обобщений²⁸.

6. Возможность учета позиций Комитетов ООН при толковании и применении судами законодательства Российской Федерации, общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации, регулирующих схожие вопросы с вопросами, ставшими предметом позиции Комитета ООН, обусловлена, как представляется, *автономностью* существования позиции договорного органа, действующего в сфере защиты прав и свобод человека: изначально сформулированная применительно к конкретному положению международного договора, далее она продолжает «жить собственной жизнью».

Одним из свидетельств автономности существования позиций может являться тенденция, сложившаяся в настоящее время в сфере межгосударственных отношений: позиции, выработанные одним международным договорным органом, используются другим договорным органом при рассмотрении схожих вопросов: таким образом, позиции, первоначально сформулированные по отношению к одному международному договору, используются при толковании *иного* международного договора. Происходит взаимообогащение практик международных договорных органов, действующих на универсальном и/или региональном уровнях, что, как представляется, не может не вести к выработке единых стандартов в сфере защиты прав и свобод человека.

Комиссия ООН по международному праву в комментариях к Выводу 13 Текста проектов выводов о последующих соглашениях и последующей практике в связи с толкованием договоров обратила внимание на то, что «Международный Суд подтвердил... в решении по делу *Амаду Садио Диалло*, что суждения Комитета по правам человека релевантны для целей толкования Международного пакта о гражданских и поли-

²⁸ URL: http://www.vsrf.ru/documents/international_practice/?year=2022.

тических правах, независимо от того, порождают ли такие суждения соглашение участников по смыслу пункта 3 статьи 31 или отсылают к нему: с момента своего учреждения Комитет по правам человека работал обширную практику толкования правовых норм, особенно в связи со своими выводами по итогам рассмотрения сообщений от отдельных лиц, которые могут ему направляться в отношении государств, участвующих в первом Факультативном протоколе, а также в рамках своих “замечаний общего порядка”... “Хотя при осуществлении своих судебных функций Суд ни в коем случае не обязан выстраивать свое собственное толкование Пакта с учетом толкования, данного Комитетом, Суд считает, что толкованию, принятому этим независимым органом, который был специально учрежден в целях наблюдения за осуществлением этого договора, следует придавать большое значение. Цель здесь заключается в достижении необходимой ясности и основополагающей последовательности международного права, а также правовой защищенности, на которые вправе рассчитывать как физические лица с гарантируемыми правами, так и государства, обязанные соблюдать договорные обязательства”... Региональные суды и органы по правам человека также используют суждения экспертных договорных органов в качестве подспорья для толкования договоров, которые они призваны применять...» (п. 21–22 комментария к Выводу 13)²⁹.

Таким образом, с целью эффективной защиты прав и свобод человека судам Российской Федерации желательно не игнорировать указанную тенденцию при толковании и применении законодательства Российской Федерации, регулирующего аналогичные (схожие) вопросы, что и вопросы, ставшие предметом рассмотрения договорного органа.

С учетом изложенных соображений можно предположить, что ничто не должно препятствовать суду Российской Федерации с целью эффективной защиты прав и свобод человека учитывать позиции Комитетов ООН в ходе толкования и применения не только положений международных договоров Российской Федерации, с целью контроля за соблюдением обязательств из которых эти Комитеты были созданы, но и положений национальных правовых актов Российской Федерации, иных норм международного права. Причем речь идет как о Комитетах ООН, юрисдикцию которых на принятие индивидуальных сообщений Российская Федерация признает, так и о тех Комитетах ООН, юрисдикцию которых на принятие индивидуальных сообщений Российская Федерация не признает. Могут учитываться позиции Комитетов по делам, рассмотренным в отношении как Российской Федерации, так и третьих государств.

Но всегда важно иметь в виду, что учитываемая позиция должна касаться интерпретации договорными органами ООН положений меж-

²⁹ URL: <https://legal.un.org/ilc/reports/2018/russian/chp4.pdf>.

дународных договоров, участником которых Российская Федерация является, и что обстоятельства дела, ставшие предметом внимания суда, аналогичны обстоятельствам, ставшим в свое время предметом внимания со стороны договорных органов. И, безусловно, такая позиция не должна противоречить положениям Конституции Российской Федерации в интерпретации Конституционного Суда Российской Федерации.

Результаты рассмотрения договорными органами ООН индивидуальных жалоб в отношении Российской Федерации

Решения (соображения, мнения), принимаемые Комитетами ООН по результатам рассмотрения индивидуальных жалоб в отношении Российской Федерации, выступают, на наш взгляд, составной частью правовой системы Российской Федерации. Решения этих органов, которыми было установлено нарушение Российской Федерацией международных договоров Российской Федерации и которые содержат рекомендации (призывы) к исправлению ситуации, являются по своей правовой природе международно-правовыми обязательствами Российской Федерации, включенными в правовую систему Российской Федерации и подлежащими исполнению.

Указанная позиция подтверждается практикой судов Российской Федерации.

Как следовало из текста кассационного определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2022 г. по делу № 5-КГ22-67-К2³⁰, К. обратился в суд с иском к Министерству финансов Российской Федерации (Минфин России) о компенсации морального вреда в размере 500 000 руб., причиненного в результате длительного неисполнения решения Комитета ООН против пыток от 14 мая 2014 г.³¹

Решением районного суда от 20 июня 2019 г., оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам суда одного из субъектов Российской Федерации, в удовлетворении исковых требований отказано. Установив, что К., отбывающему наказание в виде пожизненного лишения свободы, не обеспечена возможность участвовать в судебном заседании посредством видео-конференц-связи, судебная коллегия по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции отменила апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции. Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам решение суда первой инстанции оставлено без изменения. Определением судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции состоявшиеся по делу судебные постановления оставлены без изменения.

³⁰ Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

³¹ URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CAT%2fC%2f52%2fd%2f478%2f2011&Lang=en.

Отменяя решение районного суда от 20 июня 2019 г. и судебные постановления, которыми это решение оставлено без изменения, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации обратила внимание на следующее. «В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации (часть 1 статьи 17 Конституции Российской Федерации).

Статьей 45 Конституции Российской Федерации закреплены государственные гарантии защиты прав и свобод (часть 1) и право каждого защищать свои права всеми не запрещенными законом способами (часть 2). Каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты (часть 3 статьи 46 Конституции Российской Федерации).

В силу положений Федерального закона от 15 июля 1995 года № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации», а также разъяснений Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 года № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» Российская Федерация должна исполнять добровольно принятые на себя международно-правовые обязательства.

Комитет ООН против пыток (далее – Комитет) действует на основании Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 года (далее – Конвенция).

Российская Федерация является участником указанного международного договора и в качестве государства – продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под его юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения государством-участником положений Конвенции...

В силу статьи 14 Конвенции каждое государство-участник обеспечивает в своей правовой системе, чтобы жертва пыток получала возмещение и имела подкрепляемое правовой санкцией право на справедливую и адекватную компенсацию, включая средства для возможно более полной реабилитации (пункт 1)...

В статье 22 Конвенции закреплено, что государство – участник этой Конвенции может в любое время заявить в соответствии с данной статьей, что оно признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под его юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения государством-участником положений Конвенции, или сообщения такого рода, поступающие от их имени. Комитет не принимает никаких сообщений, если они относятся к государству-участнику, которое не сделало такого заявления (пункт 1).

С учетом положений пункта 2 статьи 22 Конвенции Комитет доводит любое сообщение, представленное ему в соответствии с названной выше статьей, до сведения государства – участника этой Конвенции, которое сделало заявление согласно пункту 1 и которое якобы нарушает те или иные положения Конвенции. В течение шести месяцев получившее сообщение государство

представляет Комитету письменные объяснения или заявления, уточняющие вопрос и любые меры, которые могли быть приняты этим государством (пункт 3).

Комитет рассматривает полученные в соответствии с данной статьей сообщения в свете всей информации, представленной ему данным лицом или от его имени и соответствующим государством-участником, а также представляет свои мнения соответствующему государству-участнику и данному лицу (пункты 4, 7)...

По смыслу [в том числе] указанных выше положений в их системной взаимосвязи, выполнение [решений Комитета], касающихся Российской Федерации, предполагает в случае необходимости обязательство со стороны государства принять меры частного характера, направленные на устранение нарушений прав человека, предусмотренных Конвенцией, и последствий этих нарушений для заявителя, а также меры общего характера, с тем чтобы предупредить повторение подобных нарушений. Суды в пределах своей компетенции должны действовать таким образом, чтобы обеспечить выполнение обязательств государства – участника Конвенции.

По итогам рассмотрения заявления К. Комитет в своем решении от 14 мая 2014 года заключил, что представленные ему факты свидетельствуют о нарушении статьи 16 Конвенции, и призвал государство-участника предпринять шаги к тому, чтобы предоставить заявителю возмещение, включая справедливую и надлежащую компенсацию, и предложил государству-участнику в течение 90 дней с даты препровождения данного решения проинформировать его о предпринятых шагах в связи с этим решением. Комитет также отметил, что в результате выводов гражданского суда К. хоть и была присуждена денежная компенсация в размере 10 000 руб., но она является символической.

Однако это не учтено судами при рассмотрении настоящего дела...»

Таким образом, можно предположить, что, по мнению Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, решение Комитета против пыток, которым было установлено нарушение Российской Федерацией положений Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, предусматривало международно-правовые обязательства Российской Федерации, которые исходя из ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации стали составной частью ее правовой системы, а значит, органы государственной власти в пределах своей компетенции обязаны были исполнить это решение.

Решения Комитетов ООН, которыми было установлено нарушение Российской Федерацией заключенных ею международных договоров, содержащие рекомендации (призывы) к исправлению ситуации, являются по своей правовой природе именно международно-правовыми обязательствами Российской Федерации, что подтверждают также заключительные замечания, принимаемые этими органами по результатам рассмотрения периодических докладов Российской Федерации о выполнении международных договоров.

Так, в п. 5 Заключительных замечаний Комитета по правам человека по седьмому периодическому докладу Российской Федерации было отмечено: «Государству-участнику следует принять все институциональные и законодательные меры для обеспечения наличия механизмов и надлежащих процедур всестороннего выполнения соображений Комитета [по правам человека], чтобы гарантировать право жертв на эффективное средство правовой защиты в случае нарушения Пакта, как это предусмотрено пунктом 3 статьи 2 Пакта. Ему следует оперативно обеспечить осуществление всех соображений, сформулированных по этому вопросу»³².

То, что решения (соображения, мнения) договорных органов ООН могут порождать правовые последствия в рамках правовой системы Российской Федерации, подтверждается также постановлениями Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2017 г. по делу № 187-П16пр и от 10 октября 2018 г. по делу № 128-П18пр, а также кассационным определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 24 июля 2017 г. по делу № 46-КГ17-24³³.

О пересмотре вступивших в законную силу судебных актов в связи с установлением Комитетами ООН по результатам рассмотрения индивидуальных сообщений нарушения Российской Федерацией положений международных договоров

Процессуальное законодательство Российской Федерации до 11 июня 2022 г. в качестве одного из новых обстоятельств, являвшихся основанием для пересмотра вступивших в законную силу судебных актов по уголовному, гражданскому, административному делам, делу по разрешению экономических споров, предусматривало установление Европейским Судом по правам человека нарушения Российской Федерацией положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней.

В связи с этим необходимо отметить, что с 1 января 2006 г. по 1 января 2023 г. в связи с установлением Европейским Судом по правам человека нарушений положений Конвенции по уголовным делам Президиумом Верховного Суда было рассмотрено 1247 представлений Председателя Верховного Суда Российской Федерации в отношении 1375 лиц. По результатам рассмотрения указанных представлений Президиумом Верховного Суда Российской Федерации:

- отменены судебные решения (в том числе в части) с передачей дела для производства нового судебного разбирательства соответственно в

³² URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CCPR%2fC%2fRUS%2fCO%2f7&Lang=en.

³³ Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

суд первой, апелляционной, кассационной инстанций по 249 уголовным делам (материалам);

- отменены судебные решения (в том числе в части) по 27 уголовным делам (материалам) без передачи дела на новое судебное разбирательство;

- внесены изменения в судебные решения без передачи дела на новое рассмотрение по 5 уголовным делам;

- отменены судебные решения об избрании (продлении) меры пресечения в виде заключения под стражу по 759 уголовным делам (материалам);

- отменены судебные решения по 48 уголовным материалам, связанным с выдачей;

- отменены судебные решения, вынесенные в порядке ст. 125 УПК РФ, по 96 уголовным материалам;

- оставлены без изменения приговоры (иные решения) и все последующие судебные решения по 112 уголовным делам (материалам)³⁴.

Согласно имеющимся данным по состоянию на 1 января 2023 г. в связи с установлением Европейским Судом нарушений Конвенции судами Российской Федерации рассмотрено 169 заявлений о пересмотре судебных актов *по гражданским и административным делам*, из них 80 заявлений удовлетворено; *по делам об административных правонарушениях* была подана 21 жалоба (протест), 16 из которых рассмотрено по существу³⁵.

В настоящее время процессуальное законодательство Российской Федерации не предусматривает в качестве нового обстоятельства для пересмотра вступившего в законную силу судебного акта установление договорными органами ООН, компетенцию которых на принятие индивидуальных сообщений признает Российская Федерация, нарушения положений международного договора Российской Федерации.

Вместе с тем нельзя не обратить внимания на Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 1248-О «По жалобе гражданина Хорошенко Андрея Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 5 статьи 403, частью четвертой статьи 413 и частями первой и пятой статьи 415 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Конституционный Суд высказал свое мнение о месте и значении в правовой системе Российской Федерации соображений Комитета по правам человека в аспекте возможности возобновления производства по уголовному делу ввиду установления Комитетом нарушения Российской Федерацией положений Международного пакта о гражданских и политических правах.

³⁴ Указанные материалы находятся в распоряжении автора.

³⁵ Указанные материалы находятся в распоряжении автора.

В Определении Конституционного Суда изложена следующая позиция: «Не смотря на то, что ни Международный пакт о гражданских и политических правах, ни Факультативный протокол к нему не содержат положений, непосредственно определяющих значение для государств-участников сообщений Комитета по правам человека, принятых по индивидуальным сообщениям, это не освобождает Российскую Федерацию, которая признала компетенцию Комитета принимать и рассматривать сообщения от подлежащих ее юрисдикции лиц, утверждающих, что они являются жертвами нарушения со стороны Российской Федерации какого-либо из прав, изложенных в Пакте, и тем самым определять наличие или отсутствие нарушений Пакта, от добросовестного и ответственного выполнения сообщений Комитета в рамках добровольно принятых на себя международно-правовых обязательств...

В силу общепризнанного принципа международного права *“pacta sunt servanda”* и по смыслу подпункта “а” пункта 3 статьи 2 Международного пакта о гражданских и политических правах, возлагающего на каждое участвующее в Пакте государство обязанность обеспечить любому лицу, права и свободы которого, признаваемые в Пакте, нарушены, эффективное средство правовой защиты, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве, Российская Федерация не вправе уклоняться от адекватного реагирования на сообщения Комитета по правам человека, в том числе в случаях, когда он полагает, что вследствие нарушения положений Международного пакта о гражданских и политических правах должно быть обеспечено повторное судебное разбирательство по уголовному делу лица, чье сообщение послужило основанием для принятия Комитетом соответствующего Сообщение.

Иное не только ставило бы под сомнение соблюдение Российской Федерацией добровольно принятых на себя в рамках Международного пакта о гражданских и политических правах и Факультативного протокола к нему обязательств и тем самым свидетельствовало бы о неисполнении закрепленной статьями 2 и 17 (часть 1) Конституции Российской Федерации обязанности государства признавать и гарантировать права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, но и обесмысливало бы вытекающее из статьи 46 (часть 3) Конституции Российской Федерации право каждого обращаться в соответствии с данными международными договорами Российской Федерации в Комитет по правам человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты³⁶.

Учитывая в том числе приведенную позицию Конституционного Суда Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации в п. 10 Постановления Пленума от 14 декабря 2021 г. № 43 «О применении судами норм главы 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих возобновление производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств по

³⁶ Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2013. № 1.

заклучению прокурора» разъяснил судам, что сведения, содержащиеся в соображениях Комитета ООН по правам человека, мнения Рабочей группы по произвольным задержаниям Совета ООН по правам человека, являются достаточными поводом и основанием для вынесения прокурором постановления о возбуждении производства ввиду новых обстоятельств, если выявленные этими органами нарушения положений международных договоров Российской Федерации не могут быть исправлены в другом порядке, а их устранение необходимо для обеспечения правосудности вступившего в законную силу судебного решения³⁷.

По состоянию на 1 января 2023 г. Президиум Верховного Суда Российской Федерации рассмотрел надзорные представления заместителя Генерального прокурора Российской Федерации по двум уголовным делам, судебные решения по которым стали предметом внимания Комитета ООН по правам человека.

Речь идет о принятых Комитетом по правам человека Соображениях от 31 марта 2016 г. по делу «Ю. М. против Российской Федерации»³⁸ и от 21 марта 2017 г. по делу «Игорь Костин против Российской Федерации»³⁹. Как следовало из текста упомянутых Соображений, Комитет по правам человека установил нарушение со стороны Российской Федерации права заявителей на участие защитника в суде кассационной инстанции, гарантируемого ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах.

Отменяя судебные решения, вынесенные в кассационном порядке, Президиум Верховного Суда Российской Федерации в постановлениях от 29 марта 2017 г. по делу № 187-П16пр и от 10 октября 2018 г. по делу № 128-П18пр в качестве одного из оснований сослался и на упомянутые выше Соображения Комитета по правам человека по делу «Ю. М. против Российской Федерации» и по делу «Игорь Костин против Российской Федерации» соответственно.

Как представляется, соответствующие подходы Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации могли бы быть применены для возобновления производства по делам ввиду установления иными Комитетами ООН нарушения Российской Федерацией положений международных договоров Российской Федерации.

В этой связи нельзя не обратить внимания на кассационное определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 24 июля 2017 г. по делу № 46-КГ17-24, которым были отменены судебные акты по делу по иску М. к обществу с ограниченной ответственностью «С.» о возложении обязанности создать усло-

³⁷ Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

³⁸ URL: https://tbinetnet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CCPR%2fC%2f116%2fD%2f2059%2f2011&Lang=en.

³⁹ URL: https://tbinetnet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CCPR%2fC%2f119%2fD%2f2496%2f2014&Lang=en.

вия труда и заключить трудовой договор, а также по делу, связанному с пересмотром вступивших в законную силу судебных постановлений по сообщению М. ввиду принятия Мнений Комитетом ООН по ликвидации дискриминации в отношении женщин⁴⁰.

Направляя дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отметила, что возможность пересмотра вступивших в законную силу судебных постановлений на основе мнений (соображений) Комитетов ООН, принятых по индивидуальным сообщениям лица, группы лиц или от их имени, прямо законом не урегулирована. Вместе с тем Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 28 июня 2012 г. № 1248-О высказал позицию в отношении возможности пересмотра приговора по уголовному делу по новым обстоятельствам на основании соображений Комитета по правам человека ООН.

В соответствии со ст. 1, 2 и 3 Факультативного протокола к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 декабря 1979 г. государство-участник признает компетенцию Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин принимать и рассматривать письменные сообщения от подпадающих под его юрисдикцию лиц, или группы лиц или от их имени, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения этим государством-участником какого-либо из прав, изложенных в Конвенции. Российская Федерация является участником и Конвенции, и Факультативного протокола к ней. Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин является органом, созданным для наблюдения и контроля за выполнением обязательств, принятых на себя государствами – участниками Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин.

Судебная коллегия по гражданским делам с учетом действующих законоположений, интерпретированных в том числе в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации», пришла к следующему выводу. Мнение Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин, принятое по письменному сообщению гражданина Российской Федерации и содержащее рекомендации для Российской Федерации об устранении нарушений Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, обязательно для исполнения Российской Федерацией и может являться новым обстоятельством применительно к п. 4 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ для пересмотра вступившего в законную силу судебного постановления в целях соблюдения прав и законных интересов гражданина, по сообщению которого вынесено Мнение Комитета.

Судебная коллегия по гражданским делам обратила внимание на то, что в п. 13 Мнения Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин, принятого по сообщению М., Российской Федерации рекомендовано обеспечить М. доступ к работам, для выполнения которых она имеет соответ-

⁴⁰ Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

ствующую квалификацию. Однако ввиду того, что вступившим в законную силу решением районного суда в удовлетворении ее исковых требований к ООО «С.» об обязанности в кратчайший срок создать условия труда и заключить трудовой договор было отказано, для реализации данной рекомендации Комитета имеется препятствие, свидетельствующее о необходимости проведения по делу М. повторного судебного слушания. При таких обстоятельствах вывод судов первой и апелляционной инстанций о том, что приведенное М. в качестве основания для пересмотра судебного постановления обстоятельство – принятие 25 февраля 2016 г. Комитетом по ликвидации дискриминации в отношении женщин Мнения по ее сообщению – нельзя признать новым, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала неправомерным, так как он сделан без учета положений международных договоров Конституции Российской Федерации, позиции Конституционного Суда Российской Федерации и разъяснений Верховного Суда Российской Федерации при формальном подходе к применению п. 4 ч. 4 ст. 392 ГПК РФ.

Как известно, при пересмотре Президиумом Верховного Суда Российской Федерации судебных решений по уголовным делам в связи с установлением Европейским Судом по правам человека нарушения положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод сформировалась практика, согласно которой вступившие в законную силу судебные решения подлежат отмене или изменению, если установленное Европейским Судом нарушение позволяет сделать вывод о незаконности, необоснованности и несправедливости вынесенного судебного решения⁴¹.

Приведенная позиция учитывалась судами Российской Федерации и при разрешении вопросов об отмене судебных актов по гражданским, административным делам, делам об административных правонарушениях в связи с установлением Европейским Судом по правам человека нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Можно предположить, что указанный подход является актуальным и в случае принятия судами решения о пересмотре вступивших в законную силу судебных актов в связи с установлением Комитетами ООН по результатам рассмотрения индивидуальных сообщений нарушения Российской Федерацией международного договора.

Таким образом, несмотря на то что в настоящее время процессуальное законодательство Российской Федерации не предусматривает в качестве нового обстоятельства для пересмотра вступивших в законную силу судебных актов установление Комитетами ООН, компетенцию которых на принятие индивидуальных сообщений Российская Федера-

⁴¹ См., например: Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 12 октября 2022 г. по делу № 91П22. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

ция признает, нарушения положений международного договора Российской Федерацией, такое нарушение, как представляется, могло бы выступать основанием для пересмотра вступивших в законную силу судебных актов по уголовным, гражданским, административным делам, делам по экономическим спорам и делам об административных правонарушениях, если установленное Комитетом ООН нарушение международного договора Российской Федерации свидетельствует о незаконности, необоснованности и несправедливости ранее вынесенного по делу судебного акта.

Об источниках закрепления правовых позиций Комитетов ООН

Практика Комитетов ООН свидетельствует, что правовые позиции этих органов излагаются в *индивидуальных решениях*, т. е. в решениях, принимаемых договорными органами по результатам рассмотрения индивидуальных сообщений, а также в *отдельных обобщениях*. Обобщения содержат комментарий договорного органа положений международного договора, с целью контроля за исполнением обязательств по которому и был создан этот орган.

а) Индивидуальные решения⁴² в договорных органах ООН имеют различное наименование. Комитет по правам человека, Комитет против пыток, Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, Комитет по правам инвалидов принимают *решения* о неприемлемости сообщения и *соображения*, т. е. решения, принятые по существу вопроса, Комитет по ликвидации расовой дискриминации и Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин выносят *решения* о неприемлемости сообщения, а также *мнения (соображения)*, – решения, принятые по существу вопроса. Практически все правовые позиции договорных органов первоначально излагаются в индивидуальных решениях, а затем – в обобщениях.

б) Обобщения также имеют различное наименование. Так, Комитет по правам человека, Комитет против пыток, Комитет по правам инвалидов принимают *замечания общего порядка*, Комитет по ликвидации расовой дискриминации и Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин – *общие рекомендации*.

В замечаниях общего порядка, общих рекомендациях раскрывается нормативное содержание правоотношений, предметом которых являются права и свободы человека, понятия (термины), изложенные в международных договорах, что не может не учитываться государством при реализации положений этих договоров в сфере внутригосударственных отношений. В рассматриваемых обобщениях отраже-

⁴² Термин «решение» упоминается в качестве родового понятия.

ны наиболее значимые и повторяемые позиции в той или иной сфере общественных отношений. Такие обобщения основываются как на практике рассмотрения договорными органами ООН индивидуальных сообщений, так и на оценке договорными органами периодических докладов государств о соблюдении ими обязательств по международным договорам.

Так, в Замечании общего порядка № 32 (статья 14: Равенство перед судами и трибуналами и право каждого на справедливое судебное разбирательство), принятом Комитетом по правам человека в 2007 г., отмечается: «В статье 14 содержатся гарантии, которые государства-участники обязаны соблюдать, независимо от их юридических традиций и внутреннего права. Хотя они должны сообщать, каким образом интерпретируются эти гарантии в их соответствующих правовых системах, Комитет отмечает, что основное содержание устанавливаемых Пактом гарантий не может определяться, исходя лишь из положений внутреннего права»⁴³.

В пункте 2 Замечания общего характера № 34, принятого Комитетом по правам человека в 2011 г. и посвященного защите свободы слова и мнений, гарантируемой ст. 19 Пакта, предусматривается, что «свобода мнений и свобода их выражения являются неотъемлемыми условиями всестороннего развития личности. Они имеют ключевое значение для любого общества. Они являются основополагающими элементами любого свободного и демократического общества. Эти две свободы тесно взаимосвязаны, поскольку свобода выражения мнений стимулирует обмен и формирование мнений»⁴⁴.

Согласно п. 6 Замечания общего порядка № 21 (Право каждого человека на участие в культурной жизни (п. 1 а) ст. 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах), принятого Комитетом по экономическим, социальным и культурным правам, «...право на участие в культурной жизни может быть определено в качестве одной из свобод. Для обеспечения этого права от государства-участника требуется как воздерживаться от каких-либо действий (например, не вмешиваться в осуществление культурной практики и в доступ к культурным благам и услугам), так и предпринимать стимулирующие меры (обеспечивать предварительные условия для участия в культурной жизни, для содействия ей и для ее поощрения, а также доступ к культурным благам и их сохранение)».

В пункте 26 Общей рекомендации № 35 (Борьба с ненавистническими высказываниями расистского толка), принятой Комитетом по ликвидации расовой дискриминации, указано: «Право на свободу мнений

⁴³ URL: <http://www2.ohchr.org/english/bodies/hrc/comments.htm>.

⁴⁴ Там же.

и их свободное выражение признается в качестве фундаментального права и во многих других международных договорах, включая Всеобщую декларацию прав человека, которая подтверждает, что каждый человек имеет право на свободу придерживаться своих убеждений, искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ. Право на свободное выражение мнений не является неограниченным, но и налагает особые обязанности и ответственность. Поэтому оно может быть сопряжено с некоторыми ограничениями, которые должны быть установлены законом и являться необходимыми для уважения прав и репутации других лиц и для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения. Право на свободу мнений и их свободное выражение не должно быть направлено на уничтожение прав и свобод других лиц, включая право на равенство и недискриминацию»⁴⁵.

Ниже приводятся некоторые основные обобщения, которые были приняты отдельными Комитетами ООН⁴⁶.

Комитетом по правам человека были приняты в том числе следующие *замечания общего порядка*: Замечание общего порядка № 9 (право на свободу и личную неприкосновенность); Замечание общего порядка № 10 (свобода выражения мнения); Замечание общего порядка № 14 (право на жизнь); Замечание общего порядка № 15 (положение иностранцев); Замечание общего порядка № 16 (право на частную жизнь); Замечание общего порядка № 17 (права ребенка); Замечание общего порядка № 18 (недискриминация); Замечание общего порядка № 19 (право на семейную жизнь); Замечание общего порядка № 20 (право не подвергаться пыткам, бесчеловечному или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию), которое заменило одноименное Замечание общего порядка № 7; Замечание общего порядка № 21 (обращение с лицами, лишёнными свободы); Замечание общего порядка № 22 (свобода мысли, совести, религии); Замечание общего порядка № 23 (права меньшинств); Замечание общего порядка № 25 (участие в публичной жизни и право голосовать); Замечание общего порядка № 27 (свобода передвижения); Замечание общего порядка № 28 (равенство мужчины и женщины); а также упомянутые выше Замечание общего порядка № 32 (равенство перед судами и трибуналами и право каждого на справедливое судебное разбирательство); Замечание общего порядка № 34 (свобода слова и мнений); Замечание общего порядка № 35 (право на свободу и личную неприкосновенность); Замечание общего

⁴⁵ URL: http://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CERD%2fC%2fGC%2f35&Lang=en.

⁴⁶ По состоянию на 15 ноября 2022 г.

порядка № 36 (статья 6: Право на жизнь); Замечание общего порядка № 37 (статья 21: Право на мирные собрания)⁴⁷.

Комитет против пыток принял следующие замечания общего порядка, представляющие собой толкование Комитетом отдельных положений Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г.: Замечание общего порядка № 1 – Осуществление статьи 3 Конвенции в контексте статьи 22 (возвращение и сообщения); Замечание общего порядка № 2 – Имплементация статьи 2 государствами-участниками; Замечание общего порядка № 3 (2012) – Осуществление статьи 14 государствами-участниками; Замечание общего порядка № 4 (2017) – Осуществление статьи 3 Конвенции в контексте статьи 22⁴⁸.

Комитетом по экономическим, социальным и культурным правам приняты следующие замечания общего порядка, представляющие собой практику толкования отдельных положений Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.: Замечание общего порядка № 4 (право на достаточное жилище); Замечание общего порядка № 5 (лица с какой-либо формой инвалидности); Замечание общего порядка № 6 (экономические, социальные и культурные права пожилых людей); Замечание общего порядка № 7 (право на достаточное жилище: принудительные выселения); Замечание общего порядка № 11 (план мероприятий по начальному образованию); Замечание общего порядка № 12 (право на достаточное питание); Замечание общего порядка № 13 (право на образование); Замечание общего порядка № 14 (право на наивысший достижимый уровень здоровья); Замечание общего порядка № 15 (право на воду); Замечание общего порядка № 16 (равное для мужчин и женщин право пользования всеми экономическими, социальными и культурными правами); Замечание общего порядка № 17 (право каждого на пользование защитой моральных и материальных интересов, возникающих в связи с любыми научными, литературными или художественными трудами, автором которых он является); Замечание общего порядка № 18 (право на труд); Замечание общего порядка № 19 (право на социальное обеспечение); Замечание общего порядка № 20 (недискриминация экономических, социальных и культурных прав); Замечание общего порядка № 21 (право каждого на участие в культурной жизни); Замечание общего порядка № 22 (2016) о праве на сексуальное и репродуктивное здоровье (статья 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах); Замечание общего порядка № 23. Пра-

⁴⁷ URL: <https://www.ohchr.org/en/treaty-bodies/ccpr/general-comments>.

⁴⁸ Там же.

во на справедливые и благоприятные условия труда; Замечание общего порядка № 24. Деловая активность; Замечание общего порядка № 25. Наука и экономические, социальные и культурные права; Замечание общего порядка № 26. Земельные и экономические, социальные и культурные права⁴⁹.

Комитетом по ликвидации расовой дискриминации были приняты в том числе следующие *общие рекомендации*: Общая рекомендация VII относительно осуществления статьи 4; Общая рекомендация VIII, касающаяся толкования и применения пунктов 1 и 4 статьи 1 Конвенции; Общая рекомендация IX, касающаяся применения пункта 1 статьи 8 Конвенции; Общая рекомендация XI о негражданах; Общая рекомендация XIII о подготовке должностных лиц правоохранительных органов по вопросам защиты прав человека; Общая рекомендация XIV по пункту 1 статьи 1 Конвенции; Общая рекомендация XV по статье 4 Конвенции; Общая рекомендация XVI, касающаяся применения статьи 9 Конвенции; Общая рекомендация XIX по статье 3 Конвенции; Общая рекомендация XX по статье 5 Конвенции; Общая рекомендация XXII по статье 5 Конвенции применительно к беженцам и перемещенным лицам; Общая рекомендация XXIII о правах коренных народов; Общая рекомендация XXIV, касающаяся статьи 1 Конвенции; Общая рекомендация XXV о гендерных аспектах расовой дискриминации; Общая рекомендация XXVI по статье 6 Конвенции; Общая рекомендация XXVII о дискриминации в отношении рома; Общая рекомендация XXVIII о последующих мерах по итогам Всемирной конференции по борьбе против расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости; Общая рекомендация XXIX по пункту 1 статьи 1 Конвенции (родовое происхождение); Общая рекомендация XXX о дискриминации неграждан; Общая рекомендация XXXI о предупреждении расовой дискриминации в процессе отправления и функционирования системы уголовного правосудия; Общая рекомендация XXXII о значении и сфере применения особых мер в Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации; Общая рекомендация № 34 о расовой дискриминации в отношении лиц африканского происхождения; Общая рекомендация № 35 о борьбе с ненавистническими высказываниями расистского толка; Общая рекомендация № 36 о предотвращении и борьбе с расовым профилированием со стороны сотрудников правоохранительных органов⁵⁰.

Упомянутые общие рекомендации содержат практику толкования Комитетом по ликвидации расовой дискриминации отдельных положений

⁴⁹ URL: <https://www.ohchr.org/en/treaty-bodies/cescr/general-comments>.

⁵⁰ URL: <https://www.ohchr.org/en/treaty-bodies/cerd/general-recommendations>.

ний Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г.

Комитетом по ликвидации дискриминации в отношении женщин были приняты следующие *общие рекомендации*, представляющие собой практику толкования Комитетом отдельных положений Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации в отношении женщин 1979 г.: Общая рекомендация № 9 – Статистические данные, касающиеся положения женщин; Общая рекомендация № 13 – Равное вознаграждение за равный труд; Общая рекомендация № 14 – Обрезание у женщин; Общая рекомендация № 15 – Недопущение дискриминации женщин в национальных стратегиях предупреждения синдрома приобретенного иммунодефицита (СПИДа) и борьбы с ним; Общая рекомендация № 16 – Женщины, безвозмездно работающие на городских и сельских семейных предприятиях; Общая рекомендация № 18 – Женщины-инвалиды; Общая рекомендация № 19 – Насилие в отношении женщин; Общая рекомендация № 21 – Равноправие в браке и в семейных отношениях; Общая рекомендация № 23 – Политическая и общественная жизнь; Общая рекомендация № 24 – Статья 12 Конвенции (женщины и здоровье); Общая рекомендация № 26 по вопросу о трудящихся женщинах-мигрантах; Общая рекомендация № 27 относительно пожилых женщин и защиты их прав человека; Общая рекомендация № 28, касающаяся основных обязательств государств-участников по статье 2 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин; Общая рекомендация по статье 16 Конвенции об экономических последствиях вступления в брак, семейных отношениях и их расторжении; Общая рекомендация № 30, касающаяся положения женщин в условиях предотвращения конфликтов, в конфликтных и постконфликтных ситуациях; Совместная Общая рекомендация № 31 Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин / Замечание общего порядка № 18 Комитета по правам ребенка по вредной практике; Общая рекомендация № 32 по гендерным аспектам статуса беженца, убежища, гражданства и безгражданства женщин; Общая рекомендация № 33 о доступе женщин к правосудию; Общая рекомендация № 34 о правах сельских женщин; Общая рекомендация № 35 о гендерном насилии в отношении женщин, обновляющая Общую рекомендацию № 19; Общая рекомендация № 36 о праве девочек и женщин на образование; Общая рекомендация № 37 о гендерных аспектах снижения риска бедствий в контексте изменения климата; Общая рекомендация № 38 о торговле женщинами и девочками в контексте глобальной миграции; Общая рекомендация № 39 о правах женщин и девочек из числа коренных народов⁵¹.

⁵¹ URL: <https://www.ohchr.org/en/treaty-bodies/cedaw/general-recommendations>.

Комитет по правам ребенка принял следующие замечания общего порядка, представляющие собой толкование Комитетом по правам ребенка Конвенции по правам ребенка и/или Протоколов к ней: Замечание общего порядка № 1 – Цели образования; Замечание общего порядка № 2 (2002 г.) о роли независимых правозащитных учреждений; Замечание общего порядка № 3 – ВИЧ/СПИД и права ребенка; Замечание общего порядка № 4 – Здоровье и развитие подростков в контексте Конвенции о правах ребенка; Замечание общего порядка № 5 – Общие меры по осуществлению Конвенции о правах ребенка; Замечание общего порядка № 6 – Обращение с несопровождаемыми и разлученными детьми за пределами страны их происхождения; Замечание общего порядка № 7 – Осуществление прав ребенка в раннем детстве; Замечание общего порядка № 8 – Право ребенка на защиту от телесных наказаний и других жестоких или унижающих достоинство видов наказания (в частности, статья 19; пункт 2 статьи 28 и статья 37); Замечание общего порядка № 9 – Права детей-инвалидов; Замечание общего порядка № 10 – Права детей в рамках отправления правосудия в отношении несовершеннолетних; Замечание общего порядка № 11 (2009) – Дети из числа коренных народов и их права согласно Конвенции; Замечание общего порядка № 12 – Право ребенка быть услышанным; Замечание общего порядка № 13 (2011) – Право ребенка на свободу от всех форм насилия; Замечание общего порядка № 14 (2013) о праве ребенка на уделение первоочередного внимания наилучшему обеспечению его интересов (пункт 1 статьи 3); Замечание общего порядка № 15 (2013 г.) о праве ребенка на пользование наиболее совершенными услугами системы здравоохранения (статья 24); Замечание общего порядка № 16 (2013 г.) об обязательствах государств, касающихся воздействия предпринимательской деятельности на права детей; Замечание общего порядка № 17 (2013) о праве ребенка на отдых, досуг, участие в играх, развлекательных мероприятиях, культурной жизни и праве заниматься искусством (статья 31); Совместная Общая рекомендация № 31 Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин / Замечание общего порядка № 18 Комитета по правам ребенка по вредной практике; Замечание общего порядка о реализации прав несовершеннолетних; Замечание общего порядка № 20 (2016 г.) об осуществлении прав ребенка в подростковом возрасте; Замечание общего порядка № 21 (2017 г.) о беспризорных детях; Совместное замечание общего порядка № 3 Комитета по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей и № 22 Комитета по правам ребенка в контексте международной миграции: общие принципы; Совместное замечание общего порядка № 4 Комитета по защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей и № 23 Комитета по правам ребенка (2017 г.) об обязательствах государств в отношении прав человека детей в контексте международной миграции в странах происхождения, транзита, назна-

чения и возвращения; Замечание общего порядка № 24 (2019 г.) о правах детей в системе правосудия в отношении детей; Замечание общего порядка № 25 (2021 г.) о правах детей в цифровой среде⁵².

Заключение

Проведенное исследование показало, что позиции (разъяснения), содержащиеся в замечаниях общего порядка (общих рекомендациях), принятых Комитетами ООН в связи с толкованием международных договоров Российской Федерации, а также в решениях (соображениях, мнениях), принятых Комитетами по результатам рассмотрения индивидуальных сообщений, которые были поданы как в отношении Российской Федерации, так и третьих государств, с целью эффективной защиты прав и свобод человека могли бы учитываться судами Российской Федерации при применении и толковании российских правовых актов, общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации. Безусловно, как было отмечено ранее, учитываемые позиции договорных органов ООН не должны противоречить положениям Конституции Российской Федерации в интерпретации Конституционного Суда Российской Федерации.

Информация об авторе / Information about the author

Зимненко Богдан Леонидович, доктор юридических наук, профессор.

Bogdan L. Zimnenko, Dr. Sci. (Law), Professor.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Дата поступления рукописи в редакцию издания: 16.11.2022; дата одобрения после рецензирования: 22.11.2022; дата принятия статьи к опубликованию: 27.02.2023.

Submitted: 16.11.2022; reviewed: 22.11.2022; revised: 27.02.2023.

⁵² URL: <https://www.ohchr.org/en/treaty-bodies/crc/general-comments>.

Научная статья

УДК 341.645.5

DOI: 10.37399/2686-9241.2023.1.91-104

Роль обычая в практике Европейского Суда по правам человека

**Виталий Алексеевич Максимов¹,
Константин Геннадьевич Сварчевский²**

^{1, 2} Северо-Западный филиал, Российский государственный университет правосудия, Санкт-Петербург, Российская Федерация

¹ maximovva@mail.ru, ² svarchewsky@yandex.ru

Аннотация

Постановка проблемы: объяснение юридической природы решений Европейского Суда по правам человека через практику применения обычных норм международного права.

Цели и задачи исследования: определение роли и места международного обычая в иерархии источников международного права.

Методологическая основа: авторами использовались как общенаучные (метод диалектического материализма, анализ, синтез и др.), так и специально-юридические методы.

Область применения результатов: при справедливом разрешении юридическо-го спора при условии обеспечения баланса интересов участников конфликта согласно охраняемым законом правам, интересам и ценностям.

Выводы: Европейский Суд по правам человека разнопланово использует международные обычаи, предоставляя собственную аргументацию и оценку в свете принципов договорного права, влияния международного права на реализацию членами Совета Европы положений Конвенции 1950 г. Европейский Суд по правам человека прибегает к применению прецедентов Международного Суда ООН, а также изучению отдельных тенденций, которые имеют признаки формирования устойчивой тенденции правоприменения определенной нормы или отрасли права.

Ключевые слова: международный судебный орган, защита прав человека, обычная норма, международный обычай, Европейский Суд по правам человека, принцип, норма международного права, толкование, европейский консенсус

Для цитирования: Максимов В. А., Сварчевский К. Г. Роль обычая в практике Европейского Суда по правам человека // Правосудие/Justice. 2023. Т. 5, № 1. С. 91–104. DOI: 10.37399/2686-9241.2023.1.91-104.

Original article

The Role of Customs in the Practice of the European Court of Human Rights

Vitalij A. Maksimov¹, Konstantin G. Svarchevskij²

^{1,2} North-Western Branch, Russian State University of Justice,
St. Petersburg, Russian Federation

For correspondence: ¹ maximovva@mail.ru, ² svarchewsky@yandex.ru

Abstract

Statement of the problem: explanation of the legal nature of the European Court of Human Rights decisions through the practice of applying the usual norms of international law.

Aims and objectives of the study: the role and place of international custom in the hierarchy of sources of international law.

Methodological basis: the author used both general scientific (the method of dialectical materialism, analysis, synthesis, etc.) and special legal methods.

Scope of application of the results: with a fair resolution of a legal dispute, provided that the interests of the parties to the conflict are balanced in accordance with the rights, interests and values protected by law.

Conclusions: The European Court of Human Rights uses international customs in a diverse way, providing its own argumentation and assessment in the light of the principles of contract law, the influence of international law on the implementation by members of the Council of Europe of the provisions of the 1950 Convention. The European Court of Human Rights resorts to the use of precedents of the International Court of Justice of the United Nations, as well as the study of individual trends that have signs of the formation of a stable trend of law enforcement of a certain norm or branch of law.

Keywords: international judicial body, protection of human rights, customary norm, international custom, European Court of Human Rights, principle, norm of international law, interpretation, European consensus

For citation: Maksimov, V. A., Svarchevskij, K. G., 2023. The role of customs in the practice of the European Court of Human Rights. *Pravosudie/Justice*, 5(1), pp. 91–104. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2023.1.91-104.

Среди международных судебных органов особая роль принадлежит Европейскому Суду по правам человека (далее – Суд, Европейский Суд), который занимает центральное место в системе защиты прав человека в странах – членах Совета Европы. Его практика в значительной степени является определяющей для других судебных и квазисудебных органов в сфере защиты прав человека. Деятельность этого Суда порождает теоретические и практические проблемы, в частности определения места обычных норм в его практике. Ответы на эти вопросы имеют важное значение для объяснения природы его решений, а также

роли и места международного обычая в иерархии источников международного права.

Согласно ст. 38 Статута Международного Суда ООН международный обычай трактуется «как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы»¹. *Признаками международного обычая* являются: длительное существование практики; убежденность в правомерности и необходимости соответствующего действия [Ануфриева, А. П., и др., 2013, с. 27]. Именно поэтому в этом исследовании попробуем раскрыть практику применения обычных норм международного права Европейским Судом по правам человека. Исследуемый Суд создан в соответствии с Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция 1950 г.). Конвенция 1950 г. и Протоколы к ней устанавливают региональный механизм защиты основных прав и свобод человека и имеют социальную, политическую, экономическую и гражданскую направленность.

В соответствии с п. 4 ст. 15 Конституции России в связи с ратификацией Российской Федерацией Конвенции 1950 г. и Протоколов к ней согласно с п. 7 ст. 1 Федерального закона от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней»² (далее – Закон № 54-ФЗ) Конвенция 1950 г. и практика ее применения и толкования являются важным источником права России. Из содержания указанной статьи следует приоритетное значение для правоприменения в России не только положений Конвенции, но и практики Суда. Поэтому практика Европейского Суда в целом и применение им международного обычая в частности имеют важное значение для правоохранительных и судебных органов Российской Федерации.

В соответствии со ст. 32 Конвенции юрисдикция Европейского Суда по правам человека распространяется на все вопросы, касающиеся толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней. Применение других источников международного права, в том числе договоров, обычных норм, решений иных судебных органов, может происходить лишь в процессе толкования отдельных положений Конвенции. В начале анализа подхода Европейского Суда к обычным нормам международного права следует обозначить принцип, который Суд принял в целом в отношении норм международного права.

В решении 1979 г. по делу «*Marckx v. Belgium*» Суд подчеркнул, что он применяет международные акты, поскольку они указывают на непрерывную эволюцию норм и принципов, применяемых в международном праве или во внутреннем законодательстве большинства госу-

¹ Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. М., 1956. С. 47–63.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 14. Ст. 1514.

дарств – членов Совета Европы, и в конкретной сфере демонстрируют наличие общей позиции современного общества. Европейский Суд отметил: «Для Суда будет достаточно того, что соответствующие международные акты указывают на непрерывную эволюцию норм и принципов, применяемых в международном праве или во внутреннем законодательстве большинства государств – членов Совета Европы, и в конкретной сфере показывают, что в современном обществе существует общая позиция»³.

Надо отметить, что применение норм международного права Суд осуществляет на основе интерпретации положений п. «с» ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., о чем указано в решении «Demir and Baykara v. Turkey».

*Кемаль Демир и Видждан Байкара оспаривали нарушение ст. 11 Конвенции (свобода объединения в профсоюзы) и ст. 14 (запрет дискриминации), поскольку турецкий суд не признал их права на объединение в профсоюз и права на заключение коллективных договоров*⁴.

Суд указал, что он принимает во внимание любые соответствующие нормы и принципы международного права, которые применяют в отношениях между договаривающимися сторонами, независимо от того, были ли они подписаны или ратифицированы государством-ответчиком. Суд также подчеркнул, что международное право состоит из норм и принципов, принятых большинством государств, общие международные или внутренние стандарты права европейских государств отражают такую реальность, которую Суд не может игнорировать, когда разъясняет сферу действия Конвенции, которую более традиционные средства толкования не позволили ему установить с достаточной степенью определенности.

Суд всегда заявлял, что он толкует Конвенцию 1950 г. в соответствии с правилами толкования договоров, закрепленных в Венской конвенции о праве международных договоров. С целью раскрытия содержания положений и принципов Конвенции 1950 г. Суд применяет подходы относительно учета добросовестного толкования, учета обстоятельств заключения соглашения и особенностей реализации, опреде-

³ Постановление Европейского Суда по правам человека от 13 июня 1979 г. по делу «Маркс против Бельгии» (Marckx v. Belgium, 13 June 1979, Series A no. 31) // Сайт Европейского Суда по правам человека. URL: <https://european-court-help.ru/wp-content/uploads/2019/01/МАРКС-МАРСКХ-ПРОТИВ-БЕЛЬГИИ.pdf> (дата обращения: 08.11.2021).

⁴ Демир (Demir) и Байкара (Baykara) против Турции (жалоба № 34503/97), § 67. 2008. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?library=ECHR&id=001-112943&filename=CASE%20OF%20DEMİR%20AND%20BAYKARA%20v.%20TURKEY%20-%20%5BRussian%20Translation%5D.pdf> (дата обращения: 08.11.2021).

ленные ст. 31 и 33 Венской конвенции о праве международных договоров.

Такой подход четко прослеживается в решениях по делам «Golder v. the United Kingdom»⁵, «Johnston and Others v. Ireland»⁶ и др.

Однако в указанном выше случае судьи Европейского Суда использовали толкование международного договора особым образом и подчеркивали, что «состоящие из норм и принципов, принятых большинством государств, общие международные и внутренние положения права европейских государств отражают такую реальность, которую Суд не может игнорировать, когда разъясняет сферу действия Конвенции, которую традиционные средства толкования не позволили ему установить с достаточной степенью определенности. В связи с этим Суд отмечает, что, ища общую позицию для норм международного права, он никогда не различал источники права в соответствии с тем, подписали их или ратифицировало государство-ответчик».

Суд пояснил, что «во время определения терминов и понятий в тексте Конвенции он может и должен принимать во внимание элементы международного права кроме Конвенции, толкование таких элементов компетентными органами и практику европейских государств, которая отражает их общие ценности»⁷.

Уточнение метода суда сопровождается напоминанием об особом значении Конвенции как документа о правах человека и принципе Конвенции как действующего документа. Суд особо подчеркивает в ряде своих решений, что право является живым организмом, который развивается в соответствии с особенностями межгосударственных отношений, подчеркивая «действующий характер Конвенции, который должен толковаться в свете современных условий, а также учитывать меняющиеся нормы национального и международного права в толковании положений Конвенции»⁸. Как указано в решении по делу «Johnston

⁵ Golder v. the United Kingdom: Judgment of 21 February 1975: App. No. 4451/70 // Сайт Европейского Суда по правам человека. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57496> (дата обращения: 08.11.2021).

⁶ Johnston and Others v. Ireland: ECHR' judgment of 18 December 1986 (appl. no. 9697/82). URL: <https://ru.scribd.com/document/69139271/043-Johnston-v-Ireland> (дата обращения: 08.11.2021).

⁷ Демир (Demir) и Байкара (Baykara) против Турции (жалоба № 34503/97), § 67. 2008. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?library=ECHR&id=001-112943&filename=CASE%20OF%20DEMİR%20AND%20BAYKARA%20v.%20TURKEY%20-%20%5BRussian%20Translation%5D.pdf> (дата обращения: 08.11.2021).

⁸ Серинг (Soering) против Соединенного Королевства: Постановление Европейского Суда по правам человека 1989 г. § 102 // Европейский Суд по правам человека: избранные решения. Т. 1. М., 2000. С. 637–658 ; Во (Vo) против Франции (жалоба № 53924/00), § 82. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/19382031> (дата обращения: 08.11.2021) ; Маматкулов и Аскарлов против

and Others v. Ireland», интерпретируя положения Конвенции 1950 г., Суд подчеркнул, что данную процедуру он проводил исключительно в соответствии с правилами толкования международных договоров, закрепленных в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., стороной которого является ответчик.

Европейский Суд, опираясь на практику правоприменения международного обычая, обращается к фактам деятельности ООН, Комиссии международного права и Международного Суда ООН. Формируя собственную позицию по делу, Суд проводит комплексное исследование позиции государств в различных процессах правотворчества: от исследования общих тенденций по вопросам кодификации права к изучению конкретной позиции отдельного государства, заявлений, возражений и голосований, указывая на то, что практикой государства будет считаться поведение органов государственной власти в лице их представителей (должностных лиц).

Суд применил такое исследование по делу «Cudak v. Lithuania»⁹ в 2010 г. в вопросе доступа к справедливому правосудию лица, уволенного из дипломатического иностранного представительства, и применения иммунитетов государства.

Кроме того, для подтверждения существования *opinio juris* о наличии нормы обычного международного права в отдельных делах Европейский Суд исследует практику определенных государств и учитывает их национальное законодательство. Указанная процедура в теории международного права получила название «европейский консенсус» и была применена в том числе в деле «A., B. and C. v. Ireland»¹⁰, а также все чаще продолжает использоваться в научных исследованиях.

На этом этапе отметим, что Суд, очевидно, обращает внимание на все отрасли международного права, которые содержат нормы международного обычного права и общие принципы. Если уполномоченный орган устанавливает существование правила, которое касается дела, Суд, скорее всего, примет его во внимание. Такое суждение неизбежно следует из примеров, когда Суд использует практику других между-

Турции (Mamatkulov and Askarov v. Turkey) жалобы № 46827/99 и 46951/99, ECHR 2005-I, § 121. URL: https://www.conventions.ru/view_base.php?id=21092 (дата обращения: 08.11.2021).

⁹ Цудак против Литвы (№ 15869/02), [GC] 23.3.2010, § 64–66. URL: <https://www.legal-tools.org/doc/143964/pdf/> (дата обращения: 08.11.2021) ; A., B. and C. v. Ireland [GC], no. 25579/05, ECHR 20. URL: <https://www.dfa.ie/media/dfa/alldfawebstimedia/ourrolesandpolicies/internationallaw/echr-a-b-and-c-vs-ireland-2010.pdf> (дата обращения: 08.11.2021).

¹⁰ A., B. and C. v. Ireland [GC], no. 25579/05, ECHR 20. URL: <https://www.dfa.ie/media/dfa/alldfawebstimedia/ourrolesandpolicies/internationallaw/echr-a-b-and-c-vs-ireland-2010.pdf> (дата обращения: 08.11.2021).

народных судов и их прецедентное право как источник информации, которая касается поиска смысла соответствующих норм. Например, утверждение о том, что в поисках общей позиции для норм Суд не различает источники права в зависимости от того, ратифицировало ли государство их, требует отдельного исследования, поскольку в Совет Европы входят государства различных правовых систем.

В целом с позиции Суда понятно, что, даже если государство не ратифицировало конкретный договор, это вовсе не означает, что международное право не предусматривает каким-либо образом соответствующего обязательства. Суд широко изучает практику, указывающую на существование международного обычая.

Одним из важнейших заявлений в упомянутом деле «Demir and Baykara v. Turkey» является признание Судом того, что он «может и должен» принимать во внимание международное право. Позиция Суда по учету не только содержания норм и принципов, которые применяются в отношениях между участниками, но и общих международных норм, которые приобрели статус внутренних правовых стандартов европейских государств, отражает существующую правовую реальность, является ключевой для понимания правовой техники по применению им обычного международного права.

Суд во многих случаях акцентирует внимание на недопустимости самоограничения в толковании права, особенно когда более привычные способы толкования не позволили бы ему установить с достаточной степенью определенности содержание тех или иных терминов и норм.

Таким образом, деятельность Европейского Суда дает основания считать, что, устанавливая содержание норм международного права, он не имеет целью определение разницы или приоритетности источника права в зависимости от того, подписало их или ратифицировало государство-ответчик.

Европейский Суд отмечал, «что, выясняя содержание терминов и понятий, содержащихся в тексте Конвенции, Суд может и должен принимать во внимание элементы международного права, содержащиеся за пределами Конвенции, в частности практику толкования таких элементов компетентными органами, а также практику европейских государств, которая отражает общие ценности. Консенсус на основе специализированных международных документов и практики договаривающихся государств может быть существенным фактором для Суда, когда он интерпретирует положения Конвенции в конкретных случаях». К тому же, по мнению Суда, «...вполне достаточно, чтобы в определенных случаях международные институты констатировали наличие норм или принципов, вытекающих из практики европейских государств для их использования Судом»¹¹.

¹¹ Демир (Demir) и Байкара (Baykara) против Турции (жалоба № 34503/97), § 67. 2008. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?library=ECHR&id=001-112943&filename=CASE%20OF%20DEMİR%20AND%20BAYKARA%20v.%20TURKEY%20-%20%5BRussian%20Translation%5D.pdf> (дата обращения: 08.11.2021).

Исследуя практику использования международных обычаев, Суд применил глубокое исследование правотворчества обычая в уже упоминавшемся деле «Cudak v. Lithuania». В этом деле Суд вынужден был исследовать вопрос, традиционно регулирующий обычное право, – иммунитет государств по делу о незаконном увольнении работника посольства иностранного государства. Важно, что это дело заставило Суд попытаться дать ответ на вопрос иммунитета государства в случае правоотношений, возникших после увольнения работника дипломатического представительства. Суд в своем решении подчеркнул, что применение абсолютного иммунитета государства не было неограниченным в течение многих лет.

В 1979 году Комиссия международного права получила задание, которое заключалось в кодификации и постепенном развитии международного права в сфере юрисдикционного иммунитета государств и их собственности. Она подготовила ряд проектов, которые представлены государствам для замечаний. Проект статей, которые Комиссия приняла в 1991 г., содержал важное инновационное положение (ст. 11 Проекта), которое касалось изъятия из иммунитетов правоотношений, которые возникают при реализации договоров трудового найма. В 2004 году Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций приняла Конвенцию о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности. В отчете, приложенном к Проекту статей 1991 г., утверждалось, что нормы, сформулированные в ст. 11, согласуются с новой тенденцией в законодательной и договорной практике все большего количества государств¹². Соответственно, данная тенденция была учтена при разработке проекта Конвенции.

В деле «Cudak v. Lithuania» Европейский Суд отметил, что общепризнанным принципом международного права является то, что, даже если государство не ратифицировало договор, он может быть обязательным для него на основе одного из положений в той мере, если такое положение отражает международное обычное право, «кодифицируя» его или формируя новое обычное право. В данном случае Суд сослался на позицию Международного Суда ООН по делу о континентальном шельфе Северного моря 1969 г.

В развитие предложенного подхода данного исследования относительно принципа «оптимального» волеизъявления государств для установления практики и его признания через анализ правовых позиций в международных организациях интересна позиция Европейского Суда по данному делу.

Как установлено Судом, до формулировки ст. 11 Проекта статей Комиссии международного права не было никаких особых возражений со стороны государств, даже со стороны государства-ответчика. Что касается Конвенции

¹² Yearbook of CIL. 1991. Vol. II. Pt. 2. P. 44, § 14. URL: https://legal.un.org/ilc/publications/yearbooks/english/ilc_1991_v2_p2.pdf (дата обращения: 08.11.2021).

2004 г., Литва ее не ратифицировала, но и не голосовала против ее принятия. Суд указал в решении: «...можно утверждать, что статью 11 Проекта статей Комиссии международного права 1991 года, на которых основана Конвенция 2004 года, применяют к государству-ответчику в соответствии с международным обычаями в праве. Суд должен принять это во внимание при рассмотрении того, было ли соблюдено право на доступ в суд в значении статьи 6»¹³.

Рассматривая это дело, Европейский Суд в широком смысле «нарушил» пласт как межгосударственной практики, так и позиций *opinio juris*, которые сложились в разных направлениях нормотворчества и правоприменения различными государственными агентами – сотрудниками посольств, представителями государств на международных конференциях, а также обратил внимание на значительную международную судебную практику. В этом случае Европейский Суд, опираясь на практику Международного Суда ООН, пробует установить наличие международного обычая, т. е. правила или стандарта поведения, который долгое время считался нормой при взаимоотношении всех или нескольких государств, если между ними не было никаких международных договоров. Но делает это не прямо, а опосредованно, ссылаясь на факты, которые установили другие органы, в частности Комиссия международного права и Международный Суд ООН. Такая позиция является вполне оправданной, поскольку Европейский Суд, в отличие от Международного Суда ООН, не имеет полномочий устанавливать наличие такой нормы (по крайней мере в этом деле), но вынужден решить вопрос о нарушении ст. 6 Конвенции. Именно поэтому Европейский Суд констатировал наличие обычая, учитывая практику других органов.

Как известно, понятие «европейского консенсуса» впервые использовано еще в деле «*Tyler v. the United Kingdom*»¹⁴ и с тех пор играет весьма важную роль в развитии и эволюции Конвенции. Поскольку Европейский Суд рассматривает Конвенцию как «живой инструмент», «европейский консенсус» является одним из средств, которое позволяет Суду толковать ее положения относительно современных условий. То есть концепция европейского консенсуса создана для того, чтобы оправдать «динамическое толкование Конвенции».

По делу «A., B. and C. v. Ireland» существует, по мнению Европейского Суда, консенсус значительного большинства договаривающихся государств Совета Европы, который разрешает аборт при большем количестве оснований, чем те, которые предусмотрены в ирландском законодательстве. Учитывая этот консенсус значительного большинства государств Совета Европы, по мнению

¹³ Цудак против Литвы, (№ 15869/02), [GC] 23.3.2010, § 64–66. URL: <https://www.legal-tools.org/doc/143964/pdf/> (дата обращения: 08.11.2021).

¹⁴ *Tyler v the United Kingdom*, no 5856/72, ECHR 1978. URL: https://www.stradalex.com/en/sl_src_publ_jur_int/document/echr_5856-72 (дата обращения: 08.11.2021).

Суда, не надо больше искать подтверждения позиций, которые выразили заявители по делу, о неоправданном сужении ирландским законодательством оснований для аборт.

То есть в этом деле Суд изучил практику государств и использовал национальное законодательство тех же государств как подтверждение существования *opinio juris* для установления существования обычной нормы, которую в данном случае Суд называет «европейским консенсусом».

Значительная часть европейских государств не ограничивают право женщины на аборт или устанавливают очень широкий перечень оснований для аборта – следовательно, в этом смысле существует «европейский консенсус». Но одновременно Суд указал, что этот консенсус достиг того уровня, когда бы он стал общеобязательным как региональная обычная норма. Однако альтернативный способ толкования этого решения свидетельствует о том, что Ирландия всегда была против широкой доступности аборт, таким образом, эти ее действия можно рассматривать как действия непоколебимого противника аборт.

С позиции толкования самого понятия «европейский консенсус» решение показывает, что не всегда существование европейского консенсуса обязательно может привести Суд к установлению юридически обязывающего элемента. Однако в этом деле Суд выявил наличие такого консенсуса, хотя и установил, что практика Ирландии всегда отличалась от общеевропейской и предусматривала значительно более узкий перечень оснований для аборт, чем в других государствах. Поэтому, по мнению Суда, даже если Суд установил существование консенсуса, этот факт не будет иметь решающего значения для разрешения дела, поскольку его наличие можно нивелировать постоянным отрицанием государства, проявляющимся в том, что его законодательство никогда не предполагало большего перечня оснований для аборт.

Однако возможны случаи, когда констатация существования европейского консенсуса одновременно предполагает существование региональной нормы-обычая.

В качестве примера можно привести дело «Sitaropoulos and Others v. Greece»¹⁵, в котором Европейский Суд констатировал наличие в избирательных правах признака международно-правовой природы обычного характера. Хотя в основном наличие европейского консенсуса свидетельствует о существовании норм-обычаев, иногда такая норма касается не всех государств, а только тех, которые не отрицают такую практику.

Следовательно, Европейский Суд в случаях толкования отдельных положений Конвенции с использованием «европейского консенсуса»

¹⁵ Sitaropoulos and Others v. Greece, no. 42202/07, ECHR 2010. URL: https://www.stradalex.com/en/sl_src_publ_jur_int/document/echr_42202-07_001-99807 (дата обращения: 08.11.2021).

может констатировать существование того или иного международного обычая. К тому же такая констатация, как правило, проявляется в одном из двух вариантов:

1) когда наличие обычая констатируется в решении другого уполномоченного органа; в таком случае Суд отсылает к обычаю и обосновывает его наличие решением другого органа;

2) Суд самостоятельно устанавливает наличие международного обычая, анализируя практику и *opinio juris* государств, опосредующих свое решение существованием европейского консенсуса.

Что же касается методологических аспектов толкования обычных норм, то, к сожалению, имеющаяся практика в этом аспекте является довольно ограниченной. Однако те немногочисленные исследователи, которые изучали вопросы толкования норм международного права Европейским Судом по правам человека, утверждают, что никакой особой методологии толкования именно обычных норм Суд не применяет (специфической является лишь методология установления наличия обычаев нормы международного права). А потому, по их мнению, для определения методологических аспектов толкования норм международного права вполне можно и в других случаях пользоваться практикой толкования Европейским Судом договорных норм.

По нашему мнению, в практике Суда было всего несколько дел, в которых четко можно проследить методологию толкования. Среди таких дел «*Labita v. Italy*»¹⁶, рассмотренное Европейским Судом в апреле 2000 г.

Заявителем по этому делу является гражданин Италии Б. Лабита, который в апреле 1992 г. был арестован по подозрению в том, что он был членом мафии. Основанием для принятия решения об аресте стала неподтвержденная информация, полученная от бывшего члена мафии, который решил сотрудничать с полицией. Заявитель находился под арестом в течение двух лет и семи месяцев (т. е. в течение всего срока судебного рассмотрения дела). В течение всего срока ареста он содержался в тюрьме города Пьянози, где, по его словам, подвергался бесчеловечному и унижающему достоинство обращению. Заявитель решил пожаловаться на такое отношение к нему и направил жалобу судье, на основании чего было начато расследование, однако вскоре его прекратили, поскольку невозможно было выявить лиц, ответственных за неподобающее обращение.

Впоследствии Б. Лабита был признан невиновным. Необходимо отметить, что к нему были применены меры предосторожности: комендантский час и еженедельный отчет в полиции. После чего он обратился с жалобой в Европейский Суд.

Суд констатировал, что произошло нарушение ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. В то же время было констатировано, что зая-

¹⁶ *Labita v. Italy*, no. 26772/95. ECHR 2000. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/19382469/> (дата обращения: 08.11.2021).

витель не привел убедительных доказательств бесчеловечного обращения, примененного к нему служащими тюрьмы города Пьянози. Однако Суд указал, что заявление о бесчеловечном обращении подтверждается многочисленными жалобами других заключенных на аналогичное обращение, а также тем, что условия содержания в тюрьме города Пьянози к тому времени находились в центре внимания средств массовой информации. Расследование, которое проводилось в отношении этих фактов, было чрезвычайно медленным и недостаточно эффективным. Например, получение копий фотографий надзирателей, работающих в тюрьме города Пьянози, заняло 14 месяцев. Заявитель находился в этой тюрьме в течение указанного периода. К тому же, несмотря на двукратное уведомление заявителя, что он сможет опознать надзирателей, которые злоупотребляли своей властью, ничего не сделано для предоставления ему такой возможности.

Можно признать, что принятое Судом решение во многом основывалось не на прямых доказательствах, предоставленных заявителем или полученных Судом самостоятельно, а на косвенных доказательствах, таких как сообщения средств массовой информации об аналогичных случаях. Поэтому четкое и недвусмысленное решение Суда о том, что произошло нарушение ст. 3 Конвенции, является фактически результатом толкования Судом не только норм Конвенции и национального законодательства Италии, но и других явлений и фактов, и такое толкование было направлено на решение вопроса: могло ли иметь место при определенных обстоятельствах нарушение прав Б. Лабита, гарантированных ст. 3 Конвенции? Суд пришел к выводу, что с учетом поданных заключенными жалоб, а также сообщений в прессе о фактах нарушения условий содержания арестованных лиц в этой тюрьме права конкретного лица могли быть нарушены.

Согласно материалам того же дела в течение трех лет было значительно ограничено право заявителя на свободу передвижения. Меры, примененные к заявителю, были предусмотрены национальным законодательством и имели законную цель – предотвратить преступления и обеспечить общественный порядок. Суд считает подобные меры необходимыми в демократическом обществе, но при условии, что их целью является предотвращение преступлений, а поэтому установление над лицами, подозреваемыми в членстве в мафии, специального надзора также следует считать «необходимым в демократическом обществе». Оправдание лица Судом не обязательно означает отсутствие оснований для применения подобных мер, поскольку доказательства, которых оказалось недостаточно для осуждения лица, все же могут свидетельствовать о вероятности совершения лицом преступлений в будущем. К заявителю превентивные меры были применены в начале расследования по его делу, когда действительно существовали основания подозревать заявителя в членстве в мафии.

Однако такие меры не были отменены после вынесения оправдательного приговора судом. По мнению Суда, такие меры ограничения сво-

боды передвижения заявителя не могут считаться необходимыми, и поэтому признано нарушение ст. 2 Протокола № 4 относительно свободы передвижения. Еще одним из нарушений, которое было констатировано Судом, является лишение заявителя избирательного права. В этом контексте Суд изучил практику европейских государств относительно допустимости ограничения избирательного права арестованных лиц.

В Суде не возникло сомнения в том, что временное лишение избирательного права лиц, которых подозревают в членстве в мафии, имеет законную цель. Однако Суд отметил, что, хотя бы Лабита и был лишен избирательного права еще на стадии судебного рассмотрения дела, практическая реализация данного мероприятия нарушила фундаментальные права лица и гражданина, которые имеют широкое договорное и внедоговорное признание в европейских странах. Данное право не может быть ограничено или сужено исключительно по причинам подозрения или допущения уголовного правонарушения. На момент изъятия имени заявителя из списка избирателей не существовало значительных доказательств, которые свидетельствовали бы о его членстве в мафии. Именно поэтому, по мнению Суда, действия органов Италии в этой части отнюдь не соответствовали их цели. Таким образом, произошло нарушение ст. 3 Протокола № 4 к Конвенции.

Подытоживая изложенное по этому делу, можно констатировать, что Европейский Суд в процессе рассмотрения дел осуществил толкование, проанализировал в соответствии с обстоятельствами дела национальное законодательство Италии и других государств в отношении прав арестованных лиц и лиц, находящихся под следствием; сравнил практику государств – членов Совета Европы по выполнению ими обязательств международного характера по обеспечению прав человека и правомерность действий органов правосудия Италии. Можно констатировать, что Суд использовал как общие (индукция и дедукция), так и специальные (формально-юридические, социологические, текстуальные) методы, которые позволили ему вынести обоснованное решение по делу.

В заключение можно сделать вывод: Европейский Суд по правам человека активно применяет обычаи международного права в процессе решения международных споров и толкования положений международного права в сфере защиты прав человека в пределах, очерченных Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод 1950 г. Анализ его практики показывает, что Суд разнопланово использует международные обычаи, предоставляя собственную аргументацию и оценку в свете принципов договорного права, влияния международного права на реализацию членами Совета Европы положений Конвенции 1950 г. Европейский Суд по правам человека прибегает к применению актов Международного Суда ООН, а также изучению отдельных тенденций, которые имеют признаки формирования устойчивой тенденции правоприменения определенной нормы или отрасли права.

Список источников

Ануфриева Л. П., Бекашев К. А., Волосов М. Е. и др. Международное право : учебник / отв. ред. К. А. Бекашев. М. : Проспект, 2013. 663 с.

References

Anufrieva, L. P., Bekyashev, K. A., Volosov, M. E., et al., 2013. *Mezhdunarodnoe pravo* = [International law]. Textbook. Ed. K. A. Bekyashev. Moscow: Prospekt. 663 p. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Максимов Виталий Алексеевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Российская Федерация, 197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 5).

Vitalij A. Maksimov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Civil Law Department, North-West Branch, Russian State University of Justice (5 Aleksandrovsky Park, St. Petersburg, 197046, Russian Federation).

ORCID: 0000-0003-1120-8344

Сварчевский Константин Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Российская Федерация, 197046, Санкт-Петербург, Александровский парк, д. 5).

Konstantin G. Svarchevskij, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Civil Law Department, North-West Branch, Russian State University of Justice (5 Aleksandrovsky Park, St. Petersburg, 197046, Russian Federation).

ORCID: 0000-0003-0376-9096

Заявленный вклад авторов / Contribution of the authors

Авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
The authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflict of interest.

Дата поступления рукописи в редакцию издания: 19.12.2021; дата одобрения после рецензирования: 27.01.2023; дата принятия статьи к опубликованию: 22.02.2023.

Submitted: 19.12.2021; reviewed: 27.01.2023; revised: 22.02.2023.

Научная статья

УДК 347.471.01

DOI: 10.37399/2686-9241.2023.1.105-116

Правовой статус Экономического, социального и экологического совета Франции

**Ольга Михайловна Хохлова¹,
Анна Константиновна Рожкова^{2, 3}**

¹ Восточно-Сибирский филиал, Российский государственный университет правосудия, Иркутск, Российская Федерация

² Законодательное Собрание Иркутской области, Иркутск, Российская Федерация

³ Байкальский государственный университет, Иркутск, Российская Федерация

¹ chochlovaolga-17@mail.ru, ² rannette@mail.ru

Аннотация

На сегодняшний день проблема формирования гражданского общества как никогда актуальна во всем мире. Ограничительные меры, связанные с пандемией, обусловили нарастающую социальную атомизацию и свели на нет работу институтов гражданского общества. Во Франции одним из таких институтов выступает Экономический, социальный и экологический совет. Это первый консультативный орган в системе государственных органов в мире, статус которого был закреплен во французской Конституции в XX в.

Актуальность темы статьи связана с отражением в деятельности и в статусе Экономического, социального и экологического совета Франции идей французского конституционализма и конституционных традиций V Республики и предшествующих периодов.

Целью данной работы является рассмотрение правового статуса Экономического, социального и экологического совета Франции на протяжении более пятидесяти лет. Задачами выступают: анализ основных этапов его становления, правовой основы его деятельности, порядок его формирования, полномочия, перспективы. Авторы статьи рассматривают Экономический, социальный и экологический совет как орган государственного управления, наделенный вместе с тем функцией взаимодействия с гражданским обществом, т. е. его статус следует признать смешанным.

Гражданское общество Франции – это сложное негосударственное формирование, система общественных отношений, взаимодействие ее элементов (некоммерческих объединений, ассоциаций, профсоюзов, а также указанного Совета), призванное гармонизировать отношения между обществом и государством. Консультативная форма такого взаимодействия выражается в правовом статусе и деятельности независимого Экономического, социального и экологического совета Франции, оказывающего воздействие на органы государственной власти.

Ключевые слова: консультативные органы и учреждения, Экономический, социальный и экологический совет Франции, конституционные традиции Франции, институт гражданского общества

Для цитирования: Хохлова О. М., Рожкова А. К. Правовой статус Экономического, социального и экологического совета Франции // *Правосудие/Justice*. 2023. Т. 5, № 1. С. 105–116. DOI: 10.37399/2686-9241.2023.1.105-116.

Original article

Legal Status of the Economic, Social and Environmental Council of France

Ol'ga M. Khokhlova¹, Anna K. Rozhkova^{2,3}

¹ *East Siberian Branch, Russian State University of Justice, Irkutsk, Russian Federation*

² *Legislative Assembly of the Irkutsk Region, Irkutsk, Russian Federation*

³ *Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation*

For correspondence: ¹ chochlovaolga-17@mail.ru, ² rannette@mail.ru

Abstract

Today, the problem of the formation of the civil society remains as if it were an act in the whole world. Large scale metrics, connected to the flagship, provide a state of the art social organization and the maintenance of the organization. The warranty does not apply. One of these institutions provides economic, social and ecological knowledge. This is the first consultative organization in the system of financial organizations in the world, the status of which has been seized. The relevance of the topic of the article is associated with the reflection in the activities and status of the Economic, Social and Environmental Council of France, the idea of French constitutionalism and constitutional traditions of the V Republic and previous periods. The purpose of this work is to consider the legal status of the Economic, Social and Environmental Council of France for more than fifty years, the tasks are: analysis of the main stages of its formation, the legal basis of its activities, the procedure for its formation, powers, prospects. The authors of the article consider the Economic, Social and Environmental Council as a government body, however, endowed with the tasks of interaction with civil society, i. e. its status should be recognized as mixed. French civil society is a complex non-state formation, a system of public relations, the interaction of its elements (non-profit associations, associations, trade unions, as well as the specified Council), designed to harmonize relations between society and the state. The consultative form of such interaction is expressed in the legal status and activities of the independent Economic, Social and Environmental Council of France with influence on government bodies.

Keywords: advisory bodies and institutions, Economic, Social and Environmental Council of France, constitutional traditions of France, institution of civil society

For citation: Khokhlova, O. M., Rozhkova, A. K., 2023. Legal status of the Economic, Social and Environmental Council of France. *Pravosudie/Justice*, 5(1), pp. 105–116. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2023.1.105-116.

Европейский Союз на фоне пандемии коронавирусной инфекции испытывает системный социально-экономический кризис. Преодолеть его способно сплоченное гражданское общество на началах партнерских отношений с государством. Одним из институтов современного гражданского общества являются консультативные (социально-экономические, общественные) советы (палаты, комиссии). С одной стороны, они нередко позиционируются в качестве «общественных органов публичного управления, а с другой – являются государственными либо муниципальными органами. И, как правило, в правовых актах, регулирующих их деятельность, содержатся весьма неопределенные формулировки, касающиеся их правового статуса. Они не являются юридическими лицами, и поэтому при определении их правового статуса нельзя воспользоваться нормами гражданского законодательства о юридических лицах. Их нельзя отнести также ни к органам государственной власти (органам местного самоуправления), ни к общественным организациям. Поэтому к ним не применимы нормы законодательства, регулирующего деятельность органов власти, либо законодательства об общественных объединениях» [Руденко, В. Н., 2007, с. 117].

По мнению А. В. Тиховодовой, «при создании Общественной палаты Российской Федерации был взят за основу опыт общественных советов (комиссий), которые не одно десятилетие успешно действуют во Франции» [Тиховодова, А. В., 2016, с. 315]. Поэтому в данном исследовании этот орган рассматривается более подробно.

По мнению авторов, Экономический, социальный и экологический совет (*Le Conseil économique, social et environnemental*) современной Франции является ярким примером консультативного органа при органах государственной власти. Согласно ст. 70 Конституции Франции 1958 г. «*Conseil économique, social et environnemental peut être consulté par le Gouvernement et le Parlement sur tout problème de caractère économique, social ou environnemental*»¹ – Экономический, социальный и экологический совет **консультирует** Правительство и Парламент по всем проблемам экономического, социального и экологического характера. Кроме консультаций, Совет дает свое заключение (мнение) по законопроектам, постановлениям или указам, а также по иным подзаконным актам. В то же время этот орган участвует в процессе долгосрочного планирования политики государства.

Состав Экономического, социального и экологического совета, число членов и правила его работы установлены Органическим законом

¹ Конституция Франции (принята 4 октября 1958 г., с изм., внес. Конституционным законом Франции от 23 июля 2008 г.) // Официальный сайт Национального собрания Республики Франции. URL: https://www.conseil-constitutionnel.fr/sites/default/files/as/root/bank_mm/constitution/constitution_russe_version_aout2009.pdf.

№ 58-1360 от 29 декабря 1958 г. Именно в данном Законе разъясняется сущность Совета: согласно ст. 1 «*est auprès des pouvoirs publics une assemblée consultative*»² – это **консультативное собрание** при органах государственной власти.

Е. Б. Покладок обоснованно полагает, что «данный Совет – наиболее развитый институт данного профиля, чья история является одной из самых продолжительных, как, впрочем, и сама французская демократия; фактически это третье по значению конституционное собрание Франции» [Покладок, Е. Б., 2005, с. 51].

Именно во Франции имеет место самая богатая история создания подобных органов, начиная с XIV в. В то время проводили собрания нотаблей. «Нотабли (фр. *notables* – значительный, выдающийся) – члены особого рода собрания, созывавшегося королем для обсуждения государственных, главным образом финансовых и административных, вопросов» [Тиховодова, А. В., 2016, с. 315]. Их нельзя считать депутатами в современном понимании, так как они не избирались, а назначались монархом из представителей правящей элиты, т. е. дворянства, духовенства и богатого мещанства. С 1359 по 1788 г. такие собрания проводились время от времени, их решения носили совещательный характер.

В современной истории совещательные органы появились в XX в.: в 1924 г. правительство левых политических сил во главе с Эдуардом Эрриотом приняло решение о создании Национального экономического совета (НЭС) 16 января 1925 г. Данный орган состоял из 47 членов. Представители профсоюзов, работодатели, рабочие и крестьяне, члены различных ассоциаций входили в Национальный экономический совет по принципу назначения «наиболее представительными организациями». Его полномочия носили консультативный характер. Первые годы существования статус этого органа не был определен, однако интенсивная предметная работа по социальным и экономическим вопросам в дальнейшем конкретизировала его полномочия. В процессе консультаций с правительством данный орган обсуждал практически все темы государственной политики 30-х гг. XX в.

В ходе очередной государственной реформы Национальный экономический совет получил на основе положений Закона от 19 марта 1936 г. правовой статус. Он «...стал включать 173 члена и 20, а затем 25 профессиональных секций (комиссий). Помимо экспертной работы по основным экономическим вопросам (безработица, кредитование, организация сельскохозяйственных рынков), Совет, по-прежнему являясь кон-

² Органический закон Франции № 58-1360 от 29 января 1958 г. (с изм. от 15 января 2021 г.) «Об экономическом, социальном и экологическом совете» // Официальный правовой портал Франции. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/dossierlegislatif/JORFDOLE000042093735>.

сультативным органом, оказывает решающее влияние на разработку новой отрасли французского права, права социального обеспечения»³.

Во время Второй мировой войны НЭС был полностью упразднен правительством маршала Филиппа Анри Петена.

В ходе принятия новой Конституции IV Республики определился, наконец, и статус Экономического совета. Статья 25 Конституции от 13 октября 1946 г. предусматривает создание Экономического совета как учреждения, уполномоченного рассматривать отдельные законопроекты. Состав органа (164 членов) был подобран таким образом, чтобы обеспечить широкое участие профсоюзов трудящихся и трудящихся женщин. С 1951 года в связи со сложной внутрипрофсоюзной борьбой количество мест в Совете сократилось до 148. Данный орган активно рассматривал широкий круг проблем – от недоверия правительству, необоснованности политики колониальных войн до сельскохозяйственных и промышленных нововведений и европейского строительства. Экономический совет возрождающейся после войны Франции, по мнению Филиппа Ардена, «стал эффективной площадкой для дебатов представителей различных слоев общества» [Ardante, P., 1994, p. 5].

С возвращением к власти генерала де Голля встал вопрос о реорганизации Совета – упразднении и слиянии Экономического совета с законодательными органами Франции. Однако «бывший Экономический совет и Сенат всегда заботились о сохранении своей взаимной независимости. Таким образом, во Франции существует явный отказ от того, чтобы палата экономических и социальных интересов каким-либо образом была возведена в статус законодательного органа» [Frayssinet, J., 1996, p. 95]. Экономический совет удается сохранить, изменив только порядок назначения, название и состав.

В процессе послевоенного восстановления социально-экономической инфраструктуры Франции Экономический совет развернул активную работу с профсоюзами рабочих и крестьянами. Однако следует отметить, что по мере нормализации экономической и социальной жизни и восстановления институциональных структур его роль снизилась и назрела необходимость нового этапа законодательного регулирования правового статуса органа.

Проект закона о статусе Экономического совета, представленный на рассмотрение Государственного совета 31 июля 1957 г., предусматривал учреждение таких органов на всех уровнях представительной власти. Постановлением правительства Франции от 1 июля 1960 г., принятым совместно министром по экономическим вопросам и министром труда и социального обеспечения, была учреждена экономическая и со-

³ Официальный сайт Экономического, социального и экологического совета Франции. URL: <https://www.lecese.fr/decouvrir-cece/historique> (дата обращения: 11.03.2021).

циальная комиссия для согласования проекта закона о создании экономического и социального совета.

25 ноября 1964 г. премьер-министр внес в Национальное собрание Франции законопроект об учреждении Экономического и социального совета. Принятый 21 марта 1966 г. Закон предусматривал создание при высших органах государственной власти консультативного органа по вопросам, касающимся экономической и социальной жизни страны. Именно 1966 г. считается датой возникновения первого консультативного совета при органах государственной власти с четко определенными полномочиями и статусом, закрепленным в Конституции страны.

После внесения изменений в Конституцию Франции в 1993 г. раздел X, регламентировавший статус Экономического и социального совета Франции, стал разделом XI. Кроме этого, в состав Совета стали входить около 200 членов, в том числе квалифицированные эксперты и политические деятели, назначенные органами исполнительной власти. В 2008 году он был переименован в Экономический, социальный и экологический совет (EESC) вследствие включения в его деятельность экологического направления. Органический закон от 23 июля 2008 г. закрепил изменение названия данного органа и установил состав в 233 члена.

С 2010 года было положено начало процедуры «омоложения» Совета за счет расширения представительства молодежи, студентов при снижении возраста для его членства до 18 лет согласно ст. 1 Закона от 29 июля 2010 г. Вторым направлением реформы стало увеличение в Совете числа женщин (ст. 7 Закона).

Органическим законом от 29 июля 2010 г. члены этого органа были объединены в три основные группы: 140 членов – для осуществления деятельности по вопросам экономической жизни и социального диалога, 60 членов – по вопросам территориальной сплоченности и общественной жизни, 33 члена – по вопросам охраны природы. Среди других нововведений следует отметить возможность обращения напрямую граждан с ходатайством.

Органический закон от 15 января 2021 г. существенно обновил функции и деятельность Совета: повышена роль гражданского общества в разработке государственной политики, что превратило данный орган в открытое место общественных консультаций и дебатов, что соответствует основным тенденциям развития государственного механизма во Франции. Таким образом, для многих государств Экономический, социальный и экологический совет Франции стал эталонным институтом участия граждан в процессе принятия решений органами государственной власти.

Цель его деятельности – не только публичные политические дебаты, но и конкретные рекомендации профессиональных экспертов прави-

тельству Франции по экономическим, социальным и экологическим вопросам. В Экономический, социальный и экологический совет можно обратиться с петицией на условиях, установленных последним принятым Органическим законом. После рассмотрения петиции Совет информирует правительство и парламент о принятии необходимых мер.

Еще в 1900 г. Жюль Перрье полагал, что «право на подачу петиций должно быть оружием, которое защитило бы все иные завоеванные права, но на деле оказалось очередной болтовней, поводом для гордости при очевидной импотенции» [Цит. по: Frayssinet, J., 1996, с. 105].

Современный исследователь гражданского общества Мари де Казальс полагает, что конституционная реформа, коснувшаяся многих правовых институтов Франции, позитивно сказалась на статусе Совета и его восприятии гражданами. По ее мнению, «упрощенный (открытый) порядок подачи петиций в EESC заслуживает серьезной оценки, так как он поддерживает баланс между органами государственной власти и обществом, сам же Совет работает и всесторонне способствует укреплению социальных связей во Франции» [Cazals, M., 2010, p. 293].

Ранее у правительства Франции было лишь право рассмотреть подобным образом поданные петиции, и зачастую оно «пренебрегало мнением EESC, соглашаясь лишь с тем, что шло в русле его интересов» [Cazals, M., 2010, p. 293]. Однако согласно внесенным в 2021 г. в Органический закон 1958 г. изменениям после принятия решения Советом о соответствии поданной петиции существующим требованиям она направляется непосредственно премьер-министру, председателю Сената и Национальной ассамблеи, а также публикуется в официальных журналах Франции.

В период пандемии появилась возможность подачи петиций в электронном виде. Для этого необходимо 150 тыс. подписей с участием молодых людей в возрасте от 16 лет. Это важное нововведение, ведь необходимо «вовлекать как можно раньше молодежь в решение острых общественных проблем. Молодые люди уже в 16 лет смогут озвучить свою позицию»⁴.

Процедура созыва Совета в действительности сложная: его члены распределены по 18 группам представительства, длительность мандата советников составляет 5 лет. Порядок назначения членов урегулирован специальным Законом № 84-499 от 27 июня 1984 г. В его состав «входят представители основных экономических и социальных групп и организаций, наилучшим образом представляющих интересы француз-

⁴ Официальный сайт Экономического, социального и экологического совета Франции. URL: <https://www.lecese.fr/decouvrir-cece/historique> (дата обращения: 11.03.2021).

ского общества, на индивидуальной основе входят 40 крупных специалистов в сфере экономики, науки, культуры. К 231 советнику добавляются 72 «члена секций», назначенных премьер-министром на 2 года в качестве экспертов. Члены Совета получают жалование, размер которого не может превышать $\frac{1}{3}$ жалования парламентариев, а также вознаграждение за присутственные дни»⁵.

Экономический, социальный и экологический совет состоит из Бюро, отделов и комиссий. Основной формой его работы является пленарная ассамблея. Управляющий орган Совета – Бюро.

Согласно ст. 70 Конституции Франции «правительство и парламент могут обращаться в Экономический, социальный и экологический совет за консультациями по любому вопросу экономического, социального или экологического характера»⁶. В этом случае Бюро формирует специальную комиссию, которая готовит проект заключения. К разработке данного проекта зачастую привлекают независимых экспертов в той или иной области. Далее Бюро принимает отчет по рассматриваемому вопросу, после этого «отчет принимается на пленарном заседании публично в присутствии государственных министров, предупрежденных заранее, и прессы. Заключения, отчеты и исследования передаются премьер-министру. Они также адресуются обеим палатам парламента». Согласно ст. 18 Ордонанса о Совете «его общее собрание проходит публично, а заседания секций и комиссий не являются публичными»⁷.

Согласно положениям Органического закона № 58-1360 от 29 декабря 1958 г.:

«1. Совет способствует сотрудничеству между различными профессиональными категориями и обеспечивает их участие в социальной и экономической политике правительства.

2. Совет исследует и поддерживает экономические и социальные новшества, выдвигаемые в результате развития новой техники.

3. Экономический, социальный и экологический совет по запросу правительства дает свое заключение на проекты законов, ордонансов или декретов, а также на представленные ему законодательные предложения.

⁵ Официальный сайт Экономического, социального и экологического совета Франции.

⁶ Конституция Франции (принята 4 октября 1958 г., с изм., внес. Конституционным законом Франции от 23 июля 2008 г.) // Официальный сайт Национального собрания Республики Франции. URL: https://www.conseil-constitutionnel.fr/sites/default/files/as/root/bank_mm/constitution/constitution_russe_version_aout2009.pdf (дата опубликования: 30.07.2008).

⁷ URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/dossierlegislatif/JORFDOLE000042093735> (дата опубликования: 19.01.2021).

4. Совет может назначить одного из своих членов для изложения палатам парламента мнения Совета по представленным ему проектам или предложениям. Правительство может также обращаться в Совет по любой проблеме экономического или социального характера. На заключение Совета предоставляется каждый план и программный законопроект экономического или социального характера.

5. Совет должен проводить экспертизы всех законопроектов и решений, касающихся экономической сферы. Также правительство направляет законопроекты, касающиеся других сфер, на экспертизу в Совет. В свою очередь Совет распределяет экспертизы по компетентным органам. Кроме того, Совет может по собственной инициативе рассмотреть тот или иной законопроект»⁸.

Анализ этих полномочий позволяет признать, что Экономический, социальный и экологический совет во Франции выполняет ряд важнейших функций по обеспечению эффективности политики государства:

во-первых, постоянное привлечение общественных сил к разработке и экспертизе политических решений повышает уровень легитимности принимаемых мер;

во-вторых, совместная работа представителей различных интересов по подготовке заключения или исследования по той или иной политике повышает уровень общественного согласия, что особенно подчеркивают документы, регулирующие правовые основы деятельности Экономического, социального и экологического совета;

в-третьих, участие известных персон и экспертов обеспечивает высокий уровень и объективность экспертиз. Совет входит в международную Ассоциацию социально-экономических палат и европейский Комитет социально-экономических палат [Тиховодова, А. В., 2016, с. 319].

Создание Экономического, социального и экологического совета Франции предусмотрено Конституцией, в то время как в Российской Федерации такого упоминания нет. Во Франции на заключение Совета предоставляется каждый план и программный законопроект экономического или социального характера. Также правительство направляет законопроекты, касающиеся других сфер, на экспертизу в Совет. Кроме того, Совет может по собственной инициативе рассмотреть тот или иной законопроект» [Тиховодова, А. В., 2016, с. 319]. В России законопроект присылается на рассмотрение только по запросу Общественной палаты, обязанности, соответственно, нет.

⁸ Официальный сайт Экономического, социального и экологического совета Франции. URL: <https://www.lecese.fr/decouvrir-cece/historique> (дата обращения: 11.03.2021).

На основе проведенного исследования можно сделать вывод, что Экономический, социальный и экологический совет Франции является как органом государственного управления, так и консультативным государственным учреждением, представляющим национальные интересы, созданным для обеспечения продуктивного диалога на уровне всего государства между социальными партнерами – организациями, представляющими работодателей и работников (профсоюзы, ассоциации и другие институты гражданского общества), и правительством в социально-экономической, профессиональной, экологической и других сферах. Эффективность его деятельности зависит от развитости гражданского общества, которое «можно считать основной ценностной детерминантой цивилизованного общества, где государство выступает не в качестве гегемона, а между ним и обществом налажены транспарентные отношения, где граждане не просто имеют права, но и стремятся их защитить» [Рожкова, А. К., 2020, с. 143].

Список источников

- Покладок Е. Б. Экономический и социальный совет Франции // Современная Европа. 2005. № 4. С. 51–63.
- Рожкова А. К. Менталитет и уровень соблюдения прав личности в Российской Федерации // Терроризм и права человека: гибридные угрозы, новые вызовы, система противодействия : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. (Пенза, 16 окт. 2020 г.) / под ред. Г. Б. Романовского. Пенза : Изд-во ПГУ, 2020. С. 142–149.
- Руденко В. Н. Консультативные общественные советы в системе делиберативной демократии // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 4. С. 116–124.
- Тиховодова А. В. Общественные консультативные советы России и Франции: общее и особенное // Научные проблемы водного транспорта. 2016. № 46. С. 314–321.
- Ardante P. Qui gouverne la France? // Pouvoirs. Janvier 1994. № 68. P. 5. URL: <https://revue-pouvoirs.fr/Qui-gouverne-la-France.html> (дата обращения: 06.05.2021).
- Cazals M. La saisine du Conseil économique, social et environnemental par voie de pétition citoyenne: gage d'une V République "plus démocratique"? // Revue française de droit constitutionnel. 2010. № 2 (82). P. 289–312. URL: https://www.cairn.info/resume.php?ID_ARTICLE=RFDC_082_0289 (дата обращения: 06.05.2021).
- Frayssinet J. Le Conseil économique et social. Paris : La Documentation française, 1996. 173 p.

References

- Ardante, P., 1994. Qui gouverne la France? *Pouvoirs*, 68, p. 5. URL: <https://revue-pouvoirs.fr/Qui-gouverne-la-France.html> [Accessed: 6 May 2021].
- Cazals, M., 2010. La saisine du Conseil économique, social et environnemental par voie de pétition citoyenne: gage d'une V République "plus démocratique"? *Revue française de droit constitutionnel*, 2, pp. 289–312. URL: https://www.cairn.info/resume.php?ID_ARTICLE=RFDC_082_0289 [Accessed: 6 May 2021].
- Frayssinet, J., 1996. *Le Conseil économique et social*. Paris: La Documentation française. 173 p.
- Pokladok, E. B., 2005. [Economic and Social Council of France]. *Sovremennaya Evropa* = [Modern Europe], 4, pp. 51–63. (In Russ.)
- Rozhkova, A. K., 2020. Mentality and the level of observance of individual rights in the Russian Federation. In: G. B. Romanovsky, ed. *Terrorizm i prava cheloveka: gibrnidnye ugrozy, novye vyzovy, sistema protivodejstviya* = [Terrorism and human rights: hybrid threats, new challenges, counteraction system]. Materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference (Penza, October 16, 2020). Penza: Publishing House of Penza State University. Pp. 142–149. (In Russ.)
- Rudenko, V. N., 2007. [Advisory public councils in the system of deliberative democracy]. *Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie* = [Comparative constitutional review], 4, pp. 116–124. (In Russ.)
- Tikhovodova, A. V., 2016. [Public advisory councils of Russia and France: general and special]. *Nauchnye problemy vodnogo transporta* = [Scientific problems of water transport], 46, pp. 314–321. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Хохлова Ольга Михайловна, кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного права Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия (Российская Федерация, 664074, Иркутск, ул. Ивана Франко, д. 23а).

Ol'ga M. Khokhlova, Cand. Sci (Philosoph.), Associate Professor of the Criminal Law Department, East Siberian Branch, Russian State University of Justice (23a Ivan Franko St., Irkutsk, 664074, Russian Federation).

Рожкова Анна Константиновна, помощник депутата Законодательного Собрания Иркутской области, преподаватель Байкальского государственного университета (Российская Федерация, Иркутск, ул. Ленина, д. 11).

Anna K. Rozhkova, Assistant to the Deputy of the Legislative Assembly of the Irkutsk Region, Lecturer at the Baikal State University (11 Lenin St., Irkutsk, 664003, Russian Federation).
<https://orcid.org/0000-0003-1999-4212>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflict of interest.

Дата поступления рукописи в редакцию издания: 22.06.2021; дата одобрения после рецензирования: 01.02.2022; дата принятия статьи к опубликованию: 22.02.2023.
Submitted: 22.06.2021; reviewed: 01.02.2022; revised: 23.02.2023.

Научная статья

УДК 504.062.2

DOI: 10.37399/2686-9241.2023.1.117-133

Правовое регулирование возобновляемых источников энергии как способ борьбы с климатическими изменениями

Надежда Анатольевна Алексеева

*Российский государственный университет правосудия, Москва,
Российская Федерация
knadege@yandex.ru*

Аннотация

Введение. В статье представлены результаты исследования законодательного и политического развития в области возобновляемых источников энергии в Российской Федерации. Россия является одним из крупнейших экспортеров ископаемого топлива, использование которого оказывает значительное негативное влияние на климат в силу большого углеродного следа. Наша страна встала на путь сотрудничества по решению проблемы изменения климата в рамках Парижского соглашения ООН посредством развития возобновляемых источников энергии как одного из ключевых аспектов снижения климатических изменений. *Теоретические основы. Методы.* В настоящем исследовании использованы такие методы, как исторический – для рассмотрения в развитии правового регулирования с момента закрепления возобновляемых источников энергии в Российской Федерации до настоящего момента; прогностический метод использован для раскрытия способов достижения наиболее эффективного использования возобновляемых источников энергии путем его законодательного регулирования.

Результаты исследования. В статье рассматриваются правовые и экономические аспекты, связанные с изменениями в энергетическом секторе российской экономики и переходом на возобновляемые источники энергии. В настоящем исследовании освещены меры, предпринятые в России по декарбонизации, и последние шаги в данном направлении, рассмотрено уточнение стратегии, совершенствование политики и реформирование законодательства в течение времени. Показана возможность регулирования возобновляемых источников энергии правом как способ нивелирования негативного воздействия деятельности человека на окружающую среду. Введение возобновляемых источников энергии – один из возможных путей такого снижения, их введение и распространение являются необходимостью и, как любая новая сфера общественных отношений, требуют особой законодательной базы.

Обсуждение и заключение. Определены этапы развития и становления возобновляемых источников энергии с точки зрения правового регулирования при постепенном улучшении технического оснащения. Автором раскрываются потенциал Российской Федерации и некоторые технические возможности действий, а также необходимые правовые изменения в указанной области.

Ключевые слова: возобновляемые источники энергии, развитие отрасли возобновляемой энергетики, политика и законодательство в области электроэнергетики, изменение климата

Для цитирования: Алексеева Н. А. Правовое регулирование возобновляемых источников энергии как способ борьбы с климатическими изменениями // Правосудие/Justice. 2023. Т. 5, № 1. С. 117–133. DOI: 10.37399/2686-9241.2023.1.117-133.

Original article

Peculiarities of Legal Regulation of Renewable Energy Sources

Nadezhda A. Alekseeva

Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation

For correspondence: knadege@yandex.ru

Abstract

Introduction. This article presents the results of a study of the of renewable energy legislation development and policy in the Russian Federation. The Russian Federation is one of the largest exporters of fossil fuels and therefore has a significant negative impact on the climate due to its large carbon footprint. Our country has embarked on a path of cooperation to tackle climate change in the work of the UN Paris Agreement, which promotes the RES, the introduction of as one of its key aspects.

Theoretical Basis. Methods. In this study, methods including historical were used to consider the development of legal regulation from the moment RES were established in the Russian Federation to the present; the predictive method was used to reveal ways to achieve the most efficient use of renewable energy through their legislative regulation.

Results. The article examines the economic, legal and political challenges associated with changes in the energy sector of the Russian economy and the transition to RES. The article makes some observations on Russia's journey of decarbonisation to date and the latest steps in this direction, examining strategy clarification, policy improvements and legislative reforms over time. The aim of the study is to show the potential for legal regulation in the field of renewable energy as a way of reducing the activity impact of humans (which is negative) on the environment and to show the possibility of reducing climate change. The introduction of RES is one possible way of such a reduction, their introduction and dissemination is considered a necessity and therefore requires a new legislative framework.

Discussed and Conclusion. The stage has been set for the development and establishment of RES in terms of legal regulation with gradual improvement of technical equipment. The author reveals the potential of the RF and some technical possibilities, as well as the necessary legal changes along the way.

Keywords: renewable energy, renewable energy industry development, electricity policy and legislation, climate change

For citation: Alekseeva, N. A., 2023. Peculiarities of legal regulation of renewable energy sources. *Pravosudie/Justice*, 5(1), pp. 117–133. DOI: 10.37399/2686-9241.2023.1.117-133.

Мы находимся в эпицентре трех планетарных кризисов – кризиса климата, природы, а также загрязнения и отходов. Эти три кризиса, вызванные неустойчивым потреблением и производством, разрушают естественные системы, позволяющие экономике процветать¹.

*Исполнительный директор ЮНЕП
Ингер Андерсен*

Введение

Российская Федерация – страна, осуществляющая значительное количество выбросов в атмосферный воздух различного происхождения, как промышленных (даже с учетом технологий по улавливанию), так и в результате естественных процессов окружающей среды (например, в тундре или при высвобождении метана при таянии вечной мерзлоты).

Для территории России характерны значительная протяженность и большая площадь, поэтому значительны и количество выбросов, и углеродный след. Между тем отметим, что при подсчете в мировом масштабе не учитываются процентное соотношение площади страны и объем производимых ею выбросов. Площадь Российской Федерации очевидно подлежит учету в аспекте поглощающей способности произведенных выбросов, однако поглощающая способность конкретной страны не учитывается. Действительно, ведутся дискуссии, суть которых состоит в том, необходимо ли учитывать выбросы в результате естественных процессов при подсчете углеродного следа страны, или брать за основу надо промышленные выбросы. В данном аспекте примечательна мысль о цикличности развития Земли и о том, что повышение температуры – естественный процесс «спиралевидного» развития нашей планеты (между тем явно прослеживается тот факт, что развитие промышленности достигло такого уровня, что не заметить его негативное влияние просто невозможно, даже разделяя точку зрения о естественности повышения температуры и климатических изменений через определенные промежутки времени).

Негативные процессы продолжают оказывать отрицательное влияние на состояние самой окружающей среды и климатические изменения в целом. «Россия в полной мере осознает остроту вызовов... все

¹ URL: <https://www.unep.org/ru/novosti-i-istorii/istoriya/16-sposobov-borby-s-izmeneniem-klimata> (дата обращения: 14.01.2022).

угрозы и риски... в нашей стране среднегодовая температура повышается быстрее глобальной более чем в 2,5 раза: за последние 10 лет она увеличилась почти на полградуса»².

В настоящем исследовании вопросы изменения климата автор традиционно связывает с выбросами в атмосферный воздух, от которых, в свою очередь, зависит углеродный след. В Российской Федерации основной углеродный след создается тепловой энергетикой и составляет 716 млн т из 2 млрд т в общей массе в год³. Именно из-за энергетического сектора происходит загрязнение атмосферного воздуха в России.

В связи с указанным очевидна острота проблемы, постановку которой, как и попытку выявить пути ее решения, осуществил автор. Актуальность и значимость вопроса неоспоримы, для его решения необходимо подключить различные отрасли как науки, политической деятельности, так и права.

Базой для развития исследуемой темы послужила научная литература [Игнатъева, И. А., 2022; Символоков, О. А., 2020; Краснова, И. О., 2019; Матвеева, Е. В., Новикова, Е. В., Пономарев, М. В., 2022; Кичигин, Н. В., Хлуденева, Н. И., 2022; Выпханова, Г. В., Жаворонкова, Н. Г., 2021; и др.]. Несмотря на значительное число публикаций, указанная проблема не только не разрешена, ее решение находится в зачаточной стадии. Кроме того, даже существуют точки зрения, что данный вопрос существенным не является, в том числе поскольку возобновляемые источники энергии зарекомендовали себя как неэффективное средство. Данная точка зрения основывается на невозможности конкуренции без финансового вливания и «без политической воли руководителей государств» [Грищенко, А. И., 2022, с. 13] (что в какой-то мере представляет трудность для исследования темы, поскольку указанный вопрос остается нерешенным).

По нашему мнению, именно возобновляемые источники энергии будут способствовать снижению скорости изменения климата, а значит, и решению обусловленных этим других вопросов: необходимости поиска иных пищевых приоритетов и разработки возможностей замены традиционного питания людей, изменения традиционного образа жизни коренных малочисленных народов и не только, повышения уровня воды мирового океана, его опреснения, повышения его температуры (из-за чего происходит изменение направлений течений), что, в свою очередь, влечет существенное снижение видового разнообразия, изменение цепочек питания, озоновые дыры.

² Пленарное заседание Международного форума «Российская энергетическая неделя». URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66916> (дата обращения: 20.12.2022).

³ Доклад о темпах газификации в Российской Федерации. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/5644> (дата обращения: 20.12.2022).

Теоретические основы. Методы

В настоящем исследовании использованы такие методы, как исторический – для рассмотрения в развитии правового регулирования с момента закрепления возобновляемых источников энергии в Российской Федерации до настоящего момента; прогностический метод использован для раскрытия способов достижения наиболее эффективного использования возобновляемых источников энергии путем их законодательного регулирования. Этапами выполнения исследования были: постановка задачи, исторический экскурс развития законодательного закрепления возобновляемых источников энергии в Российской Федерации, итоги, к которым пришли в правовом регулировании рассматриваемой сферы в настоящее время, их плюсы и минусы, возможные пути дальнейшего развития.

По расчетам специалистов, антропогенный фактор лежит в основе потепления при сравнении с доиндустриальным уровнем на 1,0 °С, которое с высокой степенью вероятности примет значение при сохранении нынешнего положения «1,5 °С в период между 2030 и 2052 годами»⁴.

Подписанное Парижское соглашение⁵ нацелено на то, чтобы повышение годовой температуры не превышало 2 градуса по Цельсию в мире по сравнению с доиндустриальным периодом, в связи с чем на Российскую Федерацию возложено обязательство снизить выбросы парниковых газов.

Внедрение возобновляемых источников энергии является одним из вариантов щадящего отношения к атмосферному воздуху (поскольку такие выбросы будут происходить лишь при производстве составных частей для возобновляемых источников энергии, но не при выработке электроэнергии), позволит снизить потребление (и добычу) невозобновляемых полезных ископаемых при использовании рассматриваемых относительно устойчивых источников энергии. В результате выбора такого общего курса Россией мы видим принятие значительного количества нормативных правовых актов. В нашей стране признано, что остро стоит проблема глобального потепления, «даже более остро, чем

⁴ Доклад Межправительственной группы экспертов по изменению климата «Глобальное потепление на 1,5 °С. Специальный доклад МГЭИК о последствиях глобального потепления на 1,5 °С выше доиндустриальных уровней и о соответствующих траекториях глобальных выбросов парниковых газов в контексте укрепления глобального реагирования на угрозу изменения климата, а также устойчивого развития и усилий по искоренению нищеты». С. 4. URL: https://www.ipcc.ch/site/assets/uploads/sites/2/2019/09/SR15_Summary_Volume_russian.pdf (дата обращения: 15.02.2023).

⁵ Парижское соглашение. Заключено в г. Париже 12 декабря 2015 г. // Бюллетень международных договоров. 2020. № 4.

терроризм, миграция и другие, в связи с чем данная задача является одной из основных, а без возобновляемых источников энергии эта задача неразрешима»⁶.

Таким образом, нивелирование негативного воздействия на окружающую среду – это в том числе задача возобновляемых источников энергии [Семенович, К. С., 2020, с. 47]. Второй задачей является сохранение природных ресурсов за счет перехода энергетического сектора на возобновляемые источники энергии, и это помимо иных, социально значимых задач⁷.

С учетом все меньшего количества полезных ископаемых и все возрастающей потребности в электроэнергии при неуклонном росте ее потребления⁸ очевиден вывод о необходимости замещения традиционных исчерпаемых источников энергии возобновляемыми источниками энергии. «На горизонте 25 лет доля углеводородов в мировом энергетическом балансе может сократиться с нынешних 80–85 процентов до 60–65 процентов... роль природного газа, как наиболее экологически чистого “переходного” вида топлива, вырастет...»⁹

Необходимость и значимость возобновляемых источников энергии отражена и в международных соглашениях, касающихся климатических изменений [Bykovsky, V., 2017]. Самыми яркими примерами являются Парижское соглашение ООН (а до него – Киотский протокол к Рамочной конвенции об изменении климата¹⁰) и исследования его влияния на динамику правового регулирования в других странах [Buchner, B., Dall’Olio, S., 2005; Kozlova, M., Collan, M., Overland, I., 2020]. Все это послужило разработке и обоснованию одной из главных концепций

⁶ URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66916> (дата обращения: 12.01.2022).

⁷ «Общеизвестным фактом является то, что одним из приоритетов в данной области Президент назвал необходимость провести газ в как можно большее количество населенных пунктов. Так, на протяжении последних нескольких лет газификацией было охвачено чуть более 50% территории и домохозяйств (на сегодняшний день средний уровень газификации достиг 66%, в том числе в городах – 70,4%, в сельской местности – 56,1%). См.: Доклад Министра энергетики Российской Федерации (в настоящее – заместителя Председателя Правительства Российской Федерации) А. В. Новака на совещании у Председателя Правительства Российской Федерации «О мерах, направленных на повышение темпов газификации в Российской Федерации». URL: <https://minenergo.gov.ru/node/5644> (дата обращения: 17.01.2022).

⁸ URL: <https://minenergo.gov.ru/node/532> (дата обращения: 30.11.2021).

⁹ URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66916> (дата обращения: 30.11.2021).

¹⁰ Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата (Заключена в г. Нью-Йорке 09.05.1992). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

XXI в. – концепции устойчивого развития, ставшей идеологией развития мира на ближайшие годы.

В силу ст. 6 Парижского соглашения обязательство устойчивого развития стало приоритетным для последующей политики стран, его подписавших, при добровольности участия и отсутствии ограничений на выбросы парниковых газов, когда участники сами устанавливают свои индивидуальные цели.

Указанное Соглашение закрепило необходимость «мер по адаптации» (ст. 2), определяемых как принимаемые страной меры по снижению уязвимости к изменению климата и способности адаптироваться к негативным последствиям. Рассматривать принятие адаптационных мер без снижения углеродного следа невозможно. С учетом большого количества элементов, влияющих на углеродный след страны, рассмотрим лишь один – выбросы парниковых газов и возможность снижения таких выбросов.

Адаптационные меры предусматривают в том числе переход энергетического сектора на иные источники энергии, оказывающие менее губительное воздействие на окружающую среду. На сегодняшний день альтернативная энергетика – это самостоятельная отрасль энергетики, которая охватывает все наиболее перспективные способы добычи энергии из неисчерпаемых и возобновляемых источников, использование которых наносит вред окружающей среде много меньший, чем при использовании традиционных источников.

Европейские страны давно осознали необходимость развития возобновляемых источников энергии, для экономически развитых стран их внедрение на данный момент является не вопросом будущего, а лишь вопросом наращивания объемов уже внедренного. Развивающиеся страны в меньшей степени следуют тенденции, но и в них наметились положительные изменения в этой области. Внедрение возобновляемых источников энергии чаще происходит в таких странах, как Китай, Голландия, США, Австралия, Испания, Германия, Япония, Дания [Краснова, И. О., 2019]. Планы большинства стран заставляют задуматься. Так, Германия планирует к 2035 г. перевести 55–60% всей энергетической отрасли на использование рассматриваемых источников энергии, а к 2050 г. – увеличить этот показатель до 80%. Португалия планирует к 2030 г. перейти на использование «зеленой» энергии на 80%, к 2050 г. – на 100%. Испания и Дания также рассчитывают перейти на 100-процентное использование зеленой энергии к 2050 г. В США о 100-процентном переходе на использование альтернативной энергии объявили 153 крупных города и 9 штатов [Крысанова, Н. В., 2021].

Положительный международный опыт также подталкивает к развитию «зеленой экономики». Многие страны, имеющие экономические сношения с Российской Федерацией, переходят на «зеленые рельсы», по-

литические реалии заставляют учитывать проблемы импорта и экспорта, среди которых – возможность повышенных выплат за экспорт товаров, произведенных с использованием технологий, не соответствующих определенным европейским стандартам. По итогам 2020 г. по внедрению возобновляемых источников энергии Российская Федерация занимала 59-е место в мире¹¹.

Субъектом, вынужденным внедрять возобновляемые источники энергии, является государство, действующее через разработку и принятие нормативных правовых актов. Стратегию недопущения изменения климата находим в Климатической доктрине Российской Федерации¹², утвержденной в 2009 г. распоряжением Президента Российской Федерации, закрепившей вектор развития политики нашего государства в области климата. Меры по реализации этой Доктрины предусмотрены Основами государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года¹³. Во исполнение распоряжения Президента Российской Федерации принят комплексный план реализации Доктрины до 2020 года¹⁴. Указанным нормативным правовым актом установлена необходимость обеспечения выполнения утвержденного плана с учетом ассигнований, а региональные органы обязаны сформировать региональные программы, исходя из принятых на федеральном уровне.

Указанные национальные правовые акты действовали до обновления Климатической доктрины России в 2021 г. Обновление стало возможным после одобрения ее изменений межведомственной комиссией Совета безопасности Российской Федерации по экологической безопасности.

Результаты исследования

Климатическая доктрина содержит цели, принципы, направления политики Российской Федерации по вопросам, связанным с изменением климата и его последствиями. Между тем, как указывалось И. О. Красновой [2021], стратегии носят декларативный характер, меры по их ре-

¹¹ Renewables 2020. Global status report Renewable Energy Policy Network for the 21st Century (2020). www.ren21.net/publications. Google Scholar (дата обращения: 02.01.2023).

¹² Распоряжение Президента Российской Федерации от 17 декабря 2009 г. № 861-рп «О Климатической доктрине Российской Федерации». Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹³ Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Президентом Российской Федерации 30 апреля 2012 г.). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁴ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25 апреля 2011 г. № 730-р. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

ализации содержатся в многочисленных подзаконных актах, приведенных ниже.

С принятием Федерального закона «Об электроэнергетике»¹⁵ в энергетическом секторе Российской Федерации происходит образование нового кластера – кластера возобновляемых источников энергии. В развитие данного Закона принимается значительное количество (более 20) подзаконных актов для последующей реализации политики, правового закрепления реальных мер по внедрению и самому существованию возобновляемых источников энергии, начиная от определения их понятия и заканчивая возможностями развития в будущем. Назовем некоторые из них.

Постановление Правительства от 3 июня 2008 г. № 426 «О квалификации генерирующего объекта, функционирующего на основе использования возобновляемых источников энергии»¹⁶ устанавливало требования к объектам для прохождения процедуры квалификации и их сертификации. Данное постановление представляет интерес в свете дальнейшего развития возобновляемых источников энергии, поскольку регулирует отдельные вопросы стимулирования использования таких генерирующих объектов. Впоследствии в дополнение к нему приняты Правила оптового рынка электрической энергии и мощности¹⁷ и уточнены требования к квалификации генерирующего объекта, функционирующего на основе использования возобновляемых источников энергии, в частности, до 24 месяцев увеличен период, в течение которого должна начаться поставка мощности по договору.

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 января 2009 г. № 1-р «Об основных направлениях государственной политики в сфере повышения энергетической эффективности электроэнергетики на основе использования возобновляемых источников энергии на период до 2035 года»¹⁸ заложены основные направления политики государства в сфере повышения энергетической эффективности электроэнергетики на основании использования возобновляемых источников энергии до 2024 г., а после внесения изменений – до 2035 г. Следующее принятое постановление Правительства Российской Федерации от

¹⁵ Федеральный закон от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике». Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁶ Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 23. Ст. 2716.

¹⁷ Постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2010 г. № 1172 «Об утверждении Правил оптового рынка электрической энергии и мощности и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам организации функционирования оптового рынка электрической энергии и мощности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 14. Ст. 1916.

¹⁸ Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 4. Ст. 515.

20 октября 2010 г. № 850 говорит само за себя и явно направлено на ускорение развития возобновляемых источников энергии: утверждает критерии для предоставления субсидий в порядке компенсации стоимости технологического присоединения генерирующих объектов из федерального бюджета при условии генерирующей мощности не более 25 МВт¹⁹.

Ряд подзаконных российских правовых актов устанавливают механизмы стимулирования в форме закрепления правил определения цены на мощность генерирующих объектов на основе возобновляемых источников энергии, например постановление Правительства Российской Федерации от 28 мая 2013 г. № 449. Закрепленный в таких нормативных правовых актах подход основывается на установленной мощности генерирующих объектов возобновляемых источников энергии, что является уникальным в рамках правового регулирования и разительно отличается от мирового опыта.

Подход в других странах состоит в том, что развитие в рассматриваемой области происходит на основе объема выработки электроэнергии (МВтч) [Koch, N., Tynkkunen, V.-P., 2021].

В Российской Федерации возможность поддержки осуществляется путем реализации договора о предоставлении мощности²⁰, выступающего инструментом инвестиции в проекты по развитию возобновляемых источников энергии за счет регулируемых цен на мощность. Указанный тип договора стал элементом рынка мощности, поскольку позволяет контролировать затраты на выработку возобновляемых источников энергии.

¹⁹ Утратило силу после принятия в этой области постановления Правительства Российской Федерации от 23 сентября 2016 г. № 961 «О порядке предоставления субсидий из федерального бюджета на государственную поддержку технологического присоединения генерирующих объектов, функционирующих на основе использования возобновляемых источников энергии» (Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 40. Ст. 5743); постановления Правительства Российской Федерации от 29 июля 2017 г. № 900 «О внесении изменений в критерии для предоставления из федерального бюджета субсидий в порядке компенсации стоимости технологического присоединения генерирующих объектов с установленной генерирующей мощностью не более 25 МВт, признанных квалифицированными объектами, функционирующими на основе использования возобновляемых источников энергии, лицам, которым такие объекты принадлежат на праве собственности или на ином законном основании» (Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 32. Ст. 5081).

²⁰ Предусмотрен постановлением Правительства Российской Федерации от 28 мая 2013 г. № 449 «О механизме стимулирования использования возобновляемых источников энергии на оптовом рынке электрической энергии и мощности» (вместе с Правилами определения цены на мощность генерирующих объектов, функционирующих на основе возобновляемых источников энергии) (Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 23. Ст. 2909).

Подзаконными российскими правовыми актами регулируются также вопросы подключения к электросетям, локаций и их целевых показателей, предельные величины капитальных затрат на возведение объектов определенной установленной мощности – микрогенерации, ставшей правовой основой для договора о предоставлении мощности – 2 [Vasileva, E., Viljainen, S., Sulamaa, P., Kuleshov, D., 2015], и т. д. Все указанные акты являются правовой основой и на первом этапе – этапе создания кластера возобновляемых источников энергии энергетической отрасли, и на втором этапе – его дальнейшего развития.

Принятые подзаконные национальные правовые акты – первый этап введения возобновляемых источников энергии, когда посредством законодательного регулирования были созданы предпосылки для создания отрасли или технического кластера – возобновляемых источников энергии. Этот процесс сопровождался многочисленными трудностями, например проблемой финансирования, которое предполагалось возложить на федеральный бюджет. Бюджет не выдержал бы такой нагрузки, и окончательно часть финансирования была возложена на конечного промышленного потребителя (постепенный перенос бремени составлял от 0,3% до 3% к 2030 г.).

Следующим этапом стал этап построения и локализации нескольких отраслей промышленности по производству основного вида оборудования для возобновляемых источников энергии. Вслед за этим предусмотрены дальнейшее развитие возобновляемых источников энергии и подключение к основным электросетям и вопросы электросетевого хозяйства, а также проработка законодательства в данной области.

Начало работы указанного кластера является значительным шагом как с точки зрения экономического развития, так и в области охраны окружающей среды, поскольку возобновляемые источники энергии относятся к так называемой «зеленой» экономике и способствуют уменьшению количества потребляемых полезных ископаемых и топлива для производства электроэнергии. Их внедрение влияет также на снижение количества выбросов в атмосферный воздух²¹, что позволяет прогнозировать и снижение углеродного следа конкретной страны. Тем самым внедрение возобновляемых источников энергии выступает одной из мер, принимаемых для обеспечения соблюдения требований международных договоров в области изменений климата и смягчения последствий таких изменений, в частности Парижского соглашения.

Согласно Доктрине энергетической безопасности Российской Федерации Россия «входит в число мировых лидеров по запасам углеводо-

²¹ URL: <https://minenergo.gov.ru/node/21596> (дата обращения: 30.11.2021).

родного сырья» (п. б)²². Однако запасы полезных ископаемых исчерпаемы, и в какой-то момент придется отказаться от постоянного их использования. Кроме того, надо учитывать общую ориентацию мира на отказ от природных ресурсов и переход при производстве товаров на «зеленые рельсы».

Между тем, по мнению руководства страны, существует альтернатива развитию возобновляемых источников энергии в рамках борьбы с изменениями климата, и это атомная энергетика. Так, в феврале 2022 г. был предложен федеральный проект «Новая атомная энергетика, в том числе малые атомные реакторы для удаленных территорий», который «получит дополнительные 56 млрд рублей из Фонда национального благосостояния»²³. Итоги соответствующих реформ предстоит оценить через некоторое время. Как заметил заместитель Председателя Правительства Российской Федерации А. Новак, 85,6% электроэнергии произведено на безуглеродных или низкоуглеродных источниках [Новак, А., 2020, с. 8].

Обсуждение и заключение

Безусловно, «наша страна уникальна по своей специфике на мировом энерголандшафте» [Азиева, Р. Х., 2020, с. 21], но сколь бы значительны запасы ни были, они исчерпаемы.

На данный момент реализация внедрения в энергетический сектор возобновляемых источников энергии признана одним из вариантов реализации задач политики России в области климата, закрепленных в Климатической доктрине Российской Федерации. Возможность принятия таких мер в рамках энергетического сектора – достаточно трудоемкий и тяжело продвигающийся процесс для страны, которая «сидит на нефтяной игле», что обусловлено наличием значительного количества полезных ископаемых при значительной протяженности территории, политическими аспектами, экономическими реалиями и сложившимися особенностями всех видов производств в Российской Федерации.

В России на данный момент объем возобновляемых источников энергии в совокупности в общей энергетике равен 1%, к 2035 г. будет

²² Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2019 г. № 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 20. Ст. 2421.

²³ Заместитель Председателя Правительства Российской Федерации А. Новак представил федеральный проект «Новая атомная энергетика, в том числе малые атомные реакторы для удаленных территорий». Реализация этого проекта позволит сохранить мировое лидерство России в ядерных энерготехнологиях и борьбе с изменениями климата, а также увеличить долю низкоуглеродной генерации в энергобалансе страны. URL: <https://www.atomic-energy.ru/news/2022/02/14/121935> (дата обращения: 04.02.2023).

составлять 5% [Алексеев, С., 2019]. Согласно докладу БРИКС²⁴ Россия обеспечивает 16 % мировой торговли энергоресурсами, экспортируя около половины произведенной первичной энергии, и удержит позиции одного из крупнейших поставщиков энергоресурсов на мировые рынки.

Проведенное исследование позволило сформулировать ряд выводов.

1. Имеется необходимость дальнейшего правового регулирования возобновляемых источников энергии.

2. В настоящее время правовое регулирование в области возобновляемых источников энергии осуществляется главным образом на основании подзаконных нормативных правовых актов, в том числе актов регионального уровня [Игнатъева, И. А., 2022].

3. Как на федеральном уровне, так и на региональном особую группу актов, «...содержащих положения о возобновляемой энергетике, составляют документы стратегического планирования в сфере энергетики» [Игнатъева, И. А., 2022, с. 34].

4. До сих пор остается открытым вопрос о необходимости повсеместной поддержки использования возобновляемых источников энергии. Очевидно полезное внедрение возобновляемых источников энергии трудновыполнимо вследствие огромных финансовых затрат.

5. Членство России в различных международных организациях, занимающихся вопросами возобновляемых источников энергии (например, с 2015 г. – Международном агентстве по возобновляемым источникам энергии (IRENA), свидетельствует о стремлении Российской Федерации к изменениям в рассматриваемой области.

6. Отказ от загрязняющих технологий приведет к расширению взаимодействия России в экономическом плане с другими государствами.

Список источников

Азиева Р. Х. Стратегия как ориентир развития нефтегазовых компаний в условиях цифровой трансформации экономики // Казанский экономический вестник. 2020. № 4 (48). С. 21–28.

Алексеев С. Не откладывая на завтра. Почему необходимо осваивать возобновляемые источники энергии // Российская газета – Экономика Сибири. 2019. 24 июля. URL: <https://rg.ru/2019/07/24/reg-sibfo/pochemu-neobhodimo> (дата обращения: 05.02.2023).

²⁴ Energy Report, Brics, 2020.

Выпханова Г. В., Жаворонкова Н. Г. Инновации в энергетике: организационно-правовые аспекты // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 1. С. 189–203.

Грищенко А. И. Ядерная энергетика и энергопереход // Право и бизнес. 2022. № 2. С. 13–18.

Игнатьева И. А. Правовое регулирование использования возобновляемых источников энергии в субъектах Российской Федерации // Право и бизнес. 2022. № 2. С. 27–35.

Кичигин Н. В., Хлуденева Н. И. Правовые механизмы углеродного регулирования в Российской Федерации // Экологическое право. 2022. № 3. С. 10–16.

Краснова И. О. Акты государственной экологической политики: прав о неправо // Правовые акты и правовые договоры: проблемы теории и практики : материалы XV Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. В. Н. Власенко. М. : ЭкОонис-экологически чистые технологии, 2021. С. 418–424.

Краснова И. О. Зарубежный опыт правового регулирования использования возобновляемых источников энергии // Экологическое право. 2019. № 4. С. 23–29.

Крысанова Н. В. Новаторские подходы к использованию энергетических ресурсов: политико-правовые аспекты обеспечения «зеленой» энергетики // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право : РЖ. 2021. № 3. С. 109–117.

Матвеева Е. В., Новикова Е. В., Пономарев М. В. Изменение климата: правовое регулирование в Российской Федерации // Экологическое право. 2022. № 3. С. 22–28.

Новак А. От плана ГОЭЛРО к энергетике будущего // Энергетическая политика. 2020. № 12 (154). С. 4–15. DOI: 10.46920/2409-5516_2020_12154_4.

Семенович К. С. Правовое регулирование альтернативной энергетики в России // East European Scientific Journal. 2020. № 5. С. 45–49.

Символоков О. А. Правовое обеспечение развития технологий использования возобновляемых источников энергии // Журнал российского права. 2020. № 9. С. 53–67.

Buchner B., Dall’Olio S. Russia and the Kyoto Protocol: The Long Road to Ratification // Transition Studies Review. 2005. Vol. 12, issue 2. P. 349–382. DOI: 10.1007/s11300-005-0066-8.

Bykovsky V. International legal regulation of combating global warming and the approaches of Russia and CIS countries to ratify the Par-

is agreement on climate change 12.12.2015 // *International Cooperation of Eurasian States: Politics, Economics, Law*. 2017. No. 1. P. 100–108.

Koch N., Tynkkynen V. P. The Geopolitics of Renewables in Kazakhstan and Russia // *Geopolitics*. 2021. Vol. 26, issue 2. P. 521–540. DOI: 10.1080/14650045.2019.1583214.

Kozlova M., Collan M., Overland I. Russian Renewable Energy: Regulations and outcomes // *Routledge Handbook of Energy Law* / eds. T. Hunter, I. Herrera, P. Crossley, G. Alvarez. London ; New York : Routledge, 2020. P. 200–217. ISBN: 978-1-138-32445-9 (hbk); ISBN: 978-0-429-45089-1 (ebk).

Vasileva E., Viljainen S., Sulamaa P., Kuleshov D. RES support in Russia: Impact on capacity and electricity market prices // *Renewable Energy*. 2015. No. 76. P. 82–90.

References

Alekseenko, S., 2019. [Without putting it off until tomorrow. Why it is necessary to develop renewable energy sources]. *Rossiyskaya gazeta – Ekonomika Sibiri* = [Rossiyskaya Gazeta – Economics of Siberia], 24 July. (In Russ.) URL: <https://rg.ru/2019/07/24/reg-sibfo/pochemu-neobhodimo> [Accessed: 5 February 2023].

Azieva, R. H., 2020. [Strategy as a guideline for the development of oil and gas companies in the conditions of digital transformation of the economy]. *Kazanskij ekonomicheskij vestnik* = [Kazan Economic Bulletin], 4, pp. 21–28. (In Russ.)

Buchner, B., Dall’Olio, S., 2005. Russia and the Kyoto Protocol: The Long Road to Ratification. *Transition Studies Review*, 12(2), pp. 349–382. DOI:10.1007/s11300-005-0066-8.

Bykovsky, V., 2017. International legal regulation of combating global warming and the approaches of Russia and CIS countries to ratify the Paris agreement on climate change 12.12.2015. *International Cooperation of Eurasian States: Politics, Economics, Law*, 1, pp. 100–108.

Grishchenko, A. I., 2022. [Nuclear power engineering and energy transition]. *Pravo i biznes* = [Law and Business], 2, pp. 13–18. (In Russ.)

Ignatieva, I. A., 2022. [Legal regulation of the use of renewable energy sources in the subjects of the Russian Federation]. *Pravo i biznes* = [Law and Business], 2, pp. 27–35. (In Russ.)

Kichigin, N. V., Khludeneva, N. I., 2022. Legal mechanisms of carbon regulation in the Russian Federation. *Ekologicheskoye pravo* = [Environmental Law], 3, pp. 10–16. (In Russ.)

Koch, N., Tynkkynen, V. P., 2021. The Geopolitics of Renewables in Kazakhstan and Russia. *Geopolitics*, 26(2), pp. 521–540. DOI: 10.1080/14650045.2019.1583214.

Kozlova, M., Collan, M., Overland, I., 2020. Russian Renewable Energy: Regulations and outcomes. In: T. Hunter, I. Herrera, P. Crossley, G. Alvarez, eds. *Routledge Handbook Of Energy Law*. London; New York: Routledge. Pp. 200–217. ISBN: 978-1-138-32445-9 (hbk); ISBN: 978-0-429-45089-1 (ebk).

Krasnova, I. O., 2019. [Foreign experience of legal regulation of the use of renewable energy sources]. *Ekologicheskoe pravo* = [Environmental Law], 4, pp. 23–29. (In Russ.)

Krasnova, I. O., 2021. [Acts of the state environmental policy: right about wrong]. In: V. N. Vlasenko, ed. *Pravovye akty i pravovye dogovory: problemy teorii i praktiki* = [Legal acts and legal contracts: problems of theory and practice]. Materials of the XV International Scientific and Practical Conference. Moscow: EkOOnis-ekologicheskii chistyye tekhnologii. Pp. 418–424. (In Russ.)

Krysanova, N. V., 2021. [Innovative approaches to the use of energy resources: political and legal aspects of ensuring “green” energy]. *Sotsial’nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 4: Gosudarstvo i pravo* = [Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Series 4. State and Law]. An abstract journal, 3, pp. 109–117. (In Russ.)

Matveeva, E. V., Novikova, E. V., Ponomarev, M. V., 2022. Climate Change: Legal Regulation in the Russian Federation. *Ekologicheskoye pravo* = [Ecological Law], 3, pp. 22–28. (In Russ.)

Novak, A., 2020. [From the GOELRO plan to the energy of the future]. *Energeticheskaya politika* = [Energy Policy], 12, pp. 4–15. (In Russ.) DOI: 10.46920/2409-5516_2020_12154_4.

Semenovich, K. S., 2020. [Legal regulation of alternative energy in Russia]. *East European Scientific Journal*, 5, pp. 45–49. (In Russ.)

Symvolokov, O. A., 2020. Legal support for the development of technologies for the use of renewable energy sources. *Zhurnal rossiyskogo prava* = [Journal of Russian Law], 9, pp. 53–67. (In Russ.)

Vasileva, E., Viljainen, S., Sulamaa, P., Kuleshov, D., 2015. RES support in Russia: Impact on capacity and electricity market prices. *Renewable Energy*, 76, pp. 82–90.

Vypkhanova, G. V., Zhavoronkova, N. G., 2021. Innovations in the energy sector: organizational and legal aspects. *Aktual’nyye problemy rossiyskogo prava* = [Actual Problems of Russian Law], 1, pp. 189–203. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Алексеева Надежда Анатольевна, кандидат юридических наук, заместитель заведующего кафедрой земельного и экологического права по учебно-методической работе, доцент кафедры Российского государственного университета правосудия (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).

Nadezhda A. Alekseeva, Cand. Sci. (Law), Deputy Head of the Land and Environmental Law Department for Educational and Methodological Work, Associate Professor of the Department, Russian State University of Justice (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Дата поступления рукописи в редакцию издания: 23.01.2023; дата одобрения после рецензирования: 06.02.2023; дата принятия статьи к опубликованию: 27.02.2023.

Submitted: 23.01.2023; reviewed: 06.02.2023; revised: 27.02.2023.

Научная статья

УДК 349.6

DOI: 10.37399/2686-9241.2023.1.134-156

Разрешение судами дел об административных правонарушениях, связанных с негативным воздействием на окружающую среду

Алексей Сергеевич Ширококов¹, Лю Хуньянь²

¹ *Российский государственный университет правосудия, Москва, Российская Федерация*

² *Институт права, Китайская академия общественных наук, Пекин, Китайская Народная Республика*

¹ *kafzem@rsuj.ru*, ² *biejialiu@163.com*

Аннотация

Введение. Статья посвящена исследованию проблем, возникающих при разрешении судами дел об административных правонарушениях, связанных с осуществлением основных видов негативного воздействия (выбросов, сбросов загрязняющих веществ и образования отходов производства и потребления).

Теоретические основы. Методы. Теоретической основой проведенного исследования явился анализ реформированной системы экологического нормирования и одного из механизмов ее обеспечения – административной ответственности за нарушение соответствующих экологических требований. В работе использованы общенаучные методы исследований (синтеза и анализа, аналогии); специальные научные методы (сравнительно-правовой, логический, исторический).

Результаты исследования. Составы административных правонарушений, предусматривающих ответственность за нарушение правил охраны атмосферного воздуха, нарушение правил охраны вод и правил водопользования, нарушение требований в области обращения с отходами, рассмотрены с учетом основных принципов действующей системы экологического нормирования и особенностей разрешительного порядка негативного воздействия для различных категорий объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду. *Обсуждение и заключение.* Раскрыты проблемы квалификации соответствующих деяний и перечень юридических обстоятельств, которые следует установить при рассмотрении данной категории дел. Даны рекомендации по совершенствованию ст. 8.13, 8.14, 8.21, 8.47 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, приведены позиции высших судов, касающиеся отнесения к отходам отдельных веществ и предметов.

Ключевые слова: экологическое нормирование, наилучшие доступные технологии, нормативы допустимых выбросов, нормативы допустимых сбросов, раз-

решение на выбросы и сбросы загрязняющих веществ, отходы производства и потребления

Для цитирования: Широбоков А. С., Лю Хунянь. Разрешение судами дел об административных правонарушениях, связанных с негативным воздействием на окружающую среду // Правосудие/Justice. 2023. Т. 5, № 1. С. 134–156. DOI: 10.37399/2686-9241.2023.1.134-156.

Original article

Resolution by the Courts of Cases of Administrative Offenses Related to the Negative Impact on the Environment

Aleksey S. Shirobokov¹, Liu Hongyan²

¹ Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation

² Institute of Law, Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, People's Republic of China

For correspondence: ¹ kafzem@rsuj.ru, ² biejialiu@163.com

Abstract

Introduction. The article is devoted to the study of problems arising when courts resolve cases of administrative offences related to the implementation of the main types of negative environmental impact (for example, emissions, discharges of pollutants and the formation of production and consumption waste).

Theoretical Basis. Methods. The theoretical basis of the study was the analysis of the reformed environmental regulation system and one of the mechanisms for its provision – administrative responsibility for violation of the relevant environmental requirements. The work uses general scientific methods of research (synthesis and analysis, analogies); special scientific methods (comparative legal, logical, historical).

Results. The compositions of administrative offenses providing for responsibility for violation of the rules for the protection of atmospheric air, violation of the rules for the protection of waters and the rules for water use, violation of the requirements in the field of waste management, are considered on the basis of the basic principles of the current environmental standardisation system and the specifics of the permitting order of negative impact for various categories of objects that have a negative impact on the environment.

Discussion and Conclusion. The problems of qualification of the relevant acts and the list of legal circumstances to be established when considering this category of cases are disclosed. Recommendations are given on improving Articles 8.13, 8.14, 8.21, 8.47 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, the legal positions of higher courts on classifying individual substances and materials as waste.

Keywords: environmental standardization, the best available technologies, standards of permissible emissions, standards of permissible discharges, permission for emissions and discharges of pollutants, production and consumption waste

For citation: Shirobokov, A. S., Liu, Hongyan, 2023. Resolution by the courts of cases of administrative offenses related to the negative impact on the environment. *Pravosudie/Justice*, 5(1), pp. 134–156. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2023.1.134-156.

Введение

Рассмотрение судами дел об административных правонарушениях, связанных с негативным воздействием на окружающую среду, осложнено необходимостью системных знаний отраслевых природоресурсных правовых актов, технологических особенностей современных производств, специфики действующей системы экологического нормирования, предотвращающей и/или ограничивающей вредное воздействие на окружающую среду. Указанные обстоятельства требуют самостоятельного исследования данной категории дел, выявления особенностей их рассмотрения и установления связанных с этим проблем.

Теоретические основы. Методы

Теоретической базой исследования послужил анализ действующей системы экологического нормирования как основы регулирования такого негативного воздействия на окружающую среду и сохранения благоприятной окружающей среды. Понятие благоприятной окружающей среды, которая подвергается негативному воздействию, в работе рассматривается в узком его понимании только как нарушение хозяйствующим субъектом установленных нормативов допустимого воздействия на окружающую среду (нормативов допустимых выбросов, нормативов допустимых сбросов, нормативов в области обращения с отходами производства и потребления) [Брусницына, С. В., Кузнецова, О. В., 2020], что обусловлено задачами настоящего исследования. При этом нами разделяется широкое понимание критериев благоприятности окружающей среды [Бринчук, М. М., 2019] и соответствующих данным критериям видов оказываемого негативного воздействия на окружающую среду. Административная ответственность за негативное воздействие на окружающую среду – один из эффективных правовых механизмов его предотвращения. С учетом реформы системы экологического нормирования соответствующее административно-деликтное законодательство должно учитывать конституционный принцип равенства всех перед законом, означающий, что любое административное правонарушение, как и санкции за него, требует четкого определения в законе, причем таким образом, чтобы исходя непосредственно из нормы (в случае необходимости – с помощью толкования, данного ей судами) каждый мог предвидеть административно-правовые последствия своих действий (бездействия)¹. Исследуются вопросы соразмерности данных

¹ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 июля 2021 г. № 39-П «По делу о проверке конституционности положений части 2 статьи 2.1, части 2 статьи 2.2, части 1 статьи 4.5 и части 1 статьи 11.15.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Востокфлот» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 31. Ст. 5988.

принципов соответствующим составам административных правонарушений и проблемы разрешения судами данной категории споров. В качестве методологической основы использованы общенаучные методы исследований (синтеза и анализа, аналогии); специальные научные методы (сравнительно-правовой, логический, исторический).

Результаты исследования

Для начала определим круг рассматриваемых судами дел об административных правонарушениях, которые составляют данную относительно обособленную категорию. Для этого обратимся к понятийному аппарату Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»² (Закон об охране окружающей среды). Под негативным воздействием на окружающую среду понимается *воздействие хозяйственной и иной деятельности, последствия которой приводят к негативным изменениям качества окружающей среды* (ст. 1). В той же статье качество окружающей среды – это состояние окружающей среды, которое характеризуется физическими, химическими, биологическими и иными показателями и (или) их совокупностью. Естественно-научный подход, используемый при формулировке указанных понятий, не позволяет выявить их правовые критерии и исчерпывающим образом охватить содержание, формы, виды негативного воздействия на окружающую среду.

Критериями изменения качества окружающей среды являются нормативы качества окружающей среды, устанавливаемые в соответствии с физическими, химическими, биологическими и иными показателями. Одними из основных видов негативного воздействия, влияющих на изменение вышеуказанных показателей, являются выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, сбросы загрязняющих веществ в водные объекты, отходы производства и потребления.

Нормирование в области охраны окружающей среды, а также обусловленный данной системой разрешительный порядок негативного воздействия являются основой правового ограничения негативного воздействия на окружающую среду. Реформа системы нормирования воздействий на основе наилучших доступных технологий 2014 г. неизбежно влияет и на правовые регуляторы ее обеспечения, в том числе осуществляемый установлением административной ответственности за нарушение соответствующих эколого-правовых норм. На практике возникают проблемы разрешения судами дел об административных правонарушениях, связанных с ограничением негативного воздействия на окружающую среду путем установления экологических нормативов.

Остановимся на некоторых проблемах по основным видам негативного воздействия и соответствующим составам административных

² Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 2. Ст. 133.

правонарушений, *рассматриваемых судьями* (ч. 1–6 ст. 8.2 «Несоблюдение требований в области охраны окружающей среды при обращении с отходами производства и потребления», ч. 1 ст. 8.14 «Нарушение правил водопользования», ч. 1 и 3 ст. 8.21 «Нарушение правил охраны атмосферного воздуха» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ³ (КоАП РФ).

Нарушение правил охраны атмосферного воздуха (ч. 1 и 3 ст. 8.21 КоАП РФ)

Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 219-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об охране окружающей среды” и отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴ (Закон № 219-ФЗ) разделил все объекты негативного воздействия в зависимости от уровня такого воздействия на четыре категории⁵ и установил дифференцированный подход к нормированию допустимого воздействия для различных категорий объектов. Постановлением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2020 г. № 2398⁶ утверждены критерии отнесения объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, к объектам I, II, III и IV категорий.

Основным видом нормативов допустимого воздействия для лиц, эксплуатирующих объекты I категории, в соответствии со ст. 23 Федерального закона об охране окружающей среды являются технологические нормативы.

Закон № 219-ФЗ также определил, что юридические лица и индивидуальные предприниматели, планирующие строительство объектов I и II категорий (при проведении оценки воздействия на окружающую среду), а также осуществляющие хозяйственную и (или) иную деятельность на объектах II категории, осуществляют расчет нормативов допустимых выбросов (НДВ) и сбросов (НДС) загрязняющих веществ (согласно п. 2 ст. 22 Закона об охране окружающей среды). Перечень веществ,

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 30 (ч. I). Ст. 4220.

⁵ В соответствии с п. 1 ст. 4.2 Федерального закона «Об охране окружающей среды» объекты I категории – объекты, оказывающие значительное негативное воздействие на окружающую среду и относящиеся к областям применения наилучших доступных технологий; объекты II категории – объекты, оказывающие умеренное негативное воздействие на окружающую среду; объекты III категории – объекты, оказывающие незначительное негативное воздействие на окружающую среду; объекты IV категории – объекты, оказывающие минимальное негативное воздействие на окружающую среду.

⁶ Постановление Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2020 г. № 2398 «Об утверждении критериев отнесения объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, к объектам I, II, III и IV категорий» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 2 (ч. II). Ст. 447.

в отношении которых рассчитываются данные нормативы, ничем не ограничен.

Пунктом 9 Положения о предельно допустимых выбросах, временно разрешенных выбросах, предельно допустимых нормативах вредных физических воздействий на атмосферный воздух и разрешениях на выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух (утверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 9 декабря 2020 г. № 2055)⁷ конкретизировано, что для объектов I категории осуществляется расчет нормативов допустимых выбросов и сбросов загрязняющих веществ *только* в отношении *радиоактивных, высокотоксичных веществ, веществ, обладающих канцерогенными, мутагенными свойствами (веществ I, II класса опасности)*⁸. Положение об ограниченном перечне загрязняющих веществ, в отношении которых утверждаются НДВ, очевидно, заимствовано из п. 3, 10 ст. 31.1 Закона об охране окружающей среды, где закреплено содержание заявки на комплексное экологическое разрешение (КЭР) и самого КЭР.

Объекты II категории обязаны разработать НДВ и НДС загрязняющих веществ, проекты нормативов образования отходов производства и потребления и лимитов на их размещение (НООЛР). Владельцы данных объектов при осуществлении хозяйственной деятельности обязаны представить декларацию о воздействии на окружающую среду (п. 1 ст. 31.2 Закона об охране окружающей среды). Форма декларации о воздействии на окружающую среду и порядок ее заполнения утверждены приказом Минприроды России от 11 октября 2018 г. № 509. Расчеты вышеуказанных нормативов владельцами объектов II категории представляются в качестве обязательного приложения к Декларации о воздействии на окружающую среду.

На объектах III категории предусмотрен расчет НДВ и НДС только в отношении радиоактивных, высокотоксичных веществ, веществ, обладающих канцерогенными, мутагенными свойствами (веществ I, II класса опасности), при наличии таких веществ в выбросах, сбросах загрязняющих веществ. С 1 января 2019 г. владельцы объектов III категории не обязаны получать разрешения на выбросы, сбросы загрязняющих веществ.

Для объектов IV категории не требуется рассчитывать НДВ и НДС, проекты НООЛР. Лица, эксплуатирующие объекты IV категории, осво-

⁷ Постановление Правительства Российской Федерации от 9 декабря 2020 г. № 2055 «О предельно допустимых выбросах, временно разрешенных выбросах, предельно допустимых нормативах вредных физических воздействий на атмосферный воздух и разрешениях на выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 51. Ст. 8444.

⁸ Классы опасности загрязняющих веществ определяются в соответствии с санитарными правилами.

бождены от обязанности представлять декларацию о воздействии на окружающую среду или отчетность в области обращения отходов.

Обновленная система экологического нормирования сократила перечень нормируемых загрязняющих веществ. Это вызвано необходимостью осуществлять контрольно-надзорные мероприятия только в отношении наиболее опасных и распространенных загрязняющих веществ и ограниченностью технической возможности осуществлять такой контроль за всеми выделяемыми веществами. Перечень загрязняющих веществ, в отношении которых применяются меры государственного регулирования в области охраны окружающей среды, утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 июля 2015 г. № 1316-р⁹.

Следует отметить, что для владельцев объектов I категории предусмотрен специальный состав правонарушения – осуществление хозяйственной и (или) иной деятельности *без комплексного экологического разрешения* (ст. 8.47 КоАП РФ): *осуществление хозяйственной и (или) иной деятельности на объектах, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, без комплексного экологического разрешения, если получение такого разрешения является обязательным*. Ключевым признаком данного состава правонарушения является установленная *обязательность* получения КЭР.

Переходными положениями Закона № 219-ФЗ предусмотрены следующие предельные сроки по *обязательной* подаче заявки на КЭР: для 300 объектов I категории, включенных в специальный перечень, утвержденный приказом Минприроды России от 18 апреля 2018 г. № 154¹⁰, с 1 января 2019 г. до 31 декабря 2022 г.¹¹, остальным – до 1 января 2025 г. При этом с 1 января 2019 г. и до получения КЭР *допускается* выдача или переоформление разрешений и документов в порядке, установленном Правительством Российской Федерации или упол-

⁹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 июля 2015 г. № 1316-р «Об утверждении перечня загрязняющих веществ, в отношении которых применяются меры государственного регулирования в области охраны окружающей среды» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 29 (ч. II). Ст. 4524.

¹⁰ Приказ Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 18 апреля 2018 г. № 154 «Об утверждении перечня объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, относящихся к I категории, вклад которых в суммарные выбросы, сбросы загрязняющих веществ в Российской Федерации составляет не менее чем 60 процентов» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru.

¹¹ Федеральным законом от 26 марта 2022 г. № 71-ФЗ (Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 13. Ст. 1960) отсрочена дата по направлению заявки на получение КЭР предприятиям из списка «300» до 31 декабря 2024 г. (на 2 года).

номоченным им федеральным органом исполнительной власти¹². Такие разрешения и документы действуют до дня получения КЭР.

Изложенное ставит закономерный вопрос: кто может быть субъектом административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 8.21 КоАП РФ?

Представляется, что субъектами данного правонарушения могут являться все юридические лица и индивидуальные предприниматели, на которых возложена обязанность получения индивидуального разрешения на выброс. Таковыми являются владельцы объектов I категории, которые осуществляют хозяйственную и (или) иную деятельность на объектах, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, до получения КЭР до 31 декабря 2024 г. в отношении «300» объектов I категории и до 1 января 2025 г. – в отношении остальных объектов I категории.

Еще один вид разрешения, деятельность в отсутствие которого также следует квалифицировать по ч. 1 ст. 8.21 КоАП РФ, – это разрешение на временно разрешенные выбросы. Данное разрешение для объектов I категории выдается до получения в установленные правовыми актами Российской Федерации сроки КЭР при невозможности соблюдения НДС. Выбросы объектами II категории (за исключением объектов, получающих КЭР) и объектами III категории при невозможности соблюдения НДС (за исключением радиоактивных веществ) также осуществляются на основании разрешения на временно разрешенные выбросы (ВРВ). Поэтому владельцы объектов I (до получения КЭР), II и III категорий при невозможности соблюдения НДС, действующие без получения разрешения на временно разрешенные выбросы, также могут быть привлечены к ответственности по ч. 1 ст. 8.21 КоАП РФ.

С учетом изложенного выше для правильного рассмотрения дел об административном правонарушении, связанном с выбросом вредных веществ в атмосферный воздух или вредным физическим воздействием на него *без специального разрешения* (ч. 1 ст. 8.21 КоАП РФ), необходимо устанавливать в числе прочего следующие обстоятельства:

- категорию объекта негативного воздействия и применяемый в зависимости от этого порядок нормирования выбросов и получения разрешительной документации на осуществление выбросов;
- все стационарные источники выбросов загрязняющих веществ;

¹² Порядок выдачи таких разрешений установлен приказом Росприроднадзора от 6 июля 2020 г. № 776 «Об утверждении Административного регламента Федеральной службы по надзору в сфере природопользования по предоставлению государственной услуги по установлению нормативов допустимых выбросов, временно разрешенных выбросов и выдаче разрешения на выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух (за исключением радиоактивных)» (Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>).

- сопоставление перечня выявленных при проверке загрязняющих веществ с перечнем загрязняющих веществ, в отношении которых применяются меры правового регулирования в области охраны окружающей среды, утвержденным распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 июля 2015 г. № 1316-р (для объектов I категории до получения КЭР, для объектов I, II, III категорий при необходимости получения разрешения на ВРВ), или с перечнем радиоактивных, высокотоксичных веществ, веществ, обладающих канцерогенными, мутагенными свойствами (веществ I, II класса опасности), для объектов I категории до получения КЭР и объектов III категории при необходимости получения разрешения на ВРВ;
- факт отсутствия разрешения на выброс или прекращения его действия в период проведения проверки и др.

Объективная сторона административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 8.21 КоАП РФ, выражается в нарушении условий специального разрешения на выброс вредных веществ в атмосферный воздух. Перечень условий разрешения на выброс в законе не установлен, что не способствует реализации принципа правовой определенности. Указанные условия частично содержатся в форме разрешения на выброс загрязняющих веществ, утвержденной приказом Росприроднадзора от 6 июля 2020 г. № 776 «Об утверждении Административного регламента Федеральной службы по надзору в сфере природопользования по предоставлению государственной услуги по установлению нормативов допустимых выбросов, временно разрешенных выбросов и выдаче разрешения на выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух (за исключением радиоактивных)» (Приложение 7). Так, нарушение условий действия разрешения на выбросы состоит в превышении разрешенного выброса загрязняющего вещества в пределах установленных нормативов выбросов (г/с, т/г), а при невозможности соблюдения НДС – в нарушении утвержденного плана мероприятий по снижению выбросов, загрязняющих атмосферный воздух, на период поэтапного достижения НДС и сроков его реализации. Осуществление выбросов *загрязняющего вещества*, не предусмотренного разрешением на выбросы, необходимо квалифицировать по ч. 1 ст. 8.21 КоАП РФ.

Часть 3 ст. 8.21 КоАП РФ¹³ непосредственно с нормированием воздействий не связана, но направлена на обеспечение соблюдения условий выданного разрешения на выброс. Статья 8.51 КоАП РФ является

¹³ «Нарушение правил эксплуатации, неиспользование сооружений, оборудования или аппаратуры для очистки газов и контроля выбросов вредных веществ в атмосферный воздух, которые могут привести к его загрязнению, либо использование неисправных указанных сооружений, оборудования или аппаратуры, за исключением случаев, предусмотренных статьей 8.51 настоящего Кодекса».

специальной по отношению к ч. 3 ст. 8.21 КоАП РФ, поскольку распространяется только на владельцев объектов I категории, стационарные источники негативного воздействия которых должны быть оснащены автоматическими средствами измерения и учета показателей выбросов загрязняющих веществ и (или) сбросов загрязняющих веществ, а также техническими средствами фиксации и передачи данной информации в государственный реестр объектов негативного воздействия.

Нарушение правил водопользования (ч. 1 ст. 8.14 КоАП РФ)

Проблемы разрешения дел об административных правонарушениях, связанных с осуществлением сбросов загрязняющих веществ в водные объекты, целесообразно рассмотреть путем сопоставления двух составов: за нарушение требований к охране водных объектов, которое может повлечь их загрязнение, засорение и (или) истощение (ч. 4 ст. 8.13 КоАП РФ), и за нарушение правил водопользования при заборе воды, без изъятия воды и при сбросе сточных вод в водные объекты (ч. 1 ст. 8.14 КоАП РФ).

Конструкции составов вышеуказанных административных правонарушений сформулированы достаточно широко и охватывают совокупность правил водопользования, предусмотренных главой 5 Водного кодекса Российской Федерации от 3 июня 2006 г. № 74-ФЗ¹⁴ (ВК РФ), и правил охраны водных объектов, предусмотренных главой 6 ВК РФ.

При разграничении составов данных правонарушений в части нарушения требований о нормировании сбросов загрязняющих веществ и получения разрешений на сбросы следует определить связь нормирования сбросов с отношениями по охране и использованию водных объектов.

Нормирование сбросов загрязняющих веществ преследует цель охраны водных объектов от загрязнения. Также с помощью нормативов допустимых сбросов регулируется порядок использования водных объектов для целей сброса сточных вод. Отсюда нарушение требований по нормированию сбросов загрязняющих веществ может характеризовать объективную сторону как ч. 4 ст. 8.13, так и ч. 1 ст. 8.14 КоАП РФ. Для разграничения данных составов нормирование сбросов следует рассматривать и как элемент водоохранного регулирования, и как одно из условий водопользования.

Нормирование в области охраны окружающей среды традиционно является одним из основных элементов правового регулирования охраны окружающей среды [Ширококов, А. С., 2007, с. 30]. Поэтому при сбросе загрязняющих веществ в водный объект без утвержденных нормативов сброса нарушаются *правила охраны водных объектов*. Право-

¹⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 23. Ст. 2381.

вые основы установления нормативов допустимых сбросов закреплены в базовом природоохранном законе – Федеральном законе об охране окружающей среды. Согласно п. 1 ст. 19 данного Закона нормирование в области охраны окружающей среды осуществляется в целях гарантирующего сохранения благоприятной окружающей среды и обеспечение экологической безопасности государственного регулирования хозяйственной и (или) иной деятельности для предотвращения и (или) снижения ее негативного воздействия на окружающую среду, что составляет суть охраны окружающей среды. Требование о необходимости нормирования допустимого воздействия на водные объекты как меры по охране водных объектов содержится в главе 6 ВК РФ (ст. 56), что еще раз подтверждает изложенное.

В статьях 12–14, 21–23 ВК РФ определяются условия договорных и разрешительных правоустанавливающих документов на водные объекты. Следует согласиться с Д. О. Сиваковым в том, что при совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 8.14 КоАП РФ, «виновные лица нарушают условия, параметры и ограничения водопользования (определенные законодателем и отраженные в правоустанавливающих документах)» [Ноздрачев, А. Ф., и др., 2021, с. 275]. Согласно постановлению Правительства от 19 января 2022 г. № 18 «О подготовке и принятии решения о предоставлении водного объекта в пользование»¹⁵ нарушение согласованных условий водопользования может выражаться в сбросе сточных вод в месте, отличном от указанного в решении, превышении объема сброса сточных вод, нарушении требований к качеству воды в водных объектах в местах сброса сточных вод.

Разрешение на сброс устанавливает перечень и количество загрязняющих веществ, разрешенных к сбросу по конкретному выпуску, фиксируя расход сточных и (или) дренажных вод ($\text{м}^3/\text{час}$), допустимую концентрацию загрязняющего вещества на выпуске сточных вод в пределах НДС ($\text{мг}/\text{дм}$), разрешенный сброс загрязняющего вещества в пределах НДС ($\text{т}/\text{год}$)¹⁶. Нарушение указанных параметров разрешения на сброс также является объективной стороной административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 8.14 КоАП РФ.

Таким образом, при превышении водопользователем *утвержденных* нормативов допустимых сбросов и нарушении тем самым условий

¹⁵ Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 4. Ст. 645.

¹⁶ Приказ Росприроднадзора от 17 августа 2020 г. № 1022 «Об утверждении Административного регламента Федеральной службы по надзору в сфере природопользования предоставления государственной услуги по выдаче разрешений на сбросы загрязняющих веществ (за исключением радиоактивных веществ) и микроорганизмов в водные объекты». Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

разрешения речь идет о нарушении правил пользования водными объектами для целей сброса.

Для определения правильной квалификации смежных составов административных правонарушений (ч. 4 ст. 8.13 и ч. 1 ст. 8.14 КоАП РФ) необходимо установить следующие юридически значимые обстоятельства:

- категорию объекта негативного воздействия и применяемый в связи с этим порядок нормирования допустимого воздействия и получения разрешительной документации на сбросы;
- все имеющиеся выпуски сточных вод;
- соотношение перечня сбрасываемых загрязняющих веществ с перечнем загрязняющих веществ, в отношении которых применяются меры правового регулирования в области охраны окружающей среды, утвержденным распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 июля 2015 г. № 1316-р;
- факт отсутствия разрешения на сброс на период проверки или прекращения его действия.

При выявлении сбросов загрязняющих веществ, в отношении которых применяются меры правового регулирования, владельцами объектов I категории без утвержденных нормативов допустимых сбросов и разрешений на сброс до 1 января 2025 г.¹⁷, а также владельцами объектов II и III категории без утвержденных нормативов допустимых сбросов совершенное деяние следует квалифицировать по ч. 4 ст. 8.13 КоАП РФ. Нарушение условий водопользования, выразившееся в превышении количества загрязняющих веществ, разрешенных к сбросу по конкретному выпуску, по таким параметрам, как расход сточных и (или) дренажных вод (м³/час), допустимая концентрация загрязняющего вещества на выпуске сточных и (или) дренажных вод (мг/дм), разрешенный сброс загрязняющего вещества (т/год), характеризует объективную сторону административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 8.14 КоАП РФ.

Несоблюдение требований в области охраны окружающей среды при обращении с отходами производства и потребления (ч. 1–6 ст. 8.2 КоАП РФ)

Дела об административных правонарушениях, связанные с несоблюдением требований в области охраны окружающей среды при обращении с отходами производства и потребления и *рассматриваемые судьями*, к нарушению нормативов образования отходов и лимитов на их размещение отношения не имеют. Предметом административных правонарушений, предусмотренных ч. 1–6 ст. 8.2 КоАП РФ, являются требования в области обращения с отходами (деятельность по сбору,

¹⁷ До 31 декабря 2024 г. в отношении «300» объектов I категории.

накоплению, транспортированию, обработке, утилизации, обезвреживанию, размещению отходов). Административная ответственность за нарушение требований по нормированию в области обращения с отходами предусмотрена ч. 7 и 8 ст. 8.2 КоАП РФ.

При рассмотрении данных дел судам следует устанавливать относимость соответствующих веществ или предметов к отходам производства и потребления, уточняя свойства (признаки) отходов производства и потребления, не закрепленные в Федеральном законе от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления»¹⁸.

Согласно позиции Верховного Суда Российской Федерации, отраженной в Определении от 6 апреля 2020 г. № 309-ЭС20-2811 по делу № А50-40908/2018¹⁹, для признания предметов (веществ) отходами они должны утратить свои **потребительские свойства**.

Спор был связан с отнесением к отходам труб, отсоединенных от действующих нефтепроводов. Сохранность потребительских свойств спорных труб, подтвержденная заключением эксперта – специалиста в области промышленной безопасности о возможности их использования по назначению, не позволила признать их отходами в результате отсечения от трубопровода.

В похожем споре Арбитражный суд Уральского округа от 23 декабря 2019 г. по делу № А07-24104/2018²⁰ также исследовал потребительскую ценность и износ спорных водопроводных труб при отнесении их к отходам. Учитывая, что остаточная стоимость составляет 0 руб., износ равен 100%, трубы не обладают признаками продукции, суд пришел к выводу о правомерном привлечении к ответственности по ст. 8.2 КоАП РФ (в прежней редакции) за неисполнение требований в области обращения с отходами: отсутствует паспорт отходов, не утверждён проект НООПР, отсутствует отчетность по данным отходам.

При рассмотрении подобных дел также следует учитывать разъяснения Минприроды России, данные в письмах от 23 октября 2017 г. № 12-47/27366 и от 5 мая 2016 г. № 04-12-27/9376, о документации предприятия, обосновывающей придание статуса продукта отходам. Для этого необходимо учесть следующее:

- 1) наличие в уставной документации видов экономической деятельности по производству соответствующей продукции и реализации соответствующего вида товара;
- 2) наличие документов технического регулирования, позволяющих подтвердить соответствие образующихся в результате деятельности веществ и материалов продукции;
- 3) наличие документов, подтверждающих соответствие образованных в результате осуществления хозяйственной и иной деятельности

¹⁸ Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 26. Ст. 3009.

¹⁹ Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁰ Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

веществ и материалов требованиям документов технического регулирования к виду продукции²¹;

4) отражение в документах первичного учета предприятия операций с указанными веществами и материалами в качестве операций с продукцией.

Данный подход применен в постановлении Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 23 марта 2020 г. по делу № А32-18859/2019²². Спор связан с отнесением к отходам осадков (ила) биологических очистных сооружений хозяйственно-бытовой и смешанной канализации и необходимостью выполнения требований по обращению с отходами. Для разрешения данного спора судами установлены следующие обстоятельства: 1) иловые площадки относятся к инженерным сооружениям для обработки и обезвоживания осадка сточных вод; 2) после обезвоживания осадки обладают потребительскими свойствами и выступают сырьем для производства органических удобрений; 3) имеется свидетельство о государственной регистрации пестицида или агрохимиката на органическое удобрение на основе осадков сточных вод, разрешающее оборот на территории Российской Федерации; 4) осадки сточных вод выступают сырьем для производства органических удобрений; 5) органическое удобрение, изготовляемое из осадков, соответствует ГОСТ Р 17.4.3.07–2001 «Охрана природы (ССОП). Почвы. Требования к свойствам осадков сточных вод при использовании их в качестве удобрений», СанПиН 2.1.7.573–96 «Гигиенические требования к использованию сточных вод и их осадков для орошения и удобрения».

С учетом изложенного суд пришел к выводу, что получение илового осадка является стадией производственного процесса предприятия, а конечным результатом этого процесса является производство удобрений и их реализация. Соответственно, иловый осадок не является отходом, который образован в процессе производства, а иловые площадки не могут классифицироваться как объекты размещения отходов.

Таким образом, при оформлении документов с учетом перечисленных требований предприятие может использовать отход, обладающий потребительской ценностью, в качестве продукции без соблюдения требований в области обращения с отходами.

Если же документацией предприятия предусмотрено образование отхода, его использование в производстве не освобождает от необходимости оформления документов, связанных с обращением с отходом. Данную позицию Верховный Суд Российской Федерации отразил в Определении от 16 марта 2020 г. № 304-ЭС20-1455 по делу № А27-110/2019, указав, что законодательством не запрещено использовать

²¹ При разработке технических условий на продукцию из отхода должны выполняться требования отраслевого законодательства и ГОСТов, санитарно-гигиенических нормативов, охраны окружающей среды, законодательства о техническом регулировании.

²² Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

образовавшийся отход, однако такое использование не прекращает его статус, поскольку этот статус получен отходом в момент его образования в процессе производства, а не после фактического размещения.

Таким образом, сложности с правильным рассмотрением указанной выше категории дел во многом вызваны непоследовательностью и фрагментарностью правового регулирования экологического нормирования в различных по юридической силе правовых актах, отсутствием действенного обеспечения соблюдения нормативов и разрешительной системы негативного воздействия (после реформирования системы экологического нормирования прежние составы административных правонарушений не изменились, за исключением дополнения составами, предусмотренными ст. 8.47, 8.51 КоАП РФ). Указание на нарушение количественных и/или качественных характеристик выбросов и сбросов загрязняющих веществ в составах административных правонарушений, предусмотренных ст. 8.14 и ст. 8.21 КоАП РФ, будет способствовать определенности судебной практики по данной категории дел, что ранее также отмечалось в специальной литературе [Юрченко, Ю., 2020; Боголюбов, С. А., Панов, А. Б., 2014].

Обсуждение и заключение

По результатам исследованной судебной практики выявлено, что имеющиеся составы административных правонарушений, связанные с негативным воздействием на окружающую среду, не в полной мере охватывают нарушения в области экологического нормирования.

В связи с этим рекомендуются следующие направления развития административно-деликтного законодательства по охране атмосферного воздуха от выбросов стационарных источников (ст. 8.21 КоАП РФ), охране водных объектов от сбросов загрязняющих веществ (ст. 8.13, 8.14 КоАП РФ) и законодательства в области обращения с отходами производства и потребления (по применению ст. 8.2 КоАП РФ).

1. Развитие административно-деликтного законодательства по охране атмосферного воздуха от выбросов стационарных источников (ст. 8.21 КоАП РФ). Конструкция ч. 1 и 2 ст. 8.21, где единственной характеристикой объективной стороны является осуществление выбросов без специального разрешения или с нарушением условий такого разрешения, формально не предусматривает следующие неправомерные действия/бездействие, связанные с нормированием выбросов загрязняющих веществ: нарушение требований по инвентаризации выбросов, корректировке инвентаризации, расчету нормативов допустимых выбросов, разработке и утверждению плана снижения выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух на период поэтапного достижения НДВ, нарушение сроков поэтапного достижения НДВ при установлении временно разрешенных выбросов. Указание на нарушение количественных и/или качественных характеристик выбро-

сов загрязняющих веществ (в виде превышения показателей утвержденных нормативов), а также объединение «неучтенных» правонарушений в сфере нормирования общим составом – нарушение требований нормативных правовых актов, регламентирующих нормирование выбросов, – в составах административных правонарушений, предусмотренных ст. 8.21 КоАП РФ, будет способствовать повышению правовой определенности в указанных правоотношениях, а также единообразию правоприменительной практики по данной категории дел.

В статье 30 Федерального закона от 4 мая 1999 г. № 96-ФЗ «Об охране атмосферного воздуха» перечислены обязанности в области охраны атмосферного воздуха, в том числе связанные с нормированием выбросов. Диспозициями ч. 1, 2, 3 ст. 8.21 КоАП РФ не охвачено невыполнение многих из перечисленных обязанностей. Указанные обязанности хозяйствующих субъектов могут служить ориентиром для формулирования конструкции составов, предусмотренных данной статьей КоАП РФ.

Для того чтобы нормы КоАП РФ были более универсальными (не требовали внесения изменений при корректировке соответствующих правил экологического нормирования), учитывали особенности нормирования выбросов для различных объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, с учетом степени общественной вредности деяний, предлагаем новую редакцию ст. 8.21 КоАП РФ, устанавливающей ответственность за нарушение правил охраны атмосферного воздуха:

«Статья 8.21. Нарушение правил охраны атмосферного воздуха»

1. Выброс загрязняющих веществ в атмосферный воздух или вредное физическое воздействие на него без специального разрешения или без утвержденного расчета нормативов допустимых выбросов загрязняющих веществ – ...

2. Нарушение условий специального разрешения на выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух или вредное физическое воздействие на него либо превышение нормативов допустимых выбросов загрязняющих веществ, превышение временно разрешенных выбросов – ...

3. Нарушение правил эксплуатации, неиспользование сооружений, оборудования или аппаратуры для очистки газов и контроля выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух, которые могут привести к его загрязнению, либо использование неисправных указанных сооружений, оборудования или аппаратуры, за исключением случаев, предусмотренных статьей 8.51 настоящего Кодекса – ...

4. Нарушение требований нормативных правовых актов, регламентирующих расчет нормативов допустимых выбросов загрязняющих веществ в атмосферный воздух либо установление временно разрешенных выбросов – ...».

Таким образом, ч. 1, 2, 3, 4 ст. 8.21 охватывают деяния, связанные с нормированием выбросов объектами I категории, которые осуществляют хозяйственную и (или) иную деятельность на объектах, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, до получения КЭР до 31 декабря 2024 г. в отношении «300» объектов I категории и до 1 января 2025 г. в отношении остальных объектов I категории и объектами II и III категории, на которые также возложена обязанность по расчету НДС.

Также привлечению к ответственности по ст. 8.21 КоАП РФ в предложенной редакции подлежат владельцы объектов I категории (до получения КЭР), II и III категории, планирующие эксплуатацию на основе временно разрешенных выбросов, но не оформившие разрешение на временно разрешенные выбросы.

Для привлечения к административной ответственности за нарушение эколого-правовых требований о нормировании воздействий в части выбросов для объектов I и II категорий, в частности за ненадлежащее выполнение программы повышения экологической эффективности для объектов I категории, непредставление актуальных сведений в декларацию о воздействии на окружающую среду владельцами объектов II категории, ст. 8.47 КоАП РФ необходимо изложить в следующей редакции²³:

«Статья 8.47. Осуществление хозяйственной и (или) иной деятельности без комплексного экологического разрешения, без представления декларации о воздействии на окружающую среду

1. Осуществление хозяйственной и (или) иной деятельности на объектах, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, без комплексного экологического разрешения, если получение такого разрешения является обязательным, либо с нарушением условий комплексного экологического разрешения – ...

2. Осуществление хозяйственной и (или) иной деятельности на объектах, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, без представления декларации о воздействии на окружающую среду, если представление такой декларации является обязательным, либо с превышением массы выбросов, сбросов загрязняющих веществ, массы или объема образования и (или) размещения отходов, указанных в декларации, – ...

3. Осуществление хозяйственной и (или) иной деятельности на объектах, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, с нарушением требований нормативных правовых актов, регла-

²³ За основу взяты части 1, 2 ст. 17.4 из проекта КоАП РФ. URL: https://storage.consultant.ru/ondb/attachments/202005/30/Proekt_novogo_KoAP_2905_Umz.pdf (дата обращения: 11.05.2022).

ментирующих выдачу комплексного экологического разрешения, если получение такого разрешения является обязательным, или регламентирующих представление декларации о воздействии на окружающую среду, если представление такой декларации является обязательным, – ...».

Часть 3 ст. 8.47 КоАП РФ в новой редакции охватит значительный перечень нарушений, связанных с утверждением нормативов допустимого воздействия и получением сопутствующей комплексному экологическому разрешению и декларации о воздействии на окружающую среду документации.

2. Развитие административно-деликтных правовых актов по охране водных объектов от сбросов загрязняющих веществ (ст. 8.13, 8.14 КоАП РФ). Широкие по содержанию формулировки диспозиций составов административных правонарушений, предусмотренных ч. 4 ст. 8.13²⁴, ч. 1 ст. 8.14²⁵ КоАП РФ, не позволяют с достаточной степенью определенности отнести нарушения в сфере нормирования сбросов загрязняющих веществ к указанным составам.

Анализ правоприменительной практики, связанной со сбросами загрязняющих веществ в водные объекты, позволяет отметить отсутствие указания на количественные и/или качественные характеристики сбросов загрязняющих веществ в соответствующих составах административных правонарушений. Формой разрешения на сбросы загрязняющих веществ (за исключением радиоактивных веществ) и микроорганизмов в водные объекты, утвержденной приказом Росприроднадзора от 17 августа 2020 г. № 1022 «Об утверждении Административного регламента Федеральной службы по надзору в сфере природопользования предоставления государственной услуги по выдаче разрешений на сбросы загрязняющих веществ (за исключением радиоактивных веществ) и микроорганизмов в водные объекты», устанавливаются *перечень и количество загрязняющих веществ, разрешенных к сбросу по конкретному выпуску, фиксируются расход сточных и (или) дренажных вод (м³/час), допустимая концентрация загрязняющего вещества на выпуске сточных вод в пределах НДС/лимита (мг/дм), разрешенный сброс загрязняющего вещества в пределах НДС/лимита (т/год)*. Указанные характеристики сбросов можно использовать в качестве признаков объективной стороны при формулировке диспозиции соответствующих административно-правовых норм.

²⁴ «Нарушение требований к охране водных объектов, которое может повлечь их загрязнение, засорение и (или) истощение, за исключением случаев, предусмотренных статьей 8.45 настоящего Кодекса, – ...»

²⁵ «Нарушение правил водопользования при заборе воды, без изъятия воды и при сбросе сточных вод в водные объекты – ...»

Ключевым, на наш взгляд, является разграничение составов, предусматривающих ответственность за сброс загрязняющих веществ в водный объект без утвержденных нормативов сброса и получения разрешения на сброс, что нарушает *правила охраны водных объектов*, либо за нарушение согласованных условий водопользования в виде превышения объема сброса сточных вод, нарушения требований к качеству воды в водных объектах в местах сброса сточных вод, чем нарушаются *правила водопользования*. Степень общественной вредности данных составов различна²⁶, очевидно, различным должен быть и размер ответственности в санкции той или иной статьи. Учитывая масштаб и вредность воздействия сточных вод, в целях повышения определенности правоприменительной практики считаем необходимым по аналогии со ст. 8.21 «Нарушение правил охраны атмосферного воздуха» выделить данные составы в качестве самостоятельных частей или диспозиции ч. 4 ст. 8.13 и ч. 1 ст. 8.14 КоАП РФ дополнить соответствующими характеристиками объективной стороны.

Выделяя в качестве самостоятельного состава ст. 8.13 КоАП РФ, ее следует дополнить ч. 6, устанавливающей ответственность за сбросы загрязняющих веществ в отсутствие соответствующей документации:

«6. Сброс загрязняющих веществ в водные объекты без разрешения на сбросы загрязняющих веществ либо без расчета нормативов допустимых сбросов, – ...».

Статью 8.14 КоАП РФ, устанавливающую ответственность за нарушение правил водопользования, следует дополнить ч. 3, в соответствии с которой виновные лица будут привлекаться к ответственности за нарушение условий, параметров и ограничений водопользования (например, за превышение объема сточных вод, нарушение допустимой концентрации загрязняющего вещества в сточных водах и массы загрязняющего вещества в сточных водах), и ч. 4, касающейся нарушения иных требований, связанных с процедурой нормирования сбросов (например, за нарушение требований по разработке и утверждению плана снижения сбросов загрязняющих веществ на период поэтапного достижения нормативов допустимых сбросов, нарушение сроков поэтапного достижения нормативов допустимых сбросов при установлении временно разрешенных сбросов):

²⁶ Необходимо отличать с точки зрения пропорциональности наказания случаи, когда правонарушитель осуществляет сбросы вообще без какого-либо оформления документации, связанной с охраной водных объектов, от случаев, когда такая документация оформлена надлежащим образом, но нарушаются отдельные условия водопользования.

«3. Превышение нормативов допустимых сбросов загрязняющих веществ, временно разрешенных сбросов и/или нарушение иных условий разрешения на сбросы загрязняющих веществ – ...»

4. Нарушение требований нормативных правовых актов, регламентирующих расчет нормативов допустимых сбросов загрязняющих веществ либо установление временно разрешенных сбросов – ...».

3. Развитие правовых актов в области обращения с отходами производства и потребления в целях повышения правовой определенности при применении ст. 8.2 КоАП РФ. При анализе судебной практики по административным делам, связанным с нарушением требований в области обращения с отходами производства и потребления, выявлена проблема отнесения отдельных предметов или веществ к отходам производства и потребления (ст. 8.2 КоАП РФ).

Напрямую к совершенствованию административно-деликтных правовых актов возможное изменение действующих правовых актов об отходах производства и потребления отношения не имеет, однако оно направлено на формирование единообразия в применении норм ст. 8.2 «Несоблюдение требований в области охраны окружающей среды при обращении с отходами производства и потребления» КоАП РФ судами и контрольно-надзорными органами.

Поскольку в судебной практике нередко дается оценка таким не упоминающимся в ст. 1 Федерального закона от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» критериям отходов, как *наличие/утрата потребительских свойств, степень износа предметов, наличие/отсутствие документации предприятия, обосновывающей придание статуса продукта отходам*, целесообразно указанные признаки или некоторые из них (с учетом правовых позиций высших судов по применению данных признаков) включить в правовое определение отходов производства и потребления.

Данные признаки отходов / не отходов позволят судам определять наличие/отсутствие в действиях/бездействии привлекаемого к ответственности лица составов административных правонарушений, предусмотренных ч. 1–12 ст. 8.2 КоАП РФ:

1) при оформлении документации предприятия, обосновывающей придание статуса **продукта** отходам, предприятие может использовать отход, обладающий потребительской ценностью, в качестве продукции *без соблюдения требований в области обращения с отходами;*

2) если же документацией предприятия предусмотрено образование отхода, его использование в производстве *не освобождает от необходимости оформления документов, связанных с обращением с отходом* (в частности, проекта нормативов образования отходов и лимитов на их размещение, паспорта отходов, отчетности по данным отходам);

3) *сохранность потребительских свойств материалов и возможность их использования по назначению* не позволяют признать их отходами;

4) *низкая остаточная стоимость, высокая степень износа* материалов являются признаками отходов.

Список источников

Боголюбов С. А., Панов А. Б. Проблемы применения административной ответственности в сфере экологии // Государство и право. 2014. № 11. С. 64–71.

Бринчук М. М. Конституция и экологическое право : моногр. [Электронный ресурс]. М. : Ин-т гос-ва и права РАН, 2019.

Брусницына С. В., Кузнецова О. В. Особенности защиты права на благоприятную окружающую среду в судебном порядке // Правопорядок: история, теория, практика. 2020. № 2. С. 95–103.

Ноздрачев А. Ф., Васильева М. И., Галиновская Е. А. и др. Комментарий к главе 8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ «Административные правонарушения в сфере охраны окружающей среды и природопользования» (постатейный) / отв. ред. А. Ф. Ноздрачев. М. : Ин-т зак-ва и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации : Инфра-М, 2021. 472 с. ISBN: 978-5-16-016077-1.

Широбоков А. С. Правовое регулирование нормирования в области охраны окружающей среды : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 201 с.

Юрченко Ю. Топ споров в сфере экологии: обзор судебной практики. 2020, февраль – март. 11 с. Pepeliaev group. URL: https://www.pgplaw.ru/upload/iblock/7e5/fev_mart2020_Obzor-sudebnoy-praktiki_Top-sporov-v-sfere-ekologii.pdf.

References

Bogolyubov, S. A., Panov, A. B., 2014. Problems of application of administrative responsibility in the field of ecology. *Gosudarstvo i pravo* = [State and Law], 11, pp. 64–71. (In Russ.)

Brinchuk, M. M., 2019. *Konstitutsiya i ekologicheskoye pravo* = [Constitution and environmental law]. Monograph. [Electronic resource]. Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.)

Brusnitsyna, S. V., Kuznetsova, O. V., 2020. Features of protection of the right to a favorable environment in court. *Pravoporyadok: istoriya,*

teoriya, praktika = Legal Order: History, Theory, Practice, 2, pp. 95–103. (In Russ.)

Nozdrachev, A. F., Vasil'eva, M. I., Galinovskaya, E. A., et al., 2021. *Kommentarij k glave 8 Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnykh pravonarusheniyakh ot 30 dekabrya 2001 goda № 195-FZ “Administrativnye pravonarusheniya v sfere okhrany okruzhayushchej sredy i prirodopol'zovaniya” (postatejnyj)* = [Commentary to Chapter 8 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 195-FZ of December 30, 2001 “Administrative offences in the field of environmental protection and nature management” (article by article)]. Ed. A. F. Nozdrachev. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: Infra-M. 472 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-16-016077-1.

Shirobokov, A. S., 2007. *Pravovoe regulirovanie normirovaniya v oblasti okhrany okruzhayushchej sredy* = [Legal regulation of rationing in the field of environmental protection]. Cand. Sci (Law) Dissertation. Moscow. 201 p. (In Russ.)

Yurchenko, Yu., 2020. *Top sporov v sfere ekologii: obzor sudebnoj praktiki* = [Top disputes in the field of ecology: review of judicial practice]. February – March. 11 p. Pepeliaev group. URL: https://www.pgplaw.ru/upload/iblock/7e5/fev_mart2020_Obzor-sudebnoy-praktiki_Top-sporov-v-sfere-ekologii.pdf. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Ширококов Алексей Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры земельного и экологического права Российского государственного университета правосудия (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69); научный сотрудник Шанхайского университета политики и права (SHUPL) (Китай, 201701, Шанхай, район Цинпу, шоссе Вайцинсун, д. 7989).

Aleksey S. Shirobokov, Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Land and Environmental Law Department, Russian State University of Justice (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation); Research Associate of Shanghai University of Political Science and Law (SHUPL) (7989 Waiqingsong Road, Qingpu District, Shanghai, China 201701).

ORCID: 0000-0001-5905-8301

Лю Хунянь, доктор юридических наук, профессор, заведующий сектором эколого-правовых исследований Института права Китайской академии общественных наук (Китайская Народная Республика, Пекин, р-н Донцен, ул. Шатан, № 15).

Liu Hongyan, Dr. Sci. (Law), Professor, Director of Ecological Law Research Department, Institute of Law, Chinese Academy of Social Sciences (No. 15, Shatan North Street, Dongcheng District, Beijing, People's Republic of China).

Заявленный вклад авторов / Contribution of the authors

Авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
The authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflict of interest.

Дата поступления рукописи в редакцию издания: 24.11.2022; дата одобрения после рецензирования: 12.12.2022; дата принятия статьи к опубликованию: 19.01.2023.

Submitted: 24.11.2022; reviewed: 12.12.2022; revised: 19.01.2023.

Научная статья

УДК 347

DOI: 10.37399/2686-9241.2023.1.157-176

Совместные проекты по созданию результатов интеллектуальной деятельности: вопросы, требующие внимания

Наталья Владимировна Бузова

*Российский государственный университет правосудия, Москва,
Российская Федерация
nbuzova@yandex.ru*

Аннотация

Введение. Международная кооперация характерна не только для торговли и производства товаров, но и при создании результатов интеллектуальной деятельности. Высокотехнологичные результаты предполагают объединение научных знаний и достижений авторов из разных государств. Однако в международных договорах не получили отражения положения о распределении прав на результаты интеллектуальной деятельности, создаваемые совместным трудом нескольких лиц, которые являются гражданами разных государств. В связи с этим возрастает роль правового договорного регулирования отношений, касающихся создания и использования результатов интеллектуальной деятельности, осложненных иностранным элементом.

Теоретические основы. Методы. При написании статьи проводился анализ международных договоров, национальных правовых актов в сфере интеллектуальной собственности России и Китая. В качестве основного использовался метод сравнительного правоведения.

Результаты исследования. Отмечается, что в международных договорах в сфере интеллектуальной собственности отсутствуют положения о праве, применимом к правоотношениям, связанным с созданием результатов интеллектуальной деятельности, о распределении исключительных прав в отношении объектов интеллектуальной собственности, созданных по гражданским правовым договорам. Это обуславливает актуальность определения данных аспектов в договорах с зарубежными партнерами.

Обсуждение и заключение. Представляется, что основные положения, которые требуют обязательного согласования с зарубежными партнерами, могут быть отражены во внутренних документах организации, например в концепции университета по интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: автор, изобретение, интеллектуальная собственность, исключительные права, полезная модель, промышленный образец, правообладатель, результаты интеллектуальной деятельности

Для цитирования: Бузова Н. В. Совместные проекты по созданию результатов интеллектуальной деятельности: вопросы, требующие внимания // Правосудие/Justice. 2023. Т. 5, № 1. С. 157–176. DOI: 10.37399/2686-9241.2023.1.157-176.

Original article

Joint Projects to Create Results of Intellectual Activity: Issues Requiring Attention

Natal'ya V. Buzova

Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation

For correspondence: nbuzova@yandex.ru

Abstract

Introduction. International cooperation is not only typical for trade and the production of goods, but also for the creative results of intellectual activity. High-tech results involve combining scientific knowledge and achievements of authors from different countries. However, the provisions on the distribution of author's rights to the results of intellectual activity created by the joint work of several persons where they are citizens of different states have not been reflected in international treaties. In this regard, the role of contractual regulation of relations relating to the creation and use of the results of intellectual activity, complicated by a foreign element, is growing.

Theoretical Basis. Methods. When writing the article, the analysis of international treaties, legislative acts in the Russian and Chinese fields of intellectual property was carried out, the method of comparative law was used as the main method.

Results. The article notes that in international treaties in the field of intellectual property there are no provisions on the applicable law to legal relations related to the creation of the results of intellectual activity. Nor on the distribution of exclusive rights in relation to intellectual property objects created under civil law contracts. In this regard, the relevance of defining these aspects in contracts with foreign partners is increasing.

Discussion and Conclusion. It seems that the main provisions that require mandatory agreement with foreign partners can be reflected in the internal documents of the organisation, for example, in the policy of the university on intellectual property.

Keywords: author, invitation, intellectual property, exclusive rights, utility model, industrial design, right holder, results of intellectual activity

For citation: Buzova, N. V., 2023. Joint projects to create results of intellectual activity: issues requiring attention. *Pravosudie/Justice*, 5(1), pp. 157–176. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2023.1.157-176.

Введение

Если во времена Архимеда, Леонардо да Винчи для создания изобретения было достаточно гениальности одного изобретателя, то на современном этапе во многих случаях создание новых высокотехнологичных решений требует интеллектуального вклада не только нескольких авторов, но и нескольких научных коллективов. Помогает объединению новых идей международная кооперация, в процессе которой для ре-

ализации научного проекта и получения результата интеллектуальной деятельности объединяются ученые разных стран.

Развитию международной кооперации способствуют проводимые в России и за рубежом международные мероприятия. Так, следует отметить VII Круглый стол «Российско-китайское научно-техническое сотрудничество в области разработки и внедрения высоких технологий» (5 июля 2022 г.), организованный Минобрнауки России, Международным союзом приборостроителей и специалистов по информационным и телекоммуникационным технологиям, а также Миннауки Китая и Управлением науки и техники г. Харбина. В 2022 году в качестве приоритетных направлений, которые обсуждались в рамках круглого стола, были современные промышленные и производственные технологии, новые материалы и технологии, биотехнологии, прикладные и медицинские технологии. На круглом столе были представлены проекты Института проблем технологии микроэлектроники и особочистых материалов РАН (ИПТМ РАН), Харбинской научно-технической компании «Графитовая долина Ваньсинь», МГУТУ имени К. Г. Разумовского, НИИ «Полюс» имени М. Ф. Стельмаха, Хуаджонского технологического университета (HUST), Института высоких технологий Академии наук провинции Хэйлунцзян, Санкт-Петербургского государственного технологического института (технический университет), Харбинского инженерного университета, Научно-исследовательского института общей патологии и патофизиологии и Института физиологии имени И. П. Павлова РАН.

Такие мероприятия позволяют не только анонсировать новые разработки, но и привлечь инвесторов, потенциальных партнеров, возможных лицензиатов или приобретателей исключительных прав на разработки. Среди форм международного взаимодействия помимо международных мероприятий, организуемых с зарубежными партнерами, можно отметить создание совместных лабораторий, научных школ, совместное финансирование проектов, международные гранты, предоставление оборудования научным организациям, обмен студентами, разработку общих образовательных программ разных уровней обучения, а также коммерциализацию результатов интеллектуальной деятельности и продукции, в которой воплощены или внедрены такие результаты.

Международная кооперация ученых, изобретателей и других заинтересованных лиц из разных стран позволяет создать в процессе интеллектуальной деятельности такие объекты авторского права и смежных прав, патентного права или специальной правовой охраны, как, например, топологии интегральных микросхем, ноу-хау и селекционные достижения.

Теоретические основы. Методы

В тех случаях, когда в правоотношениях по созданию и использованию результатов интеллектуальной деятельности участвуют иностран-

ные партнеры и присутствует иностранный элемент, целесообразно учитывать не только российские правовые акты, акты зарубежных государств, но и международные договоры, которые также могут содержать положения, регулирующие отношения как между государствами, так и гражданами и юридическими лицами государств-участников. В этой связи основным объектом исследования являются российские и зарубежные правовые акты и международные договоры, касающиеся предоставления правовой охраны результатам интеллектуальной деятельности. Особое внимание в настоящей статье уделено анализу правовых актов России и Китая в сфере интеллектуальной собственности. В качестве основного метода исследования использовался метод сравнительного правоведения, направленный на выявление общих подходов и особенностей правового регулирования правоотношений по созданию, предоставлению правовой охраны и использованию интеллектуальной собственности преимущественно в России и Китае.

Теоретическую основу для подготовки данной статьи составили публикации российских специалистов в области интеллектуальной собственности, включая В. Н. Лопатина, Е. А. Моргунову, В. А. Савиных, Б. А. Шахназарова, Г. Н. Черничкину и др.

Результаты исследования

При взаимодействии с зарубежными партнерами в части интеллектуальной собственности особое внимание следует уделять не только вопросам правовой охраны созданных совместной интеллектуальной деятельностью результатов, но и вопросам применимого права и распределения исключительных прав.

Право, применимое к гражданским правоотношениям, осложненным иностранным элементом

Определение применяемого права имеет значение не только для заключения и исполнения обязательств по договору, но и в определенной степени для правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности, созданных в рамках таких договоров, признания интеллектуальных прав на них и их осуществления. Кроме того, установление того, какое право следует применять, имеет значение при защите нарушенных интеллектуальных прав и определении судебных органов, в которых могут рассматриваться соответствующие споры. Особенно это касается тех вопросов, которые не нашли отражения в многосторонних международных договорах (в частности, в администрируемых Всемирной организацией интеллектуальной собственности).

Так, если в России базы данных рассматриваются как объекты смежных прав (подп. 4 п. 1 ст. 1304 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ)), признание смежных прав на базы данных характерно для ограниченного количества государств (в основном в европейских го-

сударствах). Например, в Китае изготовителям баз данных исключительные права не предоставляются. Отличаются подходы к правовой охране секретов производства (ноу-хау). В Российской Федерации в отношении секретов производства признается исключительное право (ст. 1466 ГК РФ), некоторые вопросы, касающиеся коммерческой тайны, находят отражение в Федеральном законе от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне»¹ (с изм.), а в Китае правовое регулирование отношений в связи с раскрытием, использованием коммерческой тайны осуществляется в соответствии с Законом о борьбе с недобросовестной конкуренцией². Не все государства предоставляют правовую охрану полезным моделям. В частности, исключительные права на полезные модели не признаются в Канаде. В то же время в Китае, как и в Российской Федерации, в соответствии с патентными правовыми актами в качестве объектов патентных прав признаются не только изобретения, но и полезные модели.

Гражданские правоотношения, в которых принимают участие иностранные граждане или иностранные юридические лица, рассматриваются как осложненные иностранным элементом. Пункт 1 ст. 1186 ГК РФ предусматривает, что право, подлежащее применению к таким отношениям, а также осложненным иным иностранным элементом, в том числе в случаях, когда объект гражданских прав находится за границей, определяется на основании международных договоров Российской Федерации, ГК РФ, других законов и обычаев, признаваемых в Российской Федерации.

Как справедливо отмечает Б. А. Шахназаров, на «международно-правовом уровне практически отсутствуют унифицированные коллизионные нормы, которые регулировали бы порядок определения права, применимого к промышленной собственности, и сферу действия такого права» [Шахназаров, Б. А., 2021, с. 309]. Ни Парижская конвенция по охране промышленной собственности³ (Париж, 20 марта 1883 г., далее – Парижская конвенция), ни Соглашение о торговых аспектах прав интеллектуальной собственности⁴ (ВТО, Уругвайский раунд многосторонних торговых переговоров, 15 апреля 1994 г.), ни Договор о Евразийском экономическом союзе⁵ (Астана, 29 мая 2014 г.) не определяют

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 32. Ст. 3283.

² Law of the People's Republic of China Against Unfair Competition (as amended up to the Decision on Revising the Construction Law of the People's Republic of China and Other Seven Laws at the 10th Meeting of the Standing Committee of the Thirteenth National People's Congress on April 23, 2019). URL: <https://wipolex.wipo.int/en/text/547026>.

³ URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/text/288517>.

⁴ URL: https://wipolex-res.wipo.int/edocs/lexdocs/treaties/ru/wto01/trt_wto01_001ru.pdf.

⁵ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201501160013?ysclid=lb3pj8rhun561724651>.

применимое право для тех случаев, когда в создании результатов интеллектуальной деятельности принимают участие авторы из нескольких стран. Справедливости ради упомянем, что и международные договоры в сфере авторского права и смежных прав не всегда дают ответ о применимом праве и стране происхождения объекта смежных прав, созданного в результате совместной деятельности представителей разных государств.

В связи с этим повышается значимость определения применяемого права на основании коллизионных норм в национальном праве и при вступлении в договорные отношения.

При реализации проекта, который предполагает создание результатов интеллектуальной деятельности, российские и зарубежные партнеры вступают в гражданские правоотношения, заключая между собой различные договоры. Российские правовые акты допускают, что изобретения, полезные модели, промышленные образцы и другие результаты интеллектуальной деятельности могут быть созданы в связи с выполнением работ по договору подряда, договора на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских или технологических работ, по договору заказа (объекты авторского права, промышленные образцы), а также при выполнении работ по государственному или муниципальному контракту.

В соответствии с ГК РФ договор на выполнение научно-исследовательских работ предполагает проведение обусловленных техническим заданием заказчика научных исследований, а договор на выполнение опытно-конструкторских или технологических работ предусматривает разработку образца нового изделия или новой технологии, а также технической и (или) конструкторской документации на них (ст. 769). Особенностью государственного или муниципального контракта выступают участие в них публично-правовых образований. При этом права на созданные по таким договорам результаты могут возникнуть у публично-правовых образований, они же должны нести и ответственность по данным договорам, в то время как полномочия этих публично-правовых образований осуществляются через их органы или уполномоченные организации [Моргунова, Е. А., 2008, с. 36]. Указанные договоры также могут содержать условия об отчуждении исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности, созданные по этим договорам, и тем самым представлять собой смешанные договоры.

В соответствии со ст. 1210 ГК РФ у сторон имеется возможность определить в данных договорах или в последующем в отдельном соглашении право, подлежащее применению к таким правоотношениям. В тех случаях, когда стороны не определили соглашением применяемое к договору право страны, а в ГК РФ или других российских законах не установлено иное, в соответствии с п. 1 ст. 1211 ГК РФ применяется право страны, где на момент заключения договора находится место житель-

ства или основное место деятельности стороны, которая осуществляет исполнение, имеющее решающее значение для содержания договора. Так, в договоре подряда такой стороной признается подрядчик (подп. 5 п. 2 ст. 1211 ГК РФ).

При этом преимущественное значение для определения применимого права имеет более тесная связь договора со страной. Именно право страны, с которой наиболее тесно связан договор, что может следовать из закона, условий или существа договора, а также совокупности обстоятельств дела, будет применяться, в том числе к указанным выше договорам (п. 9 ст. 1211 ГК РФ). Такой же подход применим и к смешанным договорам (п. 10 ст. 1211 ГК РФ). Однако представляется, что такая связь имеет оценочный характер и будет устанавливаться судебными органами в случае возникновения спора между сторонами договоров.

Особый подход предусмотрен для договора об отчуждении исключительного права на результат интеллектуальной деятельности, что предполагает применение права страны, на территории которой действует передаваемое приобретателю исключительное право, а если оно действует на территориях одновременно нескольких стран – права страны, где находится место жительства или основное место деятельности правообладателя (п. 7 ст. 1211 ГК РФ). Но указанное положение не дает ответ на вопрос о применимом праве, если правообладателями являются граждане или юридические лица разных государств. Преимущественное значение для определения применимого в таких случаях права будет иметь наиболее тесная связь договора с государством, которую, как уже было упомянуто ранее, будет устанавливать в случае спора суд.

Некоторые аспекты распределения прав в связи с созданием результатов интеллектуальной деятельности в рамках гражданско-правовых договоров

Другим важным аспектом, который следует учитывать при взаимодействии с зарубежными партнерами в части интеллектуальной собственности, является распределение исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности.

К сожалению, международные договоры в сфере интеллектуальной собственности, за редким исключением, также не содержат положений о распределении прав на объекты интеллектуальной собственности. К исключению, в частности, можно отнести Пекинский договор по аудиовизуальным исполнениям⁶ (Пекин, 24 июня 2012 г., далее – Пекинский договор), ст. 12 которого предусмотрена опровержимая презумпция передачи исключительных прав изготовителю аудиовизуальной записи. Согласно ст. 12 Пекинского договора, если исполнитель выразил согласие на запись своего исполнения в аудиовизуальной записи, ис-

⁶ Бюллетень международных договоров. 2021. № 4.

ключительные права на воспроизведение, распространение, прокат, доведение до всеобщего сведения и сообщение в эфир принадлежат изготовителю такой аудиовизуальной записи. В Российской Федерации такое лицо именуется изготовителем аудиовизуального произведения (продюсером) и рассматривается как субъект авторских прав (ст. 1263 ГК РФ). Вместе с тем в ряде европейских государств, например в Испании, такое лицо именуется изготовителем аудиовизуальной записи и относится к субъектам смежных прав (п. 2 ст. 120 Закона Испании «Об интеллектуальной собственности») ⁷.

Распределение исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности может осуществляться в соответствии с положениями национального законодательства или в рамках договорных отношений партнеров.

В случае совместного обладания несколькими лицами исключительным правом на результаты интеллектуальной деятельности, если соглашением между правообладателями не предусмотрен иной порядок, в соответствии с п. 3 ст. 1229 ГК РФ установлена возможность каждого правообладателя самостоятельно использовать такой результат, а также принимать меры по защите своих прав на совместный результат, однако распоряжение исключительным правом осуществляется совместно, так же как и доходы от совместного использования или совместного распоряжения распределяются между правообладателями в равных долях.

Похожий подход встречается и в Патентном законе КНР ⁸. Кроме вопроса о совместном осуществлении исключительного права в ст. 14 Патентного закона КНР рассматривается вопрос о совместном осуществлении права на подачу заявки на выдачу патента. Как и в России, в Китае соглашение между сопатентообладателями и сообладателями права на подачу заявки на выдачу патента имеет преимущественную силу. В случае отсутствия такого соглашения патентообладатели могут самостоятельно осуществлять исключительное право, удостоверенное патентом, или предоставлять другим лицам право использования посредством обычной лицензии, а собранное вознаграждение от предоставления по лицензии другим лицам права на использование патента распределяется между патентообладателями. В отношении осуществления права на подачу заявки на выдачу патента и осуществления исключительного права, за исключением случая, указанного выше, требуется получение согласия всех патентообладателей (ст. 14).

⁷ Texto refundido de la Ley de Propiedad Intelectual. URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1996-8930>.

⁸ Patent Law of the People's Republic of China (as amended up to the Decision of October 17, 2020, of the Standing Committee of the National People's Congress on Amending the Patent Law of the People's Republic of China). URL: <https://wipo.int/wipo.int/en/text/585084>.

Следует учитывать некоторые императивные нормы ГК РФ, которые не зависят от применяемого в отношениях с зарубежными партнерами права.

Научно-исследовательская, опытно-конструкторская работа или иная интеллектуальная деятельность могут проводиться научной организацией (университетом) по собственной инициативе за счет собственных средств, в частности, полученных за счет осуществления предпринимательской деятельности. Однако осуществление интеллектуальной деятельности для российской стороны может вытекать из правоотношений с другими субъектами. Так, Е. А. Моргунова выделяет группу договоров, направленных или связанных с созданием результатов интеллектуальной деятельности [Моргунова, Е. А., Фролова, Н. М., 2021, с. 359]. Например, научная организация (или университет) с российской стороны может выполнять работу на основании договора на выполнение научно-исследовательской работы или государственного контракта, в котором со стороны заказчика выступает Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. А между научной организацией (университетом) и зарубежным партнером может быть заключен иной гражданско-правовой договор. В таком случае имеют место не одно, а несколько (комплекс) взаимосвязанных правоотношений, которые будут прямо или косвенно касаться создания результата интеллектуальной деятельности.

Помимо того, что непосредственно договор на выполнение научно-исследовательской работы, государственный контракт или иной договор должны предусматривать возможность привлечения для его выполнения третьих лиц, в том числе зарубежных партнеров, и заключения с ними определенных видов договоров, распределение прав при таком комплексе правоотношений не должно создавать конфликт интересов всех участников правоотношений.

По общему правилу в Российской Федерации в соответствии с п. 1 ст. 1297 ГК РФ исключительное право на программу для ЭВМ, базу данных или иное произведение, созданные при выполнении договора подряда либо договора на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских или технологических работ, но не предусмотренные такими договорами, принадлежит подрядчику (исполнителю), если договором между ним и заказчиком не предусмотрено иное. Аналогичный подход предусмотрен и в отношении объектов патентных прав. Если договор подряда или договор на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских или технологических работ прямо не предусматривали создание полезной модели, изобретения или промышленного образца, то право на получение патента и исключительное право на созданные при выполнении таких договоров результаты интеллектуальной деятельности принадлежат подрядчику (исполнителю), если договором между ним и заказчиком не предусмотрено иное (п. 1 ст. 1371 ГК РФ).

То есть этими договорами может быть определено лицо, которому будут принадлежать соответствующие интеллектуальные права. В таком случае интеллектуальные права могут принадлежать заказчику, совместно заказчику и исполнителю, а также другим (третьим) лицам, включая автора, являющегося работником исполнителя. Права на иные результаты научно-исследовательских, опытно-конструкторских или технологических работ, которые не являются охраняемыми результатами интеллектуальной деятельности, определяются в соответствии со ст. 772 ГК РФ.

Вместе с тем ГК РФ не дает ответ на вопрос, кому принадлежат исключительные права и право на получение патента, если договором подряда либо договором на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских или технологических работ предусмотрено создание определенных результатов интеллектуальной деятельности. Учитывая имеющуюся законодательную неопределенность и общий подход, предусматривающий возникновение первоначально исключительных прав и права на получение патента у автора, следует согласиться с мнением Е. А. Моргуновой о целесообразности заключения договора о передаче прав на полученный результат [Моргунова, Е. А., Фролова, Н. М., 2021, с. 363], в частности, заказчику либо предусмотреть соответствующие положения об отчуждении в договоре подряда, на выполнение научно-исследовательских работ и т. д.

В юридической литературе иногда поднимается вопрос о наличии у учреждений (например, научных организаций, университетов) ограничений в части распоряжения исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности [Васильева, Е. Н., 2012; Савиных, В. А., 2018]. Представляется, что, несмотря на имеющуюся дискуссию и определенные предпосылки, предусмотренные в ст. 298 ГК РФ, в настоящее время на учреждения не наложено специальных ограничений по распоряжению интеллектуальными правами на результаты интеллектуальной деятельности, признаваемые за такими юридическими лицами [Савиных, В. А., 2018, с. 128].

Иной подход предусмотрен в отношении объектов, созданных по заказу. Исключительное право на программу для ЭВМ, базу данных или иное произведение (п. 1 ст. 1296 ГК РФ), а также право на получение патента и исключительное право на промышленный образец (ст. 1372 ГК РФ), созданные по договору, предметом которого было создание таких результатов интеллектуальной деятельности (по заказу), принадлежит заказчику, если договором между подрядчиком (исполнителем) и заказчиком не предусмотрено иное. То есть, первоначально возникнув у автора, исключительное право в силу закона (ст. 1297 ГК РФ) и право на получение патента на промышленный образец (ст. 1372 ГК РФ) переходят заказчику.

В Китае исключительное право на произведение, изготовленное по заказу, согласовывается в договоре между заказчиком и исполнителем.

При отсутствии договора или прямого соглашения в договоре авторские права на такое произведение принадлежат заказчику (ст. 19 Закона КНР от 7 сентября 1990 г. «Об авторском праве»⁹ (с изм.).

Федеральным законом от 22 декабря 2020 г. № 456-ФЗ «О внесении изменений в части вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации»¹⁰ уточнены положения, касающиеся результатов интеллектуальной деятельности, созданных при выполнении государственного или муниципального контракта. Введена новая ст. 1240.1 ГК РФ и внесены изменения в ст. 1298, 1373, 1471 ГК РФ. Данные положения вступили в силу с 1 января 2022 г.

Если речь идет о государственном контракте, то целесообразно учитывать, что ст. 1298, 1373 и 1471 ГК РФ предусматривают, что право на получение патента и исключительное право на объекты авторского права, изобретение, полезную модель или промышленный образец, а также ноу-хау, созданные по такому договору, по общему правилу принадлежат исполнителю. Однако в ряде случаев, установленных п. 3 и 4 ст. 1240.1 ГК РФ, интеллектуальные права на результаты, созданные по государственному контракту, могут принадлежать Российской Федерации или субъекту Российской Федерации.

Так, если результат интеллектуальной деятельности непосредственно связан с обеспечением обороны и безопасности, то право на получение патента и исключительное право на соответствующий результат принадлежат Российской Федерации (п. 3 ст. 1240.1 ГК РФ). Также право на получение патента и исключительное право на результат интеллектуальной деятельности, созданный при выполнении государственного контракта за счет средств федерального бюджета, бюджета субъекта Российской Федерации, принадлежат соответственно Российской Федерации или субъекту Российской Федерации, от имени которых выступает государственный заказчик, если, например, результат интеллектуальной деятельности необходим для предоставления государственных услуг или для осуществления государственных функций (подп. 1 п. 4 ст. 1240.1 ГК РФ).

Представляется, что в указанных случаях, когда интеллектуальные права по основному договору принадлежат Российской Федерации или субъекту Российской Федерации, научная организация (или университет) не может предусматривать в договорах с иностранными партнерами, привлекаемыми к научным разработкам, возможность совместного использования создаваемого результата интеллектуальной деятельности, распределения интеллектуальных прав, передачи исключительного

⁹ URL: <https://www.ncac.gov.cn/chinacopyright/contents/12230/353795.shtml>.

¹⁰ Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 52 (ч. I). Ст. 8602.

права или права на получение патента, а также предоставления права использования на основании лицензионного договора.

Правовая охрана результатов интеллектуальной деятельности за рубежом и дополнительные административные процедуры в связи с ее предоставлением

Одной из основных характеристик исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности является его территориальная ограниченность. Хотя в отношении отдельных объектов (например, баз данных, охраняемых смежным правом) еще не заключены международные договоры, и принцип взаимности в части признания правовой охраны баз данных как объектов смежных прав получил распространение не во всех государствах. В отношении большинства объектов авторского права и смежных прав международные договоры, включая Бернскую конвенцию по охране литературных и художественных произведений¹¹ (Берн, 9 сентября 1886 г.), Международную конвенцию об охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций¹² (Рим, 26 октября 1961 г.), Договор ВОИС по авторскому праву¹³ (Женева, 20 декабря 1996 г.), Договор ВОИС по исполнениям и фонограммам¹⁴ (Женева, 20 декабря 1996 г.), предусматривают возможность автоматической правовой охраны этих объектов в зарубежных странах, участвующих в международных договорах, и признание исключительных прав авторов и иных правообладателей из других стран – участниц таких договоров.

Такое признание не характерно для объектов промышленной собственности. Большинство международных договоров в сфере промышленной собственности и патентного права, в частности, регулируют отношения, преимущественно связанные с получением правовой охраны, а именно – с регистрацией таких объектов. Парижская конвенция предусматривает национальный режим для иностранных граждан (ст. 2), но не устанавливает автоматической охраны с момента создания изобретений, полезных моделей и промышленных образцов. Кроме того, из ст. 4 bis Парижской конвенции вытекает положение о независимости патентов [Черничкина, Г. Н., 2019, с. 23], несмотря на то, что они могут касаться одного и того же изобретения и принадлежать одним и тем же лицам.

Исключительные права на изобретения, полезные модели и промышленные образцы признаются на территории тех государств, в которых

¹¹ Бюллетень международных договоров. 2003. № 9. С. 3.

¹² Бюллетень международных договоров. 2005. № 7.

¹³ Бюллетень международных договоров. 2016. № 12.

¹⁴ Бюллетень международных договоров. 2016. № 12.

запатентованы соответствующие результаты. Для получения правовой охраны и признания интеллектуальных прав требуется национальная, региональная или международная регистрация.

Следует учитывать, что, как справедливо отмечает Г. Н. Буднева, территориальный принцип действия патентов имеет свои правовые особенности (в том числе в независимости правовой охраны в различных государствах, отличии сроков и объема правовой охраны с принятием самостоятельных мер защиты в разных странах) [Буднева, Г. Н., 2014]. Так, если для изобретений и полезных моделей срок действия исключительного права в России и Китае равен соответственно 20 и 10 годам, срок действия исключительного права на промышленный образец в Китае равен 15 годам (ст. 42 Патентного закона КНР), а в Российской Федерации – пяти годам с возможностью неоднократного продления каждый раз на пять лет (максимальный срок действия не может быть более чем 25 лет (ст. 1363 ГК РФ).

Имеет смысл осуществить патентование изобретений, полезных моделей и промышленных образцов в тех государствах, в которых предполагается использование соответствующих объектов или их коммерциализация, в частности, посредством заключения лицензионных договоров, внесения исключительных прав в качестве вкладов в уставный капитал и т. д. Представляется, что на этапе подготовки к патентованию результатов интеллектуальной деятельности партнеры должны совместно разработать патентную стратегию. В патентной стратегии следует определить потенциальных пользователей, которых могли бы заинтересовать такие результаты интеллектуальной деятельности, и, как следствие, государства, в которых предполагается получить правовую охрану.

Наличие потенциальных пользователей созданных, но еще не запатентованных в зарубежных странах результатов интеллектуальной деятельности не всегда гарантирует коммерческий успех. Целесообразно учитывать и наличие потенциальных конкурентов, которые уже имеют правовую охрану своих результатов или подали заявки в аналогичных странах. В этой связи потребуется проведение патентных исследований. Проведению патентных исследований способствуют цифровые сервисы, в том числе имеющиеся в распоряжении Всемирной организации интеллектуальной собственности. Некоторые организации предоставляют услуги патентного картирования (составляют так называемые патентные ландшафты). Такая услуга в России предоставляется, например, Федеральным институтом промышленной собственности.

В последнее время в Российской Федерации наметилась тенденция по сокращению сроков патентования результатов интеллектуальной деятельности [Эриванцева, Т. Н., 2020]. По данным Роспатента за 2021 г., средняя длительность рассмотрения заявок на изобретения – 3,62 ме-

сяца¹⁵. Сокращение сроков имеет как свои преимущества, так и недостатки. Преимуществом ускорения экспертизы является возможность более ранней коммерциализации объектов патентного права, в частности, на основе договоров о распоряжении исключительным правом (например, предоставление лицензий или возможность отчуждения исключительного права). Кроме того, в связи с государственной регистрацией у патентообладателя возникает право на защиту его патентных прав в случае их нарушения третьими лицами. Вместе с тем при сокращении сроков экспертизы заявки патентными экспертами может быть не учтена часть заявок на изобретения в зарубежных странах, в том числе с высокой патентной активностью.

Представляется, что сокращенный срок рассмотрения заявок наиболее актуален для полезных моделей. В то же время для изобретений «спешка» в получении правовой охраны за счет сокращения срока государственной экспертизы заявки по существу не всегда оправданна и выгодна для заявителя. В связи с подачей заявки на выдачу патента на изобретение заявителю предоставляется временная правовая охрана такого объекта. В период проведения экспертизы у заявителя имеется время на проведение патентных исследований, в том числе на выявление потенциальных регионов для производства и распространения продукции, в производстве которой использован патентуемый результат интеллектуальной деятельности.

Запатентовать изобретения и другие объекты патентных прав на территории других государств можно, воспользовавшись национальной, региональной или международной системами патентования. Запатентовать объект патентных прав в другом государстве возможно посредством подачи заявки на выдачу патента в соответствующем государстве.

В частности, для получения правовой охраны объектам патентных прав в Китае необходимо подать заявку в Китайское государственное управление по интеллектуальной собственности (СНИПА)¹⁶. Для получения региональных патентов необходимо обратиться в региональные патентные ведомства: Африканское региональное ведомство промышленной собственности (ARIPO) (англоязычные страны Африки); Африканскую организацию интеллектуальной собственности (ОАПИ) (франкоязычные страны Африки); Евразийское патентное ведомство (Азербайджанская Республика, Кыргызская Республика, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Таджикистан, Российская

¹⁵ Роспатент в цифрах и фактах. Отчет о деятельности Роспатента за 2021 год. М. : Роспатент, 2022. С. 17. URL: <https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/otchet-2021-ru.pdf>.

¹⁶ China National Intellectual Property Administration (CNIPA). URL: <https://www.cnipa.gov.cn>.

Федерация, Туркменистан); Европейское патентное ведомство; Патентное ведомство Совета по сотрудничеству стран залива. Китай не участвует в региональных системах патентования, в связи с этим помимо национальной процедуры для получения правовой охраны в Китае можно воспользоваться международной процедурой патентования. Международная система патентования предполагает подачу одной международной заявки в соответствии с Договором о патентной кооперации¹⁷ (Вашингтон, 19 июня 1970 г.), административные функции которого выполняет ВОИС, и получение нескольких патентов в выбранных странах.

Целесообразно соблюдать важное правило зарубежного патентования, согласно которому первая заявка на изобретение или промышленный образец, созданные в России, должна быть подана в Российской Федерации в Федеральную службу по интеллектуальной собственности (Роспатент). При этом необходимо помнить, что в отношении созданных в России изобретений и полезных моделей заявки на выдачу патента в иностранных государствах могут быть поданы только по истечении 6 месяцев со дня подачи соответствующей заявки в Роспатент (п. 1 ст. 1395 ГК РФ). В тех случаях, когда заявитель намерен воспользоваться системой международного или регионального патентования и запатентовать свое изобретение или полезную модель, созданные в Российской Федерации, в соответствии с положениями Договора о патентной кооперации или Евразийской патентной конвенции¹⁸ (Москва, 9 сентября 1994 г.), допускается патентование без предварительной подачи национальной заявки в Роспатент с теми условиями, что международная заявка будет подана в Роспатент в качестве получающего ведомства и Российская Федерация в ней указана в качестве государства, в котором заявитель намерен получить патент, а евразийская заявка подана через Роспатент.

Такое требование обусловлено необходимостью сохранения государственной тайны в случае, если она может содержаться в созданном изобретении или полезной модели. В целях обеспечения промышленной безопасности ст. 7.28 КоАП РФ¹⁹ предусмотрена административная ответственность за нарушение установленного порядка патентования объектов промышленной собственности в иностранных государствах. Административная ответственность выражается в наложении административного штрафа на граждан в размере от одной тысячи до двух тысяч рублей; на юридических лиц – от пятидесяти тысяч до восьмидесяти тысяч рублей.

¹⁷ URL: <https://wipo.lex.wipo.int/en/text/488146>.

¹⁸ Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 20. Ст. 2323.

¹⁹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

Однако эффективность применения на практике положений ст. 7.28 КоАП РФ не бесспорна, что также отмечается специалистами [Селезнев, В. А., 2019; Лопатин, В. Н., 2014]. С одной стороны, очень сложно доказать создание изобретения или полезной модели именно на территории Российской Федерации, с другой – незначительность размера административного штрафа не для всех лиц будет носить предупредительный характер. Следует отметить, что для применения положения ст. 1395 ГК РФ не имеет значения гражданство авторов изобретений и полезных моделей. Даже если все изобретатели будут иностранцами, но изобретение было создано на территории Российской Федерации, должно применяться положение ст. 1395 ГК РФ. Специалисты обращают внимание на проблематичность установления места создания изобретения или полезной модели [Трахтенгерц, Л. А., 2009, с. 410]. Отсутствие подачи первой заявки в Российской Федерации может быть выявлено в результате контрольно-надзорных мероприятий или в связи с наличием обязательств по договорам, связанным с созданием результатов интеллектуальной деятельности. Именно такие договоры могут свидетельствовать о том, что изобретения и полезные модели были созданы на территории Российской Федерации в связи с выполнением обязательств по гражданско-правовым договорам.

Более негативные последствия могут наступить для изобретателей и патентообладателей, если заявка не была подана в соответствии с требованием ст. 1395 ГК РФ и содержала сведения, которые могут относиться к государственной тайне. За разглашение государственной тайны в соответствии со ст. 283 УК РФ²⁰ наступает уголовная ответственность в виде ареста на срок от четырех до шести месяцев либо лишения свободы на срок до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового.

Требование, касающееся первой заявки, которая должна быть подана в стране создания изобретения или полезной модели, содержится в законодательных актах и других государствах.

В Китае требуется «получение так называемого разрешения на зарубежное патентование» [Оникиенко, И., Насонова, К., 2015]. В случае заинтересованности юридического или физического лица подать заявку на получение патента в иностранном государстве на изобретение или полезную модель, созданную в Китае, такое лицо должно предварительно направить запрос в патентное ведомство для проверки конфиденциальности и получить разрешение (ст. 19 Патентного закона КНР). Данное требование должно соблюдаться и при подаче международной патентной заявки. В случае нарушения указанного требования и по-

²⁰ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

дачи заявки на получение патента изобретение или полезную модель в зарубежных странах без получения соответствующего разрешения при подаче заявки в Китае в предоставлении патентного права в отношении этого изобретения или полезной модели будет отказано. А если подача заявки в иностранном государстве повлечет за собой разглашение государственной тайны, в Китае предусматривается административное взыскание и привлечение к уголовной ответственности (ст. 78 Патентного закона КНР).

Но если в законодательстве Российской Федерации не предусмотрено никаких ограничений и соблюдения дополнительных формальностей отчуждения права на получение патента иностранному лицу, такие формальности (например, требование к форме договора или регистрации) могут быть установлены зарубежным законодательством.

В пункте 3 ст. 1357 ГК РФ установлено общее для всех лиц вне зависимости от гражданства сторон или принадлежности к какому-либо государству требование о письменной форме договора об отчуждении права на получение патента на изобретение, полезную модель или промышленный образец, несоблюдение которого влечет недействительность договора. Также не предусмотрено особенностей распоряжения исключительным правом на объекты патентного права по договорам с иностранными лицами и соблюдения дополнительных формальностей.

В Китае при передаче права на получение патента и исключительного права на изобретение, полезную модель и промышленный образец, если приобретателем права является иностранное лицо, требования законодательства более строгие. В случае передачи права на получение патента или исключительного права иностранному лицу в соответствии со ст. 10 Патентного закона КНР китайское юридическое или физическое лицо должно соблюсти все формальности согласно положениям соответствующих законов и административных правил. При уступке права на подачу заявки на патент или патентного права стороны заключают письменный договор и регистрируют его в патентном ведомстве (ст. 10 Патентного закона КНР).

Заключение

Таким образом, при реализации совместных проектов, связанных с разработкой новых технологий, следует учитывать положения не только Гражданского кодекса Российской Федерации и других российских правовых актов, но и международных договоров в сфере интеллектуальной собственности, а также актов зарубежных стран. Еще на стадии переговоров с зарубежными партнерами целесообразно договориться о применимом к правоотношениям праве, распределении интеллектуальных прав на предполагаемые результаты интеллектуальной деятельности. В статье показано при сравнении некоторых положений правовых актов России и Китая, что, несмотря на наметившуюся в це-

лом гармонизацию, в каждом государстве имеются свои особенности, включая относящиеся к административным процедурам и правовым последствиям, которые следует учитывать в случае намерения получения правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности в других государствах.

Кроме того, во внутренних документах университета или научной организации, например политике (или концепции) организации по интеллектуальной собственности, целесообразно указать на те положения, которые требуют обязательного согласования в случае осуществления интеллектуальной деятельности в рамках совместных проектов с зарубежными партнерами.

Список источников

Буднева Г. Н. Международно-правовая охрана изобретений // Закон. 2014. № 2. С. 129–135.

Васильева Е. Н. Права на результаты интеллектуальной деятельности, созданные в бюджетных учреждениях за счет средств федерального бюджета // Труды Института государства и права РАН. 2012. № 3. С. 150–164.

Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части четвертой (постатейный) / отв. ред. Л. А. Трахтенгерц. М. : Юрид. фирма «Контракт: Инфра-М», 2009. 812 с.

Лопатин В. Н. Семь уроков кодификации законодательства об интеллектуальной собственности // Юридический мир. 2014. № 1. С. 30–38.

Моргунова Е. А. Правовое регулирование договоров в области авторского права. М. : Патент, 2008. 112 с. ISBN: 978-5-468-00205-6.

Моргунова Е. А., Фролова Н. М. Исключительное право в гражданском обороте : учеб. пособие. М. : Норма : Инфра-М, 2021. 496 с. ISBN: 978-5-00156-170-5.

Оникиенко И., Насонова К. Патентование изобретений в Китае // ЭЖ-Юрист. 2015. № 16.

Савиных В. А. Правовой режим результатов интеллектуальной деятельности бюджетных учреждений в научной сфере и сфере образования // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 12. С. 123–130. DOI: 10.17803/1994-1471.2018.97.12.123-130.

Селезнев В. А. О спорадичности применения отдельных норм особенной части КоАП РФ об административной ответственности юридических лиц // Журнал российского права. 2019. № 6. С. 137–150. DOI: 10.12737/jrl.2019.6.13.

Черничкина Г. Н. Основы правовой охраны промышленной собственности и особенности ее защиты. М. : РГУП, 2019. 166 с. ISBN: 978-5-93916-728-4.

Шахназаров Б. А. Система правового регулирования трансграничных отношений в сфере промышленной собственности. М. : Проспект, 2021. 456 с. ISBN: 978-5-392-34698-1.

Эриванцева Т. Н. Сокращение сроков экспертизы заявок на изобретения: есть ли предел? // Интеллектуальные права. Патенты и лицензии. 2020. № 4. С. 2–7.

References

Budneva, G. N., 2014. [International legal protection of inventions]. *Zakon* = [Statute], 2, pp. 129–135. (In Russ).

Chernichkina, G. N., 2019. *Osnovy' pravovoj ohrany' promy'shlennoj sobstvennosti i osobennosti ee zashchity'* = [Fundamentals of legal protection of industrial property and features of its protection]. Moscow: Russian State University of Justice. 166 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-93916-728-4.

Erivantseva, T. N., 2020. Shortening the term of examination of the application for invention: is there a limit? *Intellektual'ny'e prava. Patenty' i licenzii* = [Intellectual Rights. Patents and Licenses], 4, pp. 2–7. (In Russ).

Lopatin, V. N., 2014. [Seven Lessons of Codification Intellectual Property Legislation]. *Yuridicheskij mir* = [Juridical World], 1, pp. 30–38. (In Russ).

Morgunova, E. A., 2008. *Pravovoe regulirovanie dogovorov v oblasti avtorskogo prava* = [Legal regulation of contracts in the field of copyright]. Moscow: Patent. 112 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-468-00205-6.

Morgunova, E. A., Frolova, N. M., 2021. *Isklyuchitel'noe pravo v grazhdanskom oborote: uchebnoe posobie* = [Exclusive right in civil circulation: a study guide]. Moscow: Norma, Infra-M. 496 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-00156-170-5.

Onikienko, I., Nasonova, K., 2015. [Patenting inventions in China]. *E'Zh-Yurist* = [Economics and Life – Lawyer], 16. (In Russ).

Savinykh, V. A., 2018. [Legal Regime of the Results of Intellectual Activities of Budgetary Institutions in the Scientific and Educational Spheres]. *Aktual'nye problemy' rossijskogo prava* = [Actual Problems of Russian Law], 12, pp. 123–130. (In Russ.) DOI: 10.17803/1994-1471.2018.97.12.123-130.

Seleznev, V. A., 2019. [On the Sporadic Application of Certain Provisions of the Special Part of the Administrative Code on

Administrative Liability of Legal Entities]. *Zhurnal rossijskogo prava* = Journal of Russian Law, 6, pp. 137–150. (In Russ.) DOI: 10.12737/jrl.2019.6.13.

Shakhnazarov, B. A., 2021. *Sistema pravovogo regulirovaniya transgranichny'x otnoshenij v sfere promy'shlennoj sobstvennosti* = [The system of legal regulation of cross-border relations in the field of industrial property]. Moscow: Prospekt. 456 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-392-34698-1.

Trakhtengercz, L. A., ed., 2009. *Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii chasti chetvertoj (postatejnyj)* = [Commentary to the Civil Code of the Russian Federation, part four (item-by-article)]. Moscow: Kontrakt: Infra-M. 812 p. (In Russ.)

Vasil'eva, E. N., 2012. [Rights to the results of intellectual activity created in budgetary institutions at the expense of the federal budget]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN* = [Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS], 3, pp. 150–164. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the author

Бузова Наталья Владимировна, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Российского государственного университета правосудия (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).

Natal'ya V. Buzova, Cand. Sci. (Law), Leading Researcher, Russian State University of Justice (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

ORCID: 0000-0003-2268-0345

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interest.

Дата поступления рукописи в редакцию издания: 03.09.2022; дата одобрения после рецензирования: 15.09.2022; дата принятия статьи к опубликованию: 10.10.2022.

Submitted: 03.09.2022; reviewed: 15.09.2022; revised: 10.10.2022.

Научная статья

УДК 343.1

DOI: 10.37399/2686-9241.2023.1.177-192

Обеспечение судом правовых интересов в досудебных стадиях уголовного судопроизводства

Оксана Валентиновна Качалова¹,
Игорь Романович Хроменков²

¹ *Российский государственный университет правосудия, Москва, Российская Федерация*

² *Прокуратура города Москвы, Москва, Российская Федерация*

¹ *oksana_kachalova@mail.ru, ² noveling@bk.ru*

Аннотация

Введение. Объективная потребность в обеспечении разнонаправленных правовых интересов участников процесса, выполняющих уголовно-процессуальные функции защиты и обвинения, требует безотлагательной проверки независимым и беспристрастным судебным органом законности и обоснованности различных ходатайств, решений и действий государственно-властных субъектов уголовно-процессуальной деятельности.

Методы. Методологическую основу исследования составляют всеобщий диалектический метод научного познания, позволивший изучить предмет исследования во взаимосвязи с другими правовыми явлениями, а также общенаучные методы познания (анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия, моделирование) и частнонаучные методы познания (формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой).

Результаты исследования. Суд активно участвует в досудебном производстве во время рассмотрения различных материалов (ходатайств и жалоб), осуществляя индивидуальное судебное регулирование при обеспечении правовых интересов в каждом конкретном случае. Уголовно-процессуальные правоотношения между судом и государственно-властными участниками процесса и взаимодействия суда с иными представителями контрольно-надзорной деятельности осуществляются в рамках правового, институционального и инструментального элементов системы обеспечения частных и публичных правовых интересов.

Обязательной частью системы обеспечения частных и публичных правовых интересов в уголовном судопроизводстве является правоприменительный элемент, в ходе которого суд по результатам оценки фактических обстоятельств дела осуществляет индивидуальное судебное регулирование, применяя абстрактные нормы уголовно-процессуального права к реально возникающим в

ходе правоприменительной деятельности суда уголовно-процессуальным отношениям в досудебном производстве, обеспечивая в каждом конкретном случае тем самым правовые интересы участников уголовного процесса.

Обсуждение и заключение. Процессуальная деятельность суда по обеспечению правовых интересов в досудебных стадиях российского уголовного судопроизводства, в ходе которой суд при рассмотрении различных материалов досудебного производства осуществляет индивидуальное судебное регулирование в каждом конкретном случае, оказывает существенное влияние на законность всего досудебного производства в целом: способствует соблюдению разумного срока уголовного судопроизводства, реализации назначения уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: суд, досудебное производство, правовые интересы, публичные интересы, меры уголовно-процессуального принуждения, рассмотрение жалоб

Для цитирования: Качалова О. В., Хроменков И. Р. Обеспечение судом правовых интересов в досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Правосудие/Justice. 2023. Т. 5, № 1. С. 177–192. DOI: 10.37399/2686-9241.2023.1.177-192.

Original article

Provision by the Court of Legal Interests in the Pre-Trial Stages of Criminal Proceedings

Oksana V. Kachalova¹, Igor' R. Khromenkov²

¹ Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation

² Prosecutor's Office of the City of Moscow, Moscow, Russian Federation

For correspondence: ¹ oksana_kachalova@mail.ru, ² noveling@bk.ru

Abstract

Introduction. There is an objective need to ensure the divergent legal interests of the participants in the process, performing the criminal procedural functions of defense and prosecution, receive urgent verification by an independent and impartial judicial body as to the legality and validity of various petitions, decisions and actions of state authorities of the subjects of criminal procedural activity.

Methods. The methodological basis of the research was the universal dialectical method of scientific cognition, which made it possible to study the subject of research in relation to other legal phenomena. This also included general scientific methods of cognition (analysis, synthesis, induction, deduction, analogy, modeling) and private scientific methods of cognition (formal legal, historical legal, comparative legal).

Results. The court actively participates in pre-trial proceedings during the consideration of various materials (petitions and complaints), carrying out individual judicial regulation while ensuring legal interests in each specific case. Within the framework of criminal procedural legal relations between the court and state-governmental participants in the process, and the interaction of the court with other representatives of control and supervisory activities is carried out within the framework of legal, institutional and instrumental elements of the system that ensures private and public legal interests.

An obligatory part of the system of ensuring private and public legal interests in criminal proceedings is the law enforcement element. During this the court, based on the results of an assessment of the actual circumstances of the case, carries out individual judicial regulation, applying abstract norms of criminal procedural law to criminal procedural relations that actually arise in the course of the court's law enforcement activities in pre-trial proceedings and thereby ensuring in each case in this case, the legal interests of the participants in the criminal process.

Discussion and Conclusion. The procedural activity of the court to ensure legal interests in the pre-trial stages of Russian criminal proceedings, during which the court, when considering various materials of pre-trial proceedings, carries out individual judicial regulation in each specific case, has a significant impact on the legality of the entire pre-trial proceedings as a whole: promotes compliance with a reasonable period of criminal proceedings, the implementation of the purpose of criminal proceedings.

Keywords: court, pre-trial proceedings, legal interests, public interests, measures of criminal procedural coercion, consideration of complaints

For citation: Kachalova, O. V., Khromenkov, I. R., 2023. Ensuring the court's legal interests in the pre-trial stages of criminal proceedings. *Pravosudie/Justice*, 5(1), pp. 177–192. (In Russ.) DOI: 10.37399/2686-9241.2023.1.177-192.

Введение

Принудительный характер уголовно-процессуальной деятельности, возможность принятия органами предварительного расследования процессуальных решений, исключающих дальнейшее производство по материалу проверки или уголовному делу по стадиям, нередко сопровождаются ограничением конституционных прав и свобод личности. Объективная потребность в обеспечении разнонаправленных правовых интересов участников процесса, выполняющих уголовно-процессуальные функции защиты и обвинения, требует безотлагательной проверки независимым и беспристрастным судебным органом законности и обоснованности различных ходатайств, решений и действий государственно-властных субъектов уголовно-процессуальной деятельности.

Современная отечественная уголовно-процессуальная политика последовательно направлена на повышение роли суда в досудебных стадиях процесса: обозначилась тенденция к расширению полномочий суда при применении мер пресечения, выделены процессуальные особенности рассмотрения судом отдельных категорий жалоб (ст. 125.1 УПК РФ), правовое регулирование приобрела процедура судебного порядка получения разрешения отмены постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования (ст. 214.1 УПК РФ).

Несмотря на расширение полномочий суда в досудебном производстве, правозащитный потенциал подобной судебной деятельности полностью не реализован. Во-первых, анализ судебной практики судов апелляционных и кассационных инстанций свидетельствует о том, что нередко суды как при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125

УПК РФ, так и при оценке законности различных ходатайств органов предварительного расследования о применении мер принуждения во многом формально подходят к их разрешению, оценивая соблюдение процессуальных условий и оснований для обращения в суд, но фактически уклоняясь от проверки юридической обоснованности обжалуемых действий, решений, а также заявленных органами, осуществляющими расследование, ходатайств. Во-вторых, в ходе рассмотрения жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ в случае установления факта формальной отмены обжалуемого действия или решения прокурором либо руководителем следственного органа судья лишен возможности разрешить уголовно-процессуальный спор по существу. В-третьих, судья по результатам рассмотрения жалобы в рамках ст. 125 УПК РФ, признав обжалуемое решение органа предварительного расследования незаконным, в соответствии с действующим правовым регулированием не вправе его отменить, в отличие от начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, руководителя следственного органа и прокурора, в связи с чем реальная исполнимость судебного решения ставится под обоснованное сомнение. В-четвертых, деятельность суда по даче предварительного разрешения органам предварительного расследования на производство следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан, подчинена целям уголовно-процессуального доказывания, которое зачастую осуществляется в условиях охраняемой законом тайны предварительного расследования. Однако действующее правовое регулирование, допуская в качестве общего правила проведение открытого судебного заседания при рассмотрении ходатайства следователя, создает все условия для утраты будущим следственным действием эффекта внезапности и его потенциального доказательственного значения для предварительного расследования. И, самое главное, ошибки, допускаемые судами по результатам разрешения ходатайств органов предварительного расследования и рассмотрения жалоб на действия и решения органов, осуществляющих досудебное производство, не всегда могут быть исправлены вышестоящими судебными инстанциями, в связи с чем в судебной практике нередко возникает необходимость в новом судебном рассмотрении материала, решение по которому ранее было отменено.

Методы

Методологическую основу исследования составляют всеобщий диалектический метод научного познания, позволивший изучить предмет исследования во взаимосвязи с другими правовыми явлениями, а также общенаучные методы познания (анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия, моделирование) и частнонаучные методы познания (формально-юридический, сравнительно-правовой).

Результаты исследования

Отсутствие теоретических подходов к вопросам обеспечения судом правовых интересов в досудебных стадиях российского уголовного процесса, недостаточное правовое регулирование возникающих при этом уголовно-процессуальных отношений, а также отсутствие единой судебной практики требуют глубокого исследования данного вопроса в целях создания необходимых условий для наиболее эффективной реализации судом процессуальных полномочий при рассмотрении различных материалов в досудебном производстве, установления и поддержания судом оптимального и объективного соотношения частных и публичных правовых интересов в ходе досудебных стадий уголовно-процессуальной деятельности.

В. В. Ершов обращает внимание на значимую для всей юридической науки, в том числе уголовно-процессуальной, задачу изучения активной роли суда «в процессе индивидуального судебного регулирования правоотношений, например, толкования и преодоления коллизий между принципами и нормами права, применения относительно определенных и диспозитивных норм права, преодоления пробелов в отдельных формах международного и внутригосударственного права» [Ершов, В. В., 2020, с. 42].

В науке уголовного процесса деятельность по обеспечению прав и свобод личности рассматривается сквозь призму теории уголовно-процессуальных правоотношений [Ахматов, И. И., 2017, с. 4]. Разнообразный субъектный состав участников досудебных стадий российского уголовного судопроизводства порождает ряд уголовно-процессуальных правоотношений, возникающих между ними, что, в свою очередь, обуславливает активное включение в указанные правоотношения суда. Полистадийный характер отечественного досудебного производства, а также совершение различных по своему содержанию процессуальных действий и принимаемых стороной обвинения процессуальных решений по уголовному делу порождают многообразие частных и публичных правовых интересов, которые нуждаются в своевременной и адекватной защите.

Под правовыми интересами следует понимать социально детерминированные, возникающие на основе потребностей как отдельных индивидов, социальных групп, так и общества в целом внутренне осознаваемые участниками уголовного процесса ориентиры их уголовно-процессуальной деятельности, направленные на достижение социально значимых результатов, воплощающиеся в целях и задачах уголовного судопроизводства, принципах уголовного процесса, субъективных правах, обязанностях его участников и полномочиях государственно-властных участников процесса [Масленникова, Л. Н., 2000, с. 48–62; Каминский, Э. С., 2018, с. 271–272; Хроменков, И. Р., 2022].

Публичными правовыми интересами в уголовном судопроизводстве являются интересы правосудия в целом, которые совпадают с интересами общества и государства. В ходе стадий, предшествующих направлению уголовного дела в суд, публичные правовые интересы представляют собой интересы правосудия, реализуемые в ходе досудебного производства. Эффективная реализация публичных правовых интересов состоит в своевременном и справедливом разрешении уголовно-правовых конфликтов.

А. А. Тарасов и А. Р. Шарипова обоснованно пишут, что «именно разномысленные интересы всех участников уголовного судопроизводства обеспечивают возникновение и движение уголовного дела с момента получения первой выраженной вонне информации о совершенном или готовящемся преступлении до окончания всех уголовно-процессуальных правоотношений» [Тарасов, А. А., Шарипова, А. Р., 2019, с. 162].

Уголовно-процессуальные интересы находят свое выражение в целях и задачах процессуальной деятельности. При этом целью уголовной юстиции является своевременное, пропорциональное и справедливое разрешение уголовно-правового конфликта по каждому уголовному делу. Задачи уголовного судопроизводства определяются кругом его участников на различных стадиях процесса. Назначение системы уголовного правосудия – своевременная, эффективная и адекватная защита общества, государства и личности от противоправных посягательств, от преступности в целом. В законодательно определенном назначении российского уголовного судопроизводства формально приоритетное значение отдается частным интересам, однако в отечественной доктрине уголовного процесса, российской уголовно-процессуальной политике и правоприменительной практике превалирует подход, согласно которому интересы общества и государства в уголовно-процессуальной сфере обоснованно имеют определяющее значение [Качалова, О. В., 2016].

Юридическая сущность и содержание правовых интересов в уголовном судопроизводстве могут быть определены посредством выявления их институциональных свойств на основе следующих критериев: 1) содержательного (в его основе – дифференциация интересов на частные и публичные), посредством использования которого выявляется сфера закрепления правовых интересов: в целях и задачах уголовного судопроизводства; в принципах уголовного процесса; в субъективных правах и обязанностях участников процесса; в полномочиях государственно-властных участников процесса; 2) субъектного (интересы, которые могут быть обеспечены участниками уголовного судопроизводства самостоятельно; при помощи действий их представителей; посредством реализации полномочий должностных лиц); 3) темпорального (временного) критерия (интересы, направленные на превентивную правовую охрану прав и свобод участников процесса; интересы, направленные

на беспрепятственную реализацию прав и свобод его участников в настоящее время; интересы, направленные на защиту и восстановление нарушенных прав и свобод); 4) правового (интересы, получившие правовое закрепление, и интересы, не нашедшие прямого отражения в законе, но также подлежащие правовой охране).

В настоящее время выявилась общемировая тенденция возрастания роли суда в ходе досудебного производства, связанная с расширением проверочных полномочий судебных органов применительно к деятельности органов предварительного расследования. В связи с этим рассмотрение судом различных материалов досудебного производства – это деятельность по осуществлению правосудия, целью которой является защита как прав и законных интересов отдельных лиц (частных интересов), так и интересов государства и общества в целом (публичных интересов). В наши дни все более отчетливо проявляется тенденция возрастания значимости процессуальной деятельности суда при рассмотрении различных материалов в российском досудебном производстве, поскольку реализация судом процессуальных полномочий в досудебных стадиях процесса не сводится исключительно к идее «отказоустойчивости», т. е. деятельность суда в ходе досудебных стадий не является субсидиарной (дополнительной), поскольку в ходе досудебного производства создаются все необходимые условия для будущего судебного разбирательства. Поэтому суд не может быть полностью отстранен от деятельности органов предварительного расследования: он должен осуществлять проверку законности различных ходатайств, действий и решений стороны обвинения, при этом не посягая на ее самостоятельность.

Суд активно участвует в досудебном производстве во время рассмотрения различных материалов (ходатайств и жалоб), осуществляя индивидуальное судебное регулирование при обеспечении правовых интересов в каждом конкретном случае. Уголовно-процессуальные правоотношения между судом и государственно-властными участниками процесса и взаимодействие суда с иными представителями контрольно-надзорной деятельности осуществляются в контексте правового, институционального и инструментального аспекта [Хроменков, И. Р., 2021, с. 221–223]. Инструментальный аспект предполагает, что данное взаимодействие осуществляется на нескольких уровнях: 1) представители каждого из последующих контрольно-надзорных институтов (ведомственного контроля, прокурорского надзора и судебной проверки) оценивают законность действий и решений, принятых тем или иным участником процесса ранее (первый уровень взаимодействия «по горизонтали»); 2) внутри ведомственного контроля, прокурорского надзора и судебной проверки есть вышестоящие инстанции, по этой причине если нижестоящий орган вовремя не выявит ошибку, то исправить ее должен будет вышестоящий орган (второй уровень взаимодействия «по

вертикали»); 3) одновременное сочетание первых двух уровней взаимодействия суда с другими участниками процесса, обладающими государственно-властными полномочиями (третий уровень комбинированного взаимодействия, как «по горизонтали», так и «по вертикали»).

Обязательной частью системы обеспечения частных и публичных правовых интересов в уголовном судопроизводстве является правоприменительный элемент, в ходе которого суд по результатам оценки фактических обстоятельств дела осуществляет индивидуальное судебное регулирование, применяя абстрактные нормы уголовно-процессуального права к реально возникающим в ходе правоприменительной деятельности суда уголовно-процессуальным отношениям в досудебном производстве и тем самым обеспечивая в каждом конкретном случае правовые интересы участников уголовного процесса. Ключевыми индикаторами обеспечения досудебного производства, практическое применение которых существенным образом затрагивает конституционные права, свободы и правовые интересы граждан и поэтому предопределяет прерогативу суда в их разрешении, являются: 1) избрание пропорциональной с учетом фактических обстоятельств меры уголовно-процессуального принуждения с целью обеспечения беспрепятственного производства по уголовному делу, стимулирования правомерного поведения лица, привлекаемого к уголовной ответственности, и достижения иных задач, связанных с реализацией публичных правовых интересов в досудебном производстве; 2) безотлагательная проверка законности действий и решений органов, осуществляющих досудебное производство, в тех случаях, когда исключается дальнейшее производство по материалу проверки или уголовному делу либо иным образом затрагиваются права и свободы заинтересованных лиц, создающие препятствия для их практической реализации; 3) участие в уголовно-процессуальном доказывании, когда средством получения доказательства будет являться следственное действие, проводимое тайно либо принудительно против воли частных лиц. Исходя из указанных индикаторов, можно выделить основные действия, в ходе которых суд, осуществляя индивидуальное регулирование, обеспечивает частные и публичные правовые интересы в досудебном производстве: 1) применение судом мер уголовно-процессуального принуждения; 2) рассмотрение судом жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ с целью охраны, защиты и восстановления нарушенных прав участников процесса; 3) дача судами разрешений на производство следственных (процессуальных) действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан, без которых в ряде случаев интересы правосудия, реализуемые в ходе досудебного производства, не смогут быть достигнуты, что повлечет также в будущем невозможность справедливого разрешения уголовно-правового конфликта.

Помимо традиционно существующего в науке уголовно-процессуального права подразделения текущей процессуальной деятельности

суда по рассмотрению материалов в досудебном производстве исходя из темпорального (временного) критерия ее осуществления на две самостоятельные формы – предварительную (перспективную) и последующую, в настоящее время есть все основания для выделения специфической промежуточной (смешанной) формы рассмотрения судом материалов в досудебном производстве, комбинирующей в себе черты как предварительной (перспективной), так и последующей форм рассмотрения судом материалов в досудебном производстве (например, при продлении срока мер уголовно-процессуального принуждения, избираемых по решению суда; при установлении судом срока ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела при злоупотреблении правом на защиту, выражающемся в явном затягивании разумного срока уголовного судопроизводства). В ходе применения этой формы судья, с одной стороны, выясняет у лица, ведущего производство по уголовному делу, какие действия были совершены в прошлом, а с другой стороны – запланированный на будущее время объем следственных и процессуальных действий.

Российская модель рассмотрения судом материалов в досудебном производстве по уголовным делам специфична, ее сущность может быть раскрыта при последовательном использовании следующих критериев: 1) сравнительно-правового: поскольку российской модели рассмотрения судом материалов в досудебном производстве присущи элементы, характерные для германской, французской и англо-американской уголовно-процессуальных систем; 2) темпорального (временного): для указанной формы рассмотрения судом материалов в досудебном производстве характерна специфическая форма – смешанная (промежуточная), которой присуще комбинированное сочетание элементов последующей и предварительной (перспективной) форм рассмотрения судом материалов досудебного производства; 3) с точки зрения объекта судебной проверки: суд рассматривает материалы в досудебных стадиях российского уголовного процесса с целью проверки законности действий и решений органов, осуществляющих предварительное расследование по уголовным делам, а в силу наличия инстанционной судебной системы решения нижестоящих судебных инстанций, принятые по результатам рассмотрения ходатайств органов предварительного расследования или жалоб на их действия и решения, подвергаются судебной проверке вышестоящими судами.

В силу приверженности отечественного уголовного процесса континентальной уголовно-процессуальной системе [Packer, H. L., 1968] российскими судами при рассмотрении материалов в досудебном производстве по уголовным делам может быть использован тест на пропорциональность, практическое применение которого связано с необходимостью принятия судьями правосудных решений при, как правило, противоречивой направленности правовых интересов его участ-

ников, что обуславливает поиск постоянного компромисса, с одной стороны, между интересами общества и государства (публичными интересами) и, с другой стороны, между конституционными правами и свободами конкретных граждан (частными интересами).

Использование теста на пропорциональность [Cohen-Eliya, M., Porat, I., 2010; Grimm, D., 2007] в российском уголовном процессе возможно в следующих формах: 1) по результатам обобщения Верховным и Конституционным судами Российской Федерации судебной практики с целью разъяснения сложных и противоречивых вопросов, возникающих в ходе правоприменительной практики; 2) в ходе рассмотрения судами общей юрисдикции различных материалов досудебного производства: при рассмотрении судами ходатайств органов предварительного расследования об избрании или о продлении мер уголовно-процессуального принуждения; во время рассмотрения судами жалоб участников процесса на действия (бездействие) органов, осуществляющих досудебное производство по уголовному делу; при рассмотрении ходатайств органов предварительного расследования о производстве следственных и процессуальных действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан; при рассмотрении судами ходатайств следователей об установлении срока ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела при явном злоупотреблении обвиняемым или его защитником правом на разумное и своевременное ознакомление с материалами уголовного дела.

Публичные правовые интересы при применении судом мер уголовно-процессуального принуждения в ходе досудебных стадий процесса связаны с обеспечением надлежащего хода судопроизводства, заключающегося в поступательном движении уголовного дела по стадиям и беспрепятственном расследовании преступления. Частные правовые интересы участников процесса со стороны защиты (подозреваемого, обвиняемого), а также иных лиц, чьи права и свободы также могут быть затронуты применением мер принуждения, связаны с неприменением или применением более мягкой меры уголовно-процессуального принуждения, что в большинстве случаев предполагает столкновение правовых интересов в досудебных стадиях процесса и необходимость нахождения судом разумного соотношения между ними при рассмотрении вопроса о возможном выборе конкретной меры процессуального принуждения [Качалова, О. В., Качалов, В. И., 2019, с. 18–20]. Применимость к процедуре судебной проверки общих условий судебного разбирательства, характерных для производства в суде первой инстанции (гласность, устность, состязательность, равноправие сторон), независимый характер судебной проверки от стороны обвинения, расширение числа процессуальных действий, в том числе мер уголовно-процессуального принуждения, ограничивающих конституционные права и свободы личности, составляющих исключительную компетенцию су-

дебных органов, свидетельствуют о безусловных преимуществах суда перед любыми концептуально допустимыми формами разрешения указанного вопроса несудебными органами (например, прокурорской легитимацией мер уголовно-процессуального принуждения, известной в советский период развития уголовного процесса).

Публичные правовые интересы при рассмотрении судом жалоб состоят в справедливом и своевременном их разрешении в тех случаях, когда конституционным правам и свободам участников уголовного процесса может быть причинен ущерб либо затруднен доступ граждан к правосудию вследствие совершения действий и принятия процессуальных решений государственно-властными участниками уголовно-процессуальной деятельности со стороны обвинения. Частные правовые интересы участников уголовного процесса при рассмотрении судом жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ связаны не только с признанием судом обжалуемого действия или решения незаконным, но и с последующим принятием органом предварительного расследования процессуального решения по материалу проверки или уголовному делу, прямо противоположного ранее принятому.

Вопрос о предмете судебной проверки при рассмотрении судом жалоб является одним из самых дискуссионных не только для ученых-процессуалистов, но и в судебной практике, поскольку наличие в ст. 125 УПК РФ таких оценочных, в большей степени научных и не определенных категорий, как «способность причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию», создает широкую свободу дискреционного усмотрения на стадии принятия судом жалобы к производству или при рассмотрении в судебном заседании, вследствие чего суды нередко в правоприменительной практике возвращают жалобы заявителям, прекращают производство по жалобам по надуманным основаниям, а иногда и вовсе необоснованно отказывают в удовлетворении поступившей жалобы, уклоняясь от проверки всех содержащихся в ней доводов. В связи с тем, что Конституция Российской Федерации (ч. 2 ст. 46 УПК РФ), ст. 123 УПК РФ гарантируют свободу судебного обжалования, которая так же характерна для процессуального порядка рассмотрения жалоб в рамках ст. 124 УПК РФ, и уголовно-процессуальное законодательство некоторых постсоветских государств (Республика Казахстан, Республика Украина, Эстонская Республика) содержит аналогичное регулирование, авторами настоящего исследования предлагается внести изменения в ч. 1 ст. 125 УПК РФ, предусмотрев возможность для участников уголовного процесса и иных лиц, чьи права и законные интересы затрагиваются совершенным действием или принятым процессуальным решением участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения, обжаловать их в суд.

Анализ судебной практики, уголовно-процессуального законодательства некоторых постсоветских государств (Республика Казахстан, Республика Беларусь, Республика Украина, Эстонская Республика) позволил прийти к выводу, что между правомочием суда в случае удовлетворения жалобы о признании обжалуемого действия или решения незаконным и последующей потенциальной исполнимостью судебного решения есть прямая взаимосвязь: чем меньше у суда в наличии процессуальных инструментов в случае удовлетворения жалобы, как в ныне действующем уголовно-процессуальном законодательстве, тем меньше шансов, что вынесенное судебное решение окажется реально исполнимым.

Обеспечение публичных правовых интересов в досудебном производстве по уголовным делам связано с объективным установлением обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовным делам, в связи с чем лицу, осуществляющему досудебное производство, нередко необходимо проводить следственные (процессуальные) действия и (или) получать в компетентных учреждениях сведения, содержащие охраняемую законом тайну, для чего требуется предварительно получить судебное решение. Частные правовые интересы участников процесса при даче судом разрешения на проведение следственных (процессуальных) действий связаны с проведением следственных (процессуальных) действий в полном соответствии с требованиями уголовно-процессуальных правовых актов, регламентирующих их проведение. Если они были нарушены, судья признает произведенное следственное (процессуальное) действие незаконным.

Критерием разграничения, позволяющим определить, в каком процессуальном порядке (в рамках ст. 125 УПК РФ или ст. 165 УПК РФ) будет рассматриваться жалоба заинтересованного лица на действия (бездействие) или решения следователя в результате проведенных по уголовному делу следственных действий, является законность проведения основного следственного действия, ограничивающего конституционные права и свободы граждан.

В том случае, если подлежат обжалованию результаты проведенного следственного действия по существу – соблюдение процессуальной формы, наличие или отсутствие достаточных оснований для проведения следственного действия, несоблюдение прав участников в ходе проведенного следственного действия, подлежат применению положения ч. 5 ст. 165 УПК РФ.

В тех случаях, когда подлежат обжалованию результаты не основного, а производного следственного действия или нарушены конституционные права граждан, которые не связаны с оспариванием самих результатов следственного действия, его законности и обоснованности (например, невозврат следователем денежных средств, изъятых в ходе обыска и признанных в последующем вещественным доказательством), подлежит применению процессуальный порядок, регламентированный

ст. 125 УПК РФ. Институт рассмотрения судом жалоб, предусмотренный ст. 125 УПК РФ, применим также в тех ситуациях, когда заявитель полагает, что следователем не были соблюдены требования ст. 165 УПК РФ, связанные как с предварительным получением решения суда на производство конкретного следственного действия, так и с последующим неуведомлением суда.

В остальных случаях, как правило, оценка законности проведенного следственного действия без предварительного судебного санкционирования производится судом в порядке ст. 165 УПК РФ.

Обсуждение и заключение

Таким образом, процессуальная деятельность суда по обеспечению правовых интересов в досудебных стадиях российского уголовного судопроизводства, в ходе которой суд при рассмотрении различных материалов досудебного производства осуществляет индивидуальное судебное регулирование в каждом конкретном случае, оказывает существенное влияние на законность всего досудебного производства в целом: способствует соблюдению разумного срока уголовного судопроизводства, реализации назначения уголовного судопроизводства. Суд в ходе досудебных стадий российского уголовного судопроизводства становится одним из главных участников процесса, обеспечивающим правовые интересы при производстве по уголовным делам.

Список источников

Ахматов И. И. Понятие, признаки и система уголовно-процессуальных правоотношений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2017. 28 с.

Ершов В. В. Регулирование правоотношений : моногр. М. : РГУП, 2020. 562 с. ISBN: 978-5-93916-840-3.

Каминский Э. С. О публичном и частном интересе в уголовном судопроизводстве // Ученые записки. Т. 14. Сборник статей преподавателей Казанского филиала ФГБОУВО «РГУП». Казань, 2018. С. 270–280.

Качалова О. В. Назначение уголовного судопроизводства сквозь призму материального права // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 3. С. 109–112.

Качалова О. В., Качалов В. И. Заключение под стражу в качестве меры пресечения: обоснованность применения и продления : учеб.-метод. материалы, подготовл. в рамках программ сотрудничества Совета Европы и Рос. Федерации. М. : Деловой стиль, 2019. 81 с.

Масленникова Л. Н. Публичное и диспозитивное начала в уголовном судопроизводстве России : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000. 554 с.

Тарасов А. А., Шарипова А. Р. Интересы в праве : моногр. / под ред. Г. М. Азнагуловой. М. : Юрлитинформ, 2019. 256 с. ISBN: 978-5-4396-1844-6.

Хроменков И. Р. Роль полномочий государственных органов в обеспечении баланса уголовно-процессуальных интересов в отечественном досудебном производстве по уголовным делам // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. ст. / под ред. О. И. Андреевой, С. А. Елисеева, А. С. Князькова и др. Томск : Изд-во Томск. гос. ун-та, 2021. Ч. 89. С. 221–223.

Хроменков И. Р. Уголовно-процессуальный интерес в отечественном досудебном производстве по уголовным делам: теоретические основы и проблема детерминированности // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 1. С. 131–144. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.134.1.131-144.

Cohen-Eliya M., Porat I. American Balancing and German Proportionality: The Historical Origins // International Journal of Constitutional Law. 2010. Vol. 8, no. 2. P. 263–286. DOI: 10.2139/ssrn.1272763.

Grimm D. Proportionality in Canadian and German Constitutional Jurisprudence // University of Toronto Law Journal. 2007. Vol. 57, no. 2. P. 383–397. DOI: 10.1353/tlj.2007.0014.

Packer H. L. Two Models of the Criminal Process. 1968 // Stanford University Press. URL: <https://www.jstor.org/stable/>.

References

Akhmatov, I. I., 2017. *Ponyatie, priznaki i sistema ugovolno-processual'nyh pravootnoshenij* = [The concept, signs and system of criminal procedural legal relations]. Abstract of Cand. Sci (Law) Dissertation. Yekaterinburg. 28 p. (In Russ.)

Cohen-Eliya, M., Porat, I., 2010. American Balancing and German Proportionality: The Historical Origins. *International Journal of Constitutional Law*, 8(2), pp. 263–286. DOI: 10.2139/ssrn.1272763.

Ershov, V. V., 2020. *Regulirovanie pravootnoshenij* = [Regulation of legal relations]. Moscow: Russian State University of Justice. 562 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-93916-840-3.

Grimm, D., 2007. Proportionality in Canadian and German Constitutional Jurisprudence. *University of Toronto Law Journal*, 57(2), pp. 383–397. DOI: 10.1353/tlj.2007.0014.

Kachalova, O. V., 2016. Appointment of criminal proceedings through the prism of substantive law. *Yuridicheskaya nauka i pravookhrani-*

tel'naya praktika = [Legal Science and Law Enforcement Practice], 3, pp. 109–112. (In Russ.)

Kachalova, O. V., Kachalov, V. I., 2019. *Zaklyuchenie pod strazhu v kachestve mery presecheniya: obosnovannost' primeneniya i prodleniya* = [Detention as a preventive measure: validity of application and extension]. Educational materials prepared within the framework of cooperation programs of the Council of Europe and the Russian Federation. Moscow: Delovoy stil'. 81 p. (In Russ.)

Kaminsky, E. S., 2018. On public and private interest in criminal proceedings. *Uchenye zapiski. T. 14. Sbornik statej prepodavatelej Kazanskogo filiala Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta pravosudiya* = [Scientific notes. Vol. 14. Collection of articles by teachers of the Kazan branch of the Russian State University of Justice]. Kazan. Pp. 270–280. (In Russ.)

Khromenkov, I. R., 2021. The role of the powers of state bodies in ensuring the balance of criminal procedural interests in domestic pre-trial proceedings in criminal cases. In: O. I. Andreeva, S. A. Eliseev, A. S. Knyaz'kov, et al., eds. *Pravovye problemy ukrepleniya rossijskoj gosudarstvennosti* = [Legal problems of strengthening Russian statehood]. Collection of articles. Tomsk: Tomsk State University Press. Pt. 89. Pp. 221–223. (In Russ.)

Khromenkov, I. R., 2022. Criminal procedural interest in domestic pre-trial proceedings in criminal cases: theoretical foundations and the problem of determinism. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava* = [Actual Problems of Russian Law], 17(1), pp. 131–144. (In Russ.) DOI: 10.17803/1994-1471.2022.134.1.131-144.

Maslennikova, L. N., 2000. *Publichnoe i dispozitivnoe nachala v ugovonom sudoproizvodstve Rossii* = [Public and dispositive principles in criminal proceedings in Russia]. Dr. Sci (Law) Dissertation. Moscow. 554 p. (In Russ.)

Packer, H. L., 1968. Two Models of the Criminal Process. *Stanford University Press*. URL: <https://www.jstor.org/stable/>.

Tarasov, A. A., Sharipova, A. R., 2019. *Interesy v prave* = [Interests in law]. Monograph. Ed. G. M. Aznagulova. Moscow: Yurlitinform. 256 p. (In Russ.) ISBN: 978-5-4396-1844-6.

Информация об авторах / Information about the authors

Качалова Оксана Валентиновна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-процессуального права имени Н. В. Радутной Российского государственного университета правосудия (Российская Федерация, 117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69).

Oksana V. Kachalova, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Radutnaya Department of Criminal Procedure Law, Russian State University of Justice (69 Novocheremushkinskaya St., Moscow, 117418, Russian Federation).

Хроменков Игорь Романович, кандидат юридических наук, прокурор отдела по обеспечению участия прокуроров в делах по экономическим спорам, административным правонарушениям гражданско-судебного управления прокуратуры г. Москвы (Российская Федерация, 109992, Москва, ГСП-2, пл. Крестьянская Застава, д. 1).

Igor' R. Khromenkov, Cand. Sci. (Law), Prosecutor of the Department for Ensuring the Prosecutors Participation in Cases of Economic Disputes, Administrative Offenses of the Civil Judicial Department of the Moscow Prosecutor's Office (Sq. Krestyanskaya Zastava, 1, GSP-2, Moscow, 109992, Russian Federation).

Заявленный вклад авторов / Contribution of the authors

Хроменков Игорь Романович – сбор и систематизация данных, анализ и обобщение результатов исследования.

Igor' R. Khromenkov – collection and systematization of data, analysis and generalization of research results.

Качалова Оксана Валентиновна – обзор литературы по исследуемой проблеме.

Oksana V. Kachalova – review of the literature on the problem under study

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflict of interest.

Дата поступления рукописи в редакцию издания: 17.11.2022; дата одобрения после рецензирования: 30.11.2022; дата принятия статьи к опубликованию: 13.01.2023.

Submitted: 17.11.2022; reviewed: 30.11.2022; revised: 13.01.2023.